

Елена Барлоу

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

Annotation

По объявлению в интернете девушка находит подработку в качестве сиделки для пострадавшего в крупном пожаре молодого человека. Деньги за работу платят хорошие, только вот стоит ли оно того, если пострадавший — грубая, эгоистичная, самовлюблённая сволочь?

Часть I. Дэни. Глава 1

Бристоль, Англия

2010 год, ноябрь

Этим утром улицы города походили на картинку из «Сайлент Хилл», отчего и без того мрачное настроение Дэни ухудшалось с удивительной быстротой. Жизнь и так дерьмо, а тут ещё и погодка...

«8:35» на часах, она проснулась десять минут назад и сейчас уже стояла на крыльце дома, одетая в тёплый свитер, ветровку, джинсы с дырами на коленях и серые кеды. Никакого завтрака, утреннего душа, даже причёсываться не стала, благо её «каре» и так выглядело пристойно.

Дэни ещё раз обвела мрачным взглядом пустую улицу, отметила про себя, что туман «охренеть, какой густой», достала «Cricket» и сигарету. Затянулась, выпустила дым, тут же слившийся с общим фоном серости. Пока курила, представляла, что делала в тот момент её старшая сестра: она должна уже сесть в поезд до Киншема, там её ждёт несравненный, самый классный на свете жених, которого Дэни никогда не видела. Дело не её важности, так что главное, чтобы сестра была счастлива.

— Йоу-йоу, киса! Дай сигаретку.

По-странному бесшумно мимо проехал чернокожий, долговязый парень на скейте, ловко затормозил у самых ступеней и оперся о каменные перила.

— Привет, Джей-Джей. Как сам?

Они пару раз хлопнули по ладоням, затем Дэни протянула приятелю свою недокуренную сигарету.

— Последняя, извиняй.

— Не брезгую, — он улыбнулся и затянулся из её пальцев. — Благодарствую.

— Какой довольный с утра пораньше. Чего так?

— Ночью ювелирку вскрыли, — он выпустил колечко дыма и довольно потёр ладони. — Копы орали, скулили. Как тараканы там бегали, не знали, что делать. Тупые мудаки.

— А нафига вы грабить пошли? — Дэни спустилась на три ступеньки ниже. — Мамка, что ли, кэш свой зажала? И вам с парнями на пиво и чипсы не хватило?

— Очень смешно. Да так, экстрима захотелось. А! И вот...

Джей-Джей достал из внутреннего кармана куртки полиэтиленовый пакетик с бледно-голубым порошком и потряс им перед лицом девушки.

— Ты сбрендил? Ты что, грёбанный Уолтер Уайт?

— Эта штука как медицинский препарат. Лёгкий наркотик, заглушает всё, абсолютно всё, потом только долгий и тихий кайф. Лежишь, а перед тобой Лоракс на пони скачет. — Он глупо хихикнул и шутливо ткнул пальцем Дэни в бок. — Поверь мне, это самая безопасная хрень из всех, что я пробовал.

— Эксперт хренов... Ладно, бывай, меня ждут.

— Это где такие важные лица заседают?

Девушка потушила сигарету, покопалась с пол минуты в карманах и достала смятый листок бумаги. Парень с важным видом стал вчитываться в распечатку.

— Адрес знакомый... Еба, м-м-м!

— Чего?

— Ты хоть знаешь, чьё это объявление?

Девушка нахмурилась и отрицательно покачала головой. Что ещё за сюрприз с этим объявлением?

— Фамилия «Филч». У нас здесь одна семейка с такой фамилией, и живут они именно по этому адресу. Блин, не верю, киса, что ты не знаешь, кто это.

— Понюхай порошка и поверь, — бросила она грубо. — Я тебе не телефонный справочник, каждую фамилию знать.

— Там живёт солист рок-группы. Называется... мать её, забыл! Они не то, чтобы такие известные, но музон у них тащил очень.

Дэни отмахнулась, пихнула приятеля плечом, чтобы дал пройти. Пока девушка не скрылась в тумане, он громко окликнул её и предупредил:

— А пацан-то сгорел, Дэни! Он капитально сгорел. Увидишь его, потом расскажи!

Она пересекла мост над железнодорожными путями, спустилась на Камберлэнд-Роад и снова включила плеер, до этого музыку перекрывал шум поезда. В наушниках запел Гэри Джарман, и Дэни натянула на голову капюшон, чтобы холодный ветер не морозил уши.

Девушка быстро прошла через арку между многоэтажек, новый район открылся аккуратными двухэтажными зданиями с оградками и зелёными лужайками. В отличие от района Дэни, здесь на стенах домов не было граффити, пошлых надписей, развороченных мусорных баков на улице, и даже автомобили все, как один — дорогие, элитные.

Напротив нужного дома Дэни остановилась и сняла наушники, достала ещё одну сигарету, которой решила не делиться с Джей-Джеем, закурила. Пару минут она разглядывала фасад дома, задумчиво пуская дым: трёхэтажное здание с ровными стенами цвета детской неожиданности, на всех окнах — кривые решётки, а окна сверху были ещё и задёрнуты шторами.

Вдруг розовая дверь, аля «домик куклы Барби», открылась, и из холла вышли две женщины: одна была одета в деловой строгий костюм, другая, пожилая блондинка — в чёрном пальто. Женщины весьма вежливо попрощались, блондинистая бабулька медленно спустилась с крыльца, и её пустые острые глазки недружелюбно посмотрели на Дэни. Та потом с радостью показала ей в спину язык.

Тут же Дэни сообразила, что сейчас встретится с хозяйкой, а главное, в объявлении было сказано: «...без вредных привычек: алкоголь, курение (НИКАКОГО ОГНЯ)».

— Блять! — выругалась она, выбросила сигарету в кусты, и судорожно стала махать ладонью перед лицом. Только потом она повернулась к даме в костюме.

— А ты, должно быть, «дэни_восемьдесят_восемь»? — с улыбкой спросила хозяйка. — Проходи, пожалуйста.

Девушка натянуто улыбнулась, вспомнив свой ник на сайте объявлений, поднялась на крыльцо и вошла за хозяйкой в холл. Не то, чтобы она ожидала или не ожидала увидеть богатые хоромы, но присвистнуть ей захотелось сразу же, оказавшись внутри: вполне симпатичные апартаменты, уютный холл, чисто и приятно глазу. Ваза там, цветок тут, парочка картин на библейские темы, обои в полосочку. Как будто кто-то долго и усердно строил себе дом в «Sims», набивая его всяким дорогим, ненужным барахлом.

— Снимай верхнюю одежду, вешай на крючки, вот тут. Обувь тоже, пожалуйста, сними, оставь у двери. Так, прямо по коридору — одна ванная комната, там вымой руки, если тебя

не затрудняет. Слева — кухня, напротив — мой кабинет. Проходи затем туда, и мы всё обсудим.

Дамочка скрылась в одной из комнат, и первым, что сообразила Дэни после её ухода, было: как хорошо, что я надела носки без дырок. Фьюх.

Следуя инструкции хозяйки, она прошла в ванную, немного покопалась в аптечке за зеркалом, потрогала все дорогие шампуни и гели для душа и только тогда с мылом вымыла руки. Походила несколько минут в коридоре, который освещался только боковым окном, поглазела на картины, даже умудрилась заглянуть на лестницу, ведущую наверх: там было слишком темно и прохладно. Только потом она вспомнила про кабинет, вернулась в холл и приоткрыла нужную дверь.

— Садись, пожалуйста, — не отвлекаясь от каких-то бумаг, хозяйка кивнула на стул напротив её рабочего стола.

Дэни села, оглядела кабинет: типичная домашняя конторка, слишком мрачная, неудобная. И эта дама... Если бы не банальный, деловой костюм, её можно было бы назвать даже красивой молодой женщиной, эдакая женщина-вамп, но чересчур строгий вид портит её, старил.

— Итак, Дэни, расскажи мне о себе, пожалуйста... Кстати, «Дэни» — это от какого имени?

— Ни от какого, — девушка равнодушно посмотрела на руки этой дамочки, пока та что-то старательно писала. — Просто «Дэни».

— Как скажешь. Где ты живёшь? Чем занимаешься?

Она задавала самые банальные и простые вопросы, и Дэни приходилось отвечать. Пока тема не перетекла в рабочую, она нервничала и едва не срывалась спросить об оплате, о той сумме, что была упомянута в объявлении. В конце концов, хозяйка сама приступила к главному разговору. Она отложила бумаги в сторону, села прямо, сложив руки перед собой, и заговорила.

— Моя работа предусматривает полную дневную и вечернюю занятость, Дэни, поэтому сейчас я решила на такой шаг и дала объявление, хотя раньше никогда так не делала.

— Понимаю, — девушка напряглась, глядя в карие глаза собеседницы.

— Как ты могла догадаться по исходному тексту объявления, сиделка... или, скорее, даже санитарка, нужна для пострадавшего при пожаре пациента. Это мой сын. Три месяца назад сгорел его офис в южном районе... Он был там не совсем в адекватном состоянии, поэтому не сумел вовремя выбраться.

— Угу, — Дэни кивнула, ничем не выдав своего удивления.

— Основной курс лечения прошёл довольно успешно, за исключением некоторых факторов, но это уже не так важно. Главное, при семидесяти процентах ожогов тела, поражённой огнём кожи, он выжил и теперь находится на реабилитационной стадии. В госпитале он прошёл через ад, восстановление даётся ему тяжело. К сожалению, я не могу находиться всё время рядом, и он сам... в общем, его отношение ко мне сейчас не позволяет этого. Так что посторонний, но, конечно, проверенный мною человек, его устроит больше.

«Странные какие-то отношения...» Дэни промолчала, затем просто кивнула, вроде как дала понять, что ситуацию осознаёт.

— Мои средства позволяют нам его домашнее лечение, — произнесла она немного мрачнее. — Здесь он в безопасности, сюда я приглашаю наших врачей, чтобы они фиксировали его физическое состояние. Через три недели мы планируем избавиться от

повязок совсем и продолжить восстановительную стадию курса, к тому времени ты, если ты подойдёшь нам, должна будешь изучить все вопросы, касающиеся необходимой моему сыну помощи.

Дэни как-то неестественно скривила губы и нахмурилась, всё это показалось ей слишком сложным и запутанным. И тут она вспомнила про объявление.

— Там было написано, что оплата еженедельная. Это так?

— Да.

— Четыре сотни в день, верно?

— Всё верно. Мы подпишем необходимые бумаги, а также договор о неразглашении...

— Извините, чего? — она даже наклонилась ближе, ей показалось, что она просто ослышалась.

— О неразглашении твоих обязанностей и личностей меня и моего сына в отдельных областях.

Дабы не показаться полной дурой в глазах хозяйки, она притворилась, что поняла, зачем нужен такой договор. В отличие от Джей-Джея, она не имела понятия, кем были эти Филчи. Так что Дэни оставалось лишь утвердительно кивать.

— Теперь я попрошу тебя рассказать о твоём опыте и рекомендациях, если таковые имеются.

— А! Да, конечно, — Дэни полезла в карманы, чтобы вытащить нужные бумаги. — Э-э-э, вот, я работала в местном госпитале два месяца... ещё есть волонтерская программа, там я тоже долго была... Опыт с ожоговыми больными у меня тоже имеется... вот рекомендации.

Дамочка аккуратно расправила смятые бумаги с подписями и печатями, удостоверилась в их подлинности и вернула Дэни.

— Кстати, — девушка решила выложить свой главный козырь, чтобы уж наверняка убедить собеседницу, — моя старшая сестра — калека, и я десять лет жила с ней и помогала, выхаживала, всё такое... Было трудно, но мы справились, и теперь через три месяца она выходит замуж.

Фотографию сестры она показала в последнюю очередь, на что хозяйка понимающе кивнула.

— Меня удовлетворяет твоя работа в волонтерах, это впечатляет. Если мы придём к единому соглашению, всё пройдет хорошо.

— Если придём?

Дамочка так странно улыбнулась, Дэни и не уловила того момента, когда они перешли к чему-то большему, личному.

— С моим сыном довольно тяжело справиться, как я уже дала понять. Так было и до трагедии, а теперь... Ты должна быть терпимой и упрямой, какой никогда не была ни с одним пациентом.

— Ну, я постараюсь. И я не боюсь трудных людей. В этом можете не сомневаться.

Пока они вместе поднимались на второй этаж по той самой лестнице, скрепящей каждой ступенькой под ногами, Филч в своей привычной манере давала Дэни очередные указания:

— Все колющие, режущие предметы нужно сдать. Если есть украшения — сними их, пожалуйста.

Ничего из перечисленного у неё не имелось, по крайней мере на тот момент. Коридор

на втором этаже казался совершенно пустым и холодным: четыре двери подряд, все с замочными скважинами; прямо картинка из триллера про псих-больницу.

Они остановились напротив последней двери, хозяйка подала девушке медицинский респиратор, не забыла надеть свой, только потом открыла дверь и пропустила Дэни в комнату.

— Здесь ничего не трогай, пожалуйста. Только с моего личного разрешения.

Дэни не ожидала переместиться из домашней обстановки в обстановку госпиталя. Она оказалась в комнате, идеально оборудованной под больничную палату. Единственное окно здесь — окно напротив двери — было закрыто широкими жалюзи, так что соблюдение одного из главных правил нахождения здесь, а точнее, как можно меньше света, было строго отмечено полумраком.

Благодаря тусклому свету лампы, креплённой прямо над косяком двери, Дэни разглядела широкую койку у правой стены, окружённую бледно-голубой шторой и оборудованную автоматическим подъёмом спинки, рядом с койкой — тележку с медикаментами, медицинскими приборами, накрытыми белой тканью, а напротив — белый, как и всё здесь, огромный шкаф.

Хозяйка прошла вперёд, оставив немного загруженную увиденным Дэни у двери, обошла койку, зацепив штору и потянув её за собой, чтобы открыть, наконец, пострадавшего парня гостье. Вот тут девушку уже не могло ничего удивить, мумию она видела и по телевизору раньше. Вернее, сейчас она успокаивала себя этой мыслью, глядя на забинтованного с головы до пят человека, лежащего на постели под белым покрывалом. Из-за всех этих бинтов Дэни не видела его лица, что и требовалось ей для понимания всей ситуации: он действительно сторел, теперь ожоги покрывали его голову, лицо, руки, огонь сжёг волосы...

— Я до сих пор верю в то, что его погубила страсть к музыке, — сказала вдруг дамочка приглушённым из-за респиратора шёпотом. — Он всего себя отдавал группе и творчеству. Если бы он не был в тот день в офисе...

В тишине послышался тихий всхлип, и Дэни вежливо промолчала, продолжив глазеть на забинтованного мужчину. Она не знала ни его, ни эту его группу. Видимо, просто не судьба. Дэни вдруг подумала о том, как долго ей придётся работать с ним, судя по всему, он был тяжёлым случаем: ей придётся ухаживать за ним, быть внимательной и терпеливой, выучить новые препараты, лекарства, возможно, даже самой раздевать его, и тому подобное. Видимо, цена за подобные услуги просто ослепила её, и жажда расквитаться со всеми, кому она задолжала крупные суммы денег, дезориентировала её. А нужно ли так истязать себя ради денег? Кажется, она сама себя обманула.

Женщина проверила показатели на аппаратуре рядом с койкой, с минуту прислушивалась к дыханию сына, и только потом они с Дэни покинули комнату. Уже оказавшись в холле, хозяйка сняла респиратор, забрала второй у девушки и учтиво поинтересовалась:

— Ты немного не этого ожидала, верно? Я вижу, ты растеряна. Ничего, ты не первая, кто пришёл сюда с иными представлениями.

— Мне очень жаль вашего сына, — Дэни настойчиво подавила желание сбежать отсюда как можно скорее, — но сейчас я действительно не знаю, нужно ли мне это.

Хозяйка понимающе кивнула, и лёгкая улыбка тронула её губы. Лишь бы не обиделась, подумала девушка, получилось и так жутко неловко.

Одевшись и уже приготовившись уходить, Дэни остановилась у входной двери, повернулась к женщине и спросила:

— У меня ведь есть немного времени подумать?

— Я сообщу, если вакансия окажется занята.

Вот так. Никто тебя ждать не будет, а на что ты рассчитывала? Два часа в день нянчить больного мальчишку, который оказался вовсе не мальчишкой, а взрослым парнем с состоятельной, строгой мамашей за его спиной, и за это получать деньги?

Девушка просто открыла дверь и вышла на улицу. Сразу же стало легче, словно, покинув этот тёмный дом, она сбросила камень с души. А, может, ну их? Найдётся другая работа, в другой области. Здесь всё слишком тяжело и запутанно, она этого не выдержит. Одно дело — дети в госпитале, другое — полностью сгоревший мужик. Жуть.

Дэни отошла на несколько футов от крыльца, достала сигарету, закурила. Постояла недолго, глядя на туман внизу улицы, затем обернулась к дому семейки Филч.

Всё-таки дерьмового цвета у него стены.

Записи в дневнике Ричарда Филча

4 ноября, 2010

Этот придурок психотерапевт посоветовал мне делать ежедневные записи в тетради... Мол, это поможет моей мышечной памяти, когда работают руки, пальцы, значит, уменьшается возможность ограничения их подвижности... Чёрт! Я не помню ни хрена из того, что он говорил!

Как можно нормально вести записи, когда все твои пальцы, руки, плечи, блять, вообще всё — перевязано бинтами? Я уже не упоминаю эту жуткую боль... Она будто везде, и, если бы не обезболивающее, я бы сошёл с ума!!!

Я смотрю на свои руки, вижу белую ткань и красные пятна, проступающие на ней.

Хуже всего эта самая боль... Трудно двигаться, говорить, трогать что-то, а тем более вставать и ходить. Мамаша твердит, что всё скоро кончится. Из её уст это звучит так, словно я вот-вот отойду в Мир Иной. В мои двадцать семь лет я похоронил себя.

Было бы неплохо...

5 ноября

Психотерапевт был прав: пальцы стали более чувствительными, и, хотя боль не отпускает ни на минуту, я могу свободно ими двигать.

Из-за препаратов, которыми меня пичкают каждый день, я порой не чувствую конечностей. Это страшно. Раньше я никогда не думал о том, как живут калеки... Нет, я даже сейчас думать об этом не могу.

В этой сраной комнате так мало света! Я ощущаю себя, как в могиле, но мать не хочет ничего знать: меньше яркого света, больше работающего кондиционера, и так далее.

Это странно, но я отчётливо слышу, как он гудит, даже сейчас... Словно это шумит какая-то адская машина, работает своими лопастями, крутит ими, подбирается ко мне всё ближе... У меня глюки? Или просто последствия реабилитации, и я схожу с ума?

Сейчас приходила мать, привела с собой доктора. Того самого, из госпиталя, его я видел в своих кошмарах. Закономерно, ведь это Он и его команда, в состав которой вошла и моя мамаша, истязали меня всё это время, не дали спокойно сдохнуть... Долго меняли бинты, болтали про какую-то мазь. Мне нужны антибиотики, а этот хрен говорит про другое, совершенно другое. Урод сраный!

Когда они ушли, мне захотелось свернуть им шею.

Я разбил кулаком стекло шкафа. Прибежала мать со своим докторишкой, который с поразительной быстротой ввёл мне что-то, и я отрубился прямо на полу. Проснулся перевязанный, в койке, жутко захотел есть. Мать была тут, как тут.

6 ноября

Суки... но эти суки знают своё дело. Мать и её приятели были правы: я сорвал жалюзи с окна, и солнечный свет ослепил меня. И если бы просто ослепил, но я кожей почувствовал, как горю, поджариваюсь, словно кусок мяса... Господи, я готов поклясться, что мои бинты загорелись от солнца. Это было ужасно, отвратительно. Я больше не выйду на этот грёбанный свет...

Я вспомнил тот день в офисе.

Я — бухой, злой — поджёг что-то, может, шторы, может, одежду; всё это вспыхнуло за несколько секунд, я потерял ориентир, не смог найти дверь и упал прямо там, в круге из огня. Точно вспоминаю, как я засмеялся. Истерика длилась до тех пор, пока я не увидел, как пузырится моя кожа, а пламя скачет по телу, и одежда плавится на мне...

Затем последовала только боль... Боль. БОЛЬ! Она не даёт мне думать, спать, я не могу сосредоточиться...

Боже, да что я такого сделал?!

7 ноября

Эта тварь не даёт мне мои записи! Говорит, что даже ноутбук с наушниками мне не положен. Что за бред?!

Мне нужна моя музыка! Мои песни, моя музыка...

Лучше умереть, чем не иметь возможности творить!

9 ноября

Наплевать на то, что я сижу здесь без музыки. По крайней мере, у меня есть бумага и ручка. Вчера я не мог уснуть, в голову лезли всякие жуткие мысли... Попутно настроил что-то на бинтах, шипя от боли, зато теперь списываю сюда...

Как жаль, что мне не дают гитару... Знаю, мне было бы больно просто держать её в руках, но я скучаю по этому ощущению струн под моими пальцами, музыки, льющейся прямо в момент озарения...

Я так скучаю, чёрт подери...

10 ноября

Наконец-то вернул свой мобильный. Мамаша даёт его всего на час в день, но этого достаточно. Ребята из группы молчат, выступлений тоже нет. Надеюсь, они ещё позвонят.

Не могу дозвониться Энни. Гудки меня убивают. Это хуже, чем физическая боль. Где она пропадает? Почему не звонит, не пишет? Она знает, где я, и не звонит...

Моя почта пуста.

Или для всех я — сгоревший труп? Вы забыли меня?!

15 ноября

Твари! Мрази! Я ненавижу вас всех... ненавижу всех... ненавижу!

Энни, ты — сука! Шлюха долбанная...

Я один. Всё время один. Даже мамаша стала реже заходить.

На фан-сайте поклонники пишут пожелания, чтобы я вернулся. Самовлюблённые мудаки. Им плевать. Всем теперь плевать.

Всё ещё неудобно спать и ходить. Бинты и одежда приносят ещё больше боли... Я должен начать молиться? Пора поверить в Бога, да? Этого от меня ждут — раскаяния? Я должен был сгореть в адском пламени за свои грехи, но возродиться и жить, как ходячий труп.

Я не вижу своего тату, набитого когда-то на правом запястье...

17 ноября

Мать улеглась спать, а я еле-еле поднялся с койки, подошёл к шкафу, сдёрнул простынь. Стал медленно раздеваться, стоя прямо перед новёхоньким стеклом. Рубашка, штаны, повязки... Господи, больно было даже снимать всё это!

Потом я увидел себя. Шея, плечи, руки, живот и ноги... Всё это в ожогах, шрамах, словно кто-то старательно выжигал на мне кривые узоры, вырывал из меня плоть... О лице и думать не хочу. По крайней мере, нос цел, и я избавлен от участи Призрака Оперы. Как

снисходительно. Но мой талант не настолько велик, как его.

Я ничего безобразнее в своей жизни не видел. Удивительно, как меня не вырвало от собственного вида. Я похож на разлагающийся труп, живой труп. Только бы Энни не узнала.

За всё время реабилитации я и не почувствовал отсутствия у себя чего-либо. Однако, левое ухо как-будто расплавилось, его почти не заметно, хотя слышу я нормально. Отвратительно. Станным образом тазовая часть тела не пострадала. Иронично, да. Мой член цел, в отличие от меня самого.

Я смотрел на себя и думал, кто теперь меня захочет? Мою задницу и мой член теперь не увидит ни одна женщина. Энни? Боже, не дай ей меня увидеть таким... Я лучше сам себя убью.

Пока пишу, я смотрю на свои чёрные пальцы, огрубевшую кожу рук, покрасневшую и распухшую, и думаю, что мне теперь делать. Моим единственным другом теперь навсегда останется боль? Больше не будет толпы, кричащей моё имя, моей музыки на дисках... не будет Энни и её нежных объятий по ночам. И я в который раз спрашиваю себя: за что?

Сидя на скамейке на вершине холма Брэндон Хилл, Дэни докуривала сигарету и смотрела на район города, открытый перед ней в своём естестве: грязный, мрачный, разрисованный тусклыми граффити.

Утро выдалось спокойным, хоть и холодным, но девушка решила прогуляться, чтобы немного развеяться. Две недели она подрабатывала в одном местном маленьком кафе, получала гроши и проклинала свою жизнь. Всё скатывалось к деньгам, которых не было, чтобы покрыть долги, которых было много. К тому же, сестра собиралась замуж, что само собой накладывало на Дэни ответственность за мероприятие, которое она не считала настолько важным.

Завибрировал мобильник, Дэни не узнала номер, но вызов приняла.

— Слушаю.

— Дэни, это ты?

— Кто спрашивает?

— Это мисс Филч...

Девушка тут же напряглась и сосредоточилась.

— Прости за столь ранний звонок.

— Скорее, поздний, — пробубнила она обиженно.

— Сейчас я уже не знаю, к кому обратиться. Ситуация вышла из под контроля. Не могла бы ты подойти сегодня, сейчас? Кстати, я заплачу, если первый день тебя не устроит и ты захочешь уйти.

В голосе женщины слышалось отчаяние, у Дэни вдруг возникло ощущение, что дамочка действительно нуждается в помощи. Между прочим, помощь нужна была и ей самой. Материальная.

— Хорошо. Я приду. — Она уже вскочила с места и быстрым шагом направилась в сторону нужной улицы.

— Спасибо. Ключ от входа в кухню под ковриком, у двери. И, да, Дэни... Пожалуйста, никаких сигарет и огня.

Она пришла к дому после девяти утра, предусмотрительно сунув пачку сигарет и зажигалку в цветочный горшок, стоявший возле входной двери. Тяжко вздохнув, девушка откинула с головы капюшон и постучала. Ответа не последовало, ни через минуту, ни через две. Только тогда Дэни вспомнила про вход со двора. Взяла под ковриком со стёртой надписью «добро пожаловать» ключ, обошла дом с правой стороны, с трудом протиснулась в калитку, которая почти не поддавалась и не открывалась. Задний двор был таким же безликим, как это серое утро. Жёлтая трава газона в перемешку с грязью, какой-то деревянный хлам по углам у забора, старая, развалившаяся мебель — вот, пожалуй, и всё.

Открыв неприметную дверь ключом, Дэни вошла в просторную кухню, утопающую во мраке, огляделась и, наконец, выдохнула. Всё, её первый рабочий день начался, надо собраться.

Сняла куртку, ботинки, на цыпочках перебежала коридор и оставила одежду и маленький рюкзак у входной двери. Со второго этажа слышался какой-то шум, затем

прозвучал хриплый, мужской голос:

— Вернулась?! Оставь меня в покое!

А вот и больной с утречка пораньше дал о себе знать. Дэни растормошила волосы ладонью, поправила мешковатый свитер и побежала по лестнице наверх. Только дверь в «палату» была приоткрыта, поэтому она сразу направилась туда. Её взору предстала всё та же комната с койкой, аппаратурой, шкафом и... опрокинутая на пол тележка, пара пластиковых тарелок с кашей и разлитый сок.

— Что. За. Срач?!

Дэни оглядела всю эту кучу, затем подняла глаза на парня, сидящего на краю койки и полуобернувшегося к ней. Лица она не видела — только сутулую спину, широкие, жилистые плечи и капюшон медицинского халата.

Девушка подняла с пола стакан, покрутила в руке, подошла к больному и встала перед ним, уперев руки в бока.

— Это ты натворил?

— Допустим. — Пробубнил он, не поднимая головы. — Ты вообще кто?

— Конь в пальто, блин!

Она скользнула взглядом по его худощавой фигуре, посмотрела на перебинтованные ноги и хмыкнула. Вернулась к бардаку, подняла тележку и стала подбирать тарелки с остатками еды.

— Ещё одна смелая? — вновь послышался хриплый голос над ней. — Тебя мамаша прислала? Сколько она тебе обещала?

Дэни молчала, пока прибиралась, игнорируя тяжёлые шаги позади. Она чувствовала, как он рассматривает её за спиной, и, как оказалось, ощущение это было неприятным. Не каждый день живая мумия с жутким голосом стоит и смотрит на тебя.

— Ты не похожа на тех куриц, которые раньше приходили. Так сколько она тебе обещала за унижения?

— Нет, не похожа, — Дэни выпрямилась и откинула со лба прядь волос. — И, да, обещала четыре сотни в день. Ещё вопросы есть?

— Да, есть один.

Он вскинул руки, чтобы снять капюшон, что и сделал. Даже при тусклом свете лампы Дэни прекрасно могла его разглядеть, он стоял всего в паре шагов от неё. Парень был всего на пол головы выше неё, и всё же казался намного внушительнее. Дэни увидела его обожжённое лицо и замерла: тёмные, кривые пятна покрывали его голый череп, левую щёку, шею, ожоги тянулись под ворот халата, под белые бинты. Голубые глаза просто пылали, а потемневшие, почти бесформенные губы были плотно сжаты.

Вот как он отталкивал их. Или пугал, или что он там делал, неважно. Дэни тут же поняла ситуацию. Она поняла отчаяние мисс Филч и её быстрый побег из дома с утра. Её сынок не давал сиделкам шанса и, видимо, пытался одним своим видом довести их до белого каления. То же самое он решил проделать и с ней самой, но Дэни знала себе цену. А ещё она знала, сколько зарабатывает, если поставит эту наглуую, «жареную» рожу на место.

Прозрачные глаза всё ещё следили за ней, однако, внешне девушка ничего не показала. Она заглянула Филчу в лицо, прищурилась и вдруг захихикала, что на минуточку его явно обескуражило.

— Прости, я просто никогда раньше не видела парня без бровей. Ты похож на альбиноса.

Голубые глаза сузились, когда она постаралась скрыть очередной смешок. Его трюк с первым впечатлением не сработал, парень немного растерялся; нахмурился, снова спрятался под широкий капюшон и как можно сильнее натянул его на лицо.

— А больше тебя ничего не волнует? — глухо спросил он, возвращаясь в койку.

— А больше я ничего не увидела.

Пока он неуклюже укладывался на правый бок, не прекращая бормотать что-то себе под нос, она разглядывала его, попутно собирая тележку. Его ожоги и шрамы не впечатлили её настолько, чтобы с визгами и криками убежать отсюда, хотя парень надеялся на это, несомненно. Его матери с ним ох как нелегко.

— Хоть имя своё скажи.

— Так ты не знаешь? — он откинулся на поднятую спинку койки и оперся левой рукой о жёсткий матрас. — Удивительно! Пришла на работу, не имея понятия о том, кто твой подопечный.

— А ты что, такая важная птица, что я должна тебя знать?

— Может быть, в твоём районе обо мне не слышали, но это не значит, что я совсем безызвестный.

— Мои поздравления! — саркастично воскликнула она. — Ну так имя есть, или мне самой его придумать?

— Ричард, — неохотно ответил он. — От тебя несёт дешёвыми сигаретами.

— Да, Шерлок, я в курсе.

Она вышла из комнаты, подталкивая перед собой тележку, которую пришлось спускать по лестнице, благо, тележка оказалась не такой тяжёлой, чтобы донести её до кухни. Дэни выбросила испорченный завтрак в мусорное ведро, открыла холодильник и проверила его содержимое: горы разных консерв, запечатанных боксов с готовыми обедами и ужином, дорогая питьевая вода и фрукты. Дэни с утра ничего не ела, но сейчас решила отложить это дело до обеда.

Несколько минут она изучала кухонные шкафчики, нашла сухие завтраки, ещё воду и целые коробки с дорогими лекарствами. Какое-то время она просто сидела за круглым столом и глядела в одну точку, не замечая ничего. В конце концов, тишина ей надоела, Дэни вышла в холл и вдруг заметила открытый конверт, лежащий на тумбе. Прочтя на нём своё имя, девушка достала распечатанный список заданий, оглаваемый «инструкцией».

— Завтрак, ванна, массаж... сон? Ё-маё, и это всё? Вот же халява пришла!

— Не обольщайся.

Дэни подпрыгнула на месте, услышав этот голос за спиной, даже сжала в руке инструкцию, затем обернулась. Филч стоял теперь перед ней, горящим взглядом глядя на неё из под капюшона. Что ж, мумия с дикими глазами маньяка сумела её застукать.

— До усрачки меня напугал! — прошипела она. — Не делай так больше, понял?

Он хмыкнул, повернулся и направился на кухню. Только сейчас Дэни поняла, что он смог бесшумно спуститься на первый этаж и подкрасться к ней. Девушка последовала за ним, а увидев, как парень берёт с полки сухой завтрак, подскочила и выхватила из его рук коробку.

— Ты обалдел? Никакой твёрдой пищи, усёк? Что у нас там по инструкции? Так...

Она пробежала глазами по распечатке, покачала головой и сунула бумагу в карман джинс.

— Значит, пьёшь антибиотики и специальные коктейли. Сейчас состряпаем.

Пока Дэни возилась с напитком, Филч проковылял к столу. Боковым зрением Дэни заметила, как медленно и осторожно ходит парень, а уж садится и вовсе, как семидесятилетний старичок.

— А тебя как зовут? — спросил он без особого интереса.

— Дэни.

— Это от «Даниэллы»?

Надо же, подумала она, а он оказался сообразительнее мамыши, попал в точку. Видимо, её молчание он принял за согласие, раз затем произнёс:

— Имя не для девицы, которая соглашается на пятидневку с незнакомыми людьми.

— Это всё, что оставил мне отец — громкое, дурацкое имя, которое я ненавижу. — Она почти со злостью хлопнула крышку пластикового стакана, повернулась к столу и поставила коктейль перед парнем. — Вот, пей до дна, Ричи-Рич. Я слежу.

— Я поражаюсь, дорогуша. Кем ты себя возомнила? Решила, что моя мать дала тебе власть? — Он медленно встал, опираясь о край стола и двинулся прямо на девушку. — Я не стану ни слушаться тебя, ни выполнять указания матери, ясно? Тебе нужны деньги, бедное, нищее создание, но это не мои проблемы. Просто уясни сразу: тебе со мной не справиться. Бери свои вещички и убирайся вон!

Последние слова он прошипел с такой злобой, что, казалось, выпустит пар из ноздрей, как огнедышащий дракон. Этого дракона надо поставить на место, и Дэни знала, как нужно это сделать. Она знала множество способов унижения таких вот эгоистов, зажавшихся богатеньких мальчиков, которых слишком долго целовали в попку.

Девушка резко дёрнулась вперёд, положив обе ладони парню на грудь, толкнула его так, что тот стиснул зубы и не устоял на ногах: упал на стул позади него.

— Теперь послушай меня, Ричи-Рич! — Дэни наклонилась к нему, сдёрнула капюшон с его головы и максимально приблизилась к изуродованному лицу. — Я за эти деньги буду держаться, как хищник за кусок мяса! Я не позволю какому-то обиженному судьбой жлобу себя дурачить. Мне плевать на тебя, твои чувства, твои страдания. Мне нужны деньги — твоя мать желает тебе скорейшего выздоровления. Это замкнутый круг, в котором всё идеально! И ты будешь жить и восстанавливаться, даже если нам придётся приковать тебя цепями к постели и насильно пичкать лекарствами. Да, сладкий, придётся тебе терпеть меня, врачей и свою ненавистную мамашу! Ты меня понял?

Филч был зол, она видела это невооруженным глазом. Это приведение с остервеневшим взглядом готово было её убить... Однако, Ричард промолчал. Резко выдохнул, и опустил глаза, уставившись на свои колени. Дэни отстранилась, удовлетворённая маленькой победой, и только тогда он спрятался в свой любимый капюшон.

— Пей это. Живо! — девушка подала ему стакан прямо в руки.

Полминуты она наблюдала, как забинтованные, тонкие пальцы сжимают стакан, пока парень медленно пил, отвернувшись от неё. Наконец, покончив с этим делом, он поднялся и прохрипел:

— Я устал.

— Ну, тогда тебе нужен крепкий, здоровый сон. Только не увлекайся. Нам ещё предстоит массаж, обед, затем бинты сменить...

Ричард её не дослушал, просто развернулся и покинул кухню; Дэни услышала, как заскрипела лестница под его ногами, затем хлопнула дверь в «палату». Девушка, будучи, довольный собой, прошла в гостиную. Да, больше он не подкрадётся незаметно.

Забавно, как быстро проходит день, когда ты не делаешь ничего, но знаешь, что тебе за это заплатят. В послеобеденное время Дэни постучала в дверь на втором этаже и, не получив ответа, вошла в комнату. Филч спал на своей белоснежной койке, на спине, положив забинтованные руки поверх покрывала. Дышал медленно и тяжело, и во сне, в тенях комнаты, его обожжённое лицо казалось чёрным. Недолго подумав, девушка всё же решила не будить парня. Да и пихать его, и вообще применять грубую силу не стоило. Она никогда не грубила тем, кто не мог ответить. А этот, хоть и крупный малый по сравнению с ней, не сможет её тронуть. Вряд ли, при его увечьях.

Оставив парня досыпать, Дэни спустилась вниз, включила в просторной, уютной гостиной телевизор и поудобнее устроилась на широком, мягком диване. К пяти вечера ей надоело щёлкать по музыкальным и новостным каналам, и под один из старых, чёрно-белых фильмов ужасов, она стала засыпать.

— ... Всё, что я знаю — это смерть, в её самой ужасной ипостаси, ожидает меня на верху этой лестницы! [1]

— Ты, наверное, ударила голову, — Дэни лениво прокомментировала жалобу главной героини и положила голову на маленькую подушку. — Как можно забыть свой самый жуткий день в жизни и не знать, что тогда произошло? На то он и самый страшный день...

Девушка больше не могла бороться, неожиданная усталость одолела её за несколько коротких минут. Дэни закрыла глаза и расслабилась.

— ... Мы покинули старый дом: в тишине, в предчувствии беды, это место, где царили ужас и смерть. Он был полон призраков. Больше никто и никогда не будет жить здесь. Это был дом безумия...

Её разбудил рекламный ролик, как всегда, прозвучавший громче записи старого фильма. Дэни резко выпрямилась, протёрла глаза и, отыскав в складках дивана пульт, выключила телевизор.

Только в то мгновение она осознала, где и почему находится. Сон расстаял, а с ним короткое забвение: подтянув джинсы, Дэни поспешила наверх. И вдруг остановилась, оказавшись в тёмном коридоре, который пересекала лишь одна полоса света, льющегося из приоткрытой двери «палаты». Нет, не жуткая схожесть с той самой лестницей из чёрно-белой картины заставила её остановиться. Скорее, идея того, какой кошмар кроется во тьме дома, в котором она посмела заснуть. Дэни повела плечами, сделала глубокий вдох и подошла к самой двери. Входить или стучать не стала, просто опустилась на колени и заглянула в проём.

Она видела Филча, стоявшего спиной к ней, лицом — к шкафу. Видимо, он всматривался в стекло, в своё отражение. Парень очень медленно снял с головы капюшон халата, затем дрожащими пальцами, с аккуратной осторожностью, стянул с плеч сам халат. Дэни знала, что это нечто неправильное, ненормальное, стоять вот так, на коленях, и подглядывать за тем, как раздевается Ричард, но сделать с собой ничего не могла. Не могла заставить себя отвернуться и уйти.

Теперь она видела его широкую, голую спину, почти полностью обезображенную ожогами и шрамами кожу, и не могла оторвать взгляда от этого уродства, от жилистых рук, ещё забинтованных по локти, от мускулов, кажущихся открытыми.

Ричард несколько минут смотрел на своё отражение, а Дэни — на него самого, и вдруг

медленно повернулся полубоком, так, чтобы видеть отражение своей спины. Крутить головой ему явно было непросто и неприятно, он с силой стиснул зубы, претерпевая боль. Чего он так старательно себя рассматривает? Подсчитывает убыток своей красоты? Дэни тут же мысленно обсмеяла себя: сама же в тихую глазает и не краснеет. Очень странно всё это.

Его грудь пересекали несколько кривых шрамов, от правой ключицы до живота, и кожа в основном имела нездоровый цвет. Дэни просто посмотрела на его торс и судорожно сглотнула. Ожоги тянулись по животу, под пояс белых, широких штанов.

— Боже мой... — прошептала она, прикрыв рот пальцами. — Что же у тебя там, ниже...

В следующее мгновение раздался громкий, дверной звонок, что и вывело Дэни из её странного ступора. Не убедившись даже, что парень не заметил её присутствия, она вскочила с места и побежала открывать дверь.

— А, ты всё-таки здесь, — хозяйка вошла в холл, приветливо улыбаясь. — Это прекрасно! Как у вас тут дела?

Дэни подумала про её полуобнажённого сына и нервно дёрнулась.

— Всё было супер, мэм. Он сейчас отдыхает.

И, посудив по тому, как Ричард реагирует на мать, она учтиво добавила:

— Я думаю, его сегодня не надо трогать. Э-э-э, пусть выспится, бедняга.

— Конечно, спасибо тебе, дорогая.

Дэни вдруг подумала, что её стошнит, если эта дамочка ещё раз назовёт её «дорогая». Жуткая манера из вежливости и женственности. За такое в её родном районе загнобили бы за считанные секунды.

— Я думаю, я готова приходить пять раз в неделю.

Филч несколько мгновений просто смотрела на неё, но Дэни ничуть не смутил этот тяжёлый, ставший вдруг строгим, взгляд. В конце концов, дамочка кивнула, затем, пока девушка одевалась, наскоро рассказала ей, когда приходить и что конкретно делать. Перед тем, как открыть перед Дэни дверь, хозяйка очень тихо спросила:

— Скажи, ведь ты смогла посмотреть на него? Это действительно настолько серьёзно, как он говорил?

Дэни сперва показалось, что она просто ослышалась, однако, до неё дошло: мать до сих пор не видела собственного сына без всех тех бинтов и повязок. Это было странно, неестественно, зато дало девушке очередную возможность убедиться в отвратительных семейных отношениях в этом доме.

— Я не знаю, — ответила она просто. — Посмотрела и всё.

— Не каждый перетерпит такое зрелище, — её голос прозвучал печально, но Дэни это не впечатлило. — Я разговаривала с врачами. Они были поражены, что он остался жив. Но какой ценой...

— Поверьте мне: ни вы, ни он не знаете, что такое настоящий кошмар. Доброй ночи.

Она вышла на крыльцо и захлопнула за собой дверь. Вечер был холодным, тёмным, и стоило Дэни отойти от дома, как она почувствовала мерзкий, спёртый запах с помойки. С мрачными мыслями она возвращалась на знакомую с детства улицу, в другой район города.

[1] «My World Dies Screaming» (переименованный в *Terror in the Haunted House*) американский фильм 1958го года.

Дэни уже стояла на крыльце, когда услышала громкие, мужские голоса, раздающиеся за дверью. Один из них принадлежал Ричарду, другой... Тот, другой, она узнала сразу. Дверь вдруг резко открылась, и на крыльцо вышел невысокий смуглый парень, одетый во всё чёрное.

— ... Ты — гавнюк! Ты им был, им и остался!

С такими словами он захлопнул дверь, зло выругался и только тогда заметил девушку. Не растерявшись, она натянуто улыбнулась, парень тоже успокоился и спросил:

— Огонька не найдётся, милашка? У меня пусто.

Он повертел в пальцах зажигалку — прозрачную, синеватую пустышку — и заулыбался. Недолго думая, Дэни достала из цветочного горшка свои сигареты и зажигалку и протянула парню.

— Спасибо, милашка. — Парень затянулся и подмигнул ей. — Ты ведь не из армии поклонниц «Heartless»?

— Кого?

— Группы Рича. Ты ведь не одна из них?

— Боже упаси. Я никогда о ней не слышала.

— Вот как...

— А тебя я знаю, — Дэни закивала, рассматривая его с ног до головы. — Ты — диджей на нашем радио. Ты высмеиваешь американские бойз-бэнды. Обожаю твои передачи.

— Спасибо, я тронут.

В милом жесте он решил протянуть руку, не прекращая смотреть ей прямо в глаза, но Дэни отрицательно замотала головой.

— Извини, я не жму руки незнакомцам. У меня... э-э-э, нелюбовь к прикосновениям.

— Хм, понимаю, бывает. А что ты делаешь здесь?

— Я вроде сиделки. Мамаша Филч просила помочь.

— Да уж, — парень хмыкнул, покосившись на входную дверь. — Этому засранцу нужна помощь. Он и раньше не отличался хорошим характером, а сейчас вообще спятил.

— Давно его знаешь?

— Лет шесть. Продвигаю их группу, помогаю с выступлениями. Организация — это не моё, но у Рича и группы было большое будущее. Я думал, что вытасу их на большие сцены.

Он так странно посмотрел на Дэни, отрешённо, при том задумчиво разглядывая её, затем просто бросил сигарету в ближайšie кусты.

— Ну, ладно, милашка. Я пошёл. Будь осторожна с этим гавнюком.

А я его себе другим представляла, подумала Дэни, глядя на удаляющуюся вниз по улице тёмную фигуру. Вообще-то, она всего пару раз слышала его передачу на радио. Так себе, выпендрёж.

Холл встретил её мраком и тишиной. Дэни сняла куртку, кеды оставила под вешалкой, сама же прошла в гостиную. Филч сидел на диване, низко опустив голову, и как-то странно покачивался, вперёд-назад. Казалось даже, он что-то горячо шептал себе под нос, но, стоило девушке подойти ближе, как он тут же набросил на голову капюшон и затих.

— Значит, «Heartless»? Кто придумал название?

Парень продолжал сидеть и молчать, тогда Дэни обошла маленький круглый столик и встала прямо перед ним, скрестив руки на груди.

— Ты, видимо, взял за основу одну из деталей своего характера. Ну, не суть. Допелся, Стиви Уандер...

— Слушай ты, — прошипел он с раздражением и погрозил ей забинтованным указательным пальцем, — я запрещаю тебе высказываться при мне о музыке, моей группе, обо всём, что касается моего творчества! Я всё ещё не принимаю тебя здесь, так что никаких больше разговоров!

— Ладно, ладно! — она вскинула руки в примирительном жесте. — Только не кипятись.

Ричард медленно поднялся, зло скривил губы и, уже покидая комнату, произнёс:

— Дура.

Дэни лишь в тот момент поняла, что конкретно сказала. Надо осторожнее подбирать слова, решила она. У нас тут чувствительный артист попался.

Завтрак прошёл в обоюдном молчании, как и приём таблеток, и те мелочи, что были описаны в «инструкции» для Дэни.

После обеда Дэни заметила, что у её подопечного участилось дыхание, он стал сильно потеть, но упорно не подавал виду, что чувствует себя намного хуже. Он заперся в своей комнате и долгие пятнадцать минут никак не реагировал на стук в дверь. А конце концов, это молчание заволновало и разозлило Дэни, и она так сильно пнула ногой дверь, что петли задрожали.

Ричард открыл дверь, жутко хмурый и болезненный, а из кармана его халата тянулся провод с наушниками. Дэни дёрнула провод, забрала плеер, затем, пока парень шипел от боли в ушах, взяла Ричарда под локоть и подвела к койке.

— Садись!

Он послушно сел, стараясь не смотреть на неё, не показывать лица.

— Не смей меня больше игнорировать! Понял? Или я спрячу твою музыку так, что ты её не найдёшь.

— Мне плевать...

Он вдруг согнулся, тихо застонав, схватился за голову и уже было начал падать вперёд, но девушка успела его подхватить, вцепившись ему в плечи и толкнула обратно на постель.

— Твою ж мать... Какого хрена ты такой тяжёлый? Что с тобой? Что ты чувствуешь?

Ричард не отвечал, просто лежал с закрытыми глазами и тяжело и часто дышал. Дэни приложила ладонь к его лбу и тихо выругалась. Жар. Он словно был охвачен пламенем, настолько горячей была его кожа.

Ричард снова застонал, пытаясь повернуться на левый бок. Его капюшон уже давно ничего не скрывал, и Дэни с опаской посмотрела ему в лицо. Обезображенные, бесформенные губы были приоткрыты, хриплое дыхание часто вырывалось из его груди; девушка нависла над его неподвижным телом, коснулась пальцами открытой шеи.

Дэни почувствовала себя настоящей сволочью, виновной в этом его состоянии настолько, что ей захотелось посмеяться над собой. Он же просто был болен, а она начинала орать на него, чуть что. Почему она не привыкнет и не успокоится? Парень просто болен, надо собраться. Сколько раз она видела таких же, как он, слабых, уязвимых, обзлётных? Даже её собственная сестра была такой когда-то. Нет, не время терять контроль. По крайней

мере, она знала, что делать.

Врача звать бесполезно, слишком долго, а жар можно сбить самой. Девушка поднялась, обошла койку и, схватив парня за руки так, чтобы легче было его подтянуть, удобнее уложила его на постели. За пару минут она сбегала вниз, на кухню, за горячей водой, и вернулась. Взяла с полок шкафа нужные медикаменты, смешала положенную долю воды и лекарства и заставила Ричарда выпить. Его пришлось довольно долго будить и уговаривать, но всё же лекарство он выпил маленькими, неторопливыми глотками.

Далее ей необходимо было избавиться его от одежды, чтобы обтереть влажной, холодной тканью. Дэни остановилась на минуту, взглянула на Ричарда. Ей придётся это сделать, раздеть его, посмотреть на него...

... Резкие движения, бесконечные хватания за руки, едва сформировавшуюся девичью грудь, стройные ноги — всё это она видит со стороны. Кендра отбивается, толкается и пытается увернуться, как только может, но мужчина, прижавший её — маленькую, хрупкую — к кровати, в детской, сильнее, а значит, она и в этот раз не сможет от него избавиться.

Глупенькая Дэни сидит в шкафу и через проём смотрит на сестру, которую уже накрывает чужое, широкое тело. Раздаётся отчаянный крик, и девочка закрывает глаза ладошками. Бесполезно. Крики всё равно слишком громкие, Кендра уже плачет, её голос сливается с тяжёлым дыханием мужчины. Дэни открывает глаза и смотрит сквозь пальчики: эта мерзкая, потная спина насильника, заслонившего Кендру, широкая и жилистая... Она видит только эту спину, большие ягодицы, сжимающиеся быстро и резко, и длинные ноги между разведённых колен сестры...

Дэни тряхнула головой, почувствовав тошноту, затем посчитала до десяти. Так всегда, и каждый раз, стоит той ночи всплыть в воспоминаниях снова. Ричард всё ещё лежал перед ней, его пальцы безостановочно сжимали белую простынь. Ему было больно. С трудом пересилив себя, Дэни расстегнула все пуговицы его халата, раскрыла его, прижала ладони к покрытой шрамами груди. Ричард был весь мокрый, это был холодный пот, и Дэни мигом забыла про свой страх.

Еле еле она стянула с него халат, вытащила его руки из рукавов, развязала шнурок на поясе штанов и опять заступорилась. Она не думала, что будет так тяжело, однако, раньше она никогда не работала с детьми старше десяти лет. Из-за жажды расквитаться со всеми долгами она наплевала на то, что её новый подопечный — взрослый. Чёрт подери, да самый натуральный мужчина.

Дэни судорожно сняла с себя свитер, осталась в тонкой майке-безрукавке. Ей самой уже было слишком жарко. Штаны с парня всё-таки нужно было снять, Дэни должна была обтереть его с ног до головы. Она схватилась за края штанов и как можно резче дёрнула. Снова, и снова. В конце концов, вся одежда парня лежала на полу. Невольно Дэни скользнула взглядом по его ногам к паху, резко отвернулась и сжала голову руками.

— Трусиха! Трусиха! — ругала она себя, вцепившись пальцами себе в волосы. — Члена что ли не видела никогда? Хватит этого детского сада! Хватит! Он не мужик сейчас, он — пациент.

Повернулась и сразу же уставилась ему в лицо. С этой секунды она действовала, словно по наитию. Мягкой, влажной тканью она обтирала его шею, грудь и торс, и ноги, от лодыжек до бёдер. Когда холодный компресс коснулся лица, Ричард попытался увернуться. Дэни взяла его лицо в свои ладони и очень тихо произнесла:

— Нет, нет, тише. Я знаю, тебе больно, но скоро станет легче.

Она обтёрла его влажный лоб, провела тканью по шее и плечам, затем настало время сменить компресс. Жар был слишком сильным. Дэни снова и снова пыталась сбить его, меняя воду и бинты. Она старалась не смотреть на него, однако, это оказалось довольно сложно, притом, что такой близости мужчинами у неё никогда не было. В какой-то момент она поняла, что его тело, его нагота совершенно не отталкивают её. Это было странно, такого не случалось раньше. Дэни смотрела на его шрамы и огрубевшие участки кожи и понимала, что чувствует себя вполне комфортно.

Пока девушка ставила капельницу спустя несколько минут, сильный жар ослаб, а Ричард и вовсе очнулся от лихорадочного сна.

— Что со мной случилось? — его голос прозвучал хрипло, тихо.

— У тебя повысилась температура, был сильный жар.

— Из меня словно все соки выжали... Такого раньше не происходило... Это всё ты, вывела меня из себя.

Дэни тактично промолчала, мысленно обругав его всеми известными ей способами. Неблагодарная скотина, вот он кто.

На несколько минут она оставила его, чтобы приготовить ванну. Она была очень внимательна, когда измеряла температуру воды, и в нужных количествах распределяла специальный раствор для пострадавшей от огня кожи.

Конечно, спокойно дотащить его до соседней комнаты у неё возможности не было, однако, уж в кресло усадить парня она могла. Складное инвалидное кресло находилось на первом этаже, мать Филча всегда прятала его там, зная, как сильно её сын ненавидит передвигаться в нём. Когда Дэни прикатила кресло и поставила его рядом с койкой, Ричард зло взглянул на неё и прошипел:

— Убери... это отсюда.

— До ванной комнаты ты сам не дойдёшь. Поэтому давай-ка по-хорошему поступим...

— Как же ты меня бесишь! Я сказал, что не сяду в это дебильное кресло.

— Эй, спокойней. А то кровь из носа пойдёт.

Парень зарычал и, к удивлению девушки, резко дёрнул за трубки капельницы: стойка свалилась на пол, а из ранки на руке Ричарда потекла кровь. Дэни лишь встретилась с ним взглядом и застыла в изумлении.

— Я не сяду в него, потому что я — не чёртов инвалид! Я не сяду в него, потому что я — не слабак, и не собираюсь показывать себя таковым перед девчонкой! Я не сяду в него, потому что ты мне не указ, моя мать мне не указ, и никто не смеет решать за меня, жить мне или умереть! И не стану я принимать твою грёбанную ванну, потому что не хочу, блять!

Он замолчал, откинувшись на подушки, снова тяжело задышал и подтянул тонкую простынь повыше, к груди. Дэни стояла в нескольких шагах, её руки дрожали. Она видела, каким диким был взгляд Ричарда, когда он кричал на неё. Такой знакомый до боли взгляд. Взгляд разгневанного мужчины.

— И перестань пялиться на меня! Слышишь? Пошла вон!

Он отвернулся, но сделал это слишком поздно, ведь девушка успела увидеть в его голубых глазах слёзы. Дэни поставила капельницу на место, сложила одежду в кресло рядом с аппаратурой и, не глядя в сторону Ричарда, вышла из комнаты.

За дверью она остановилась и, скользя спиной по стене, опустилась на пол. Она вдруг поняла, что никогда прежде не ощущала себя такой опустошённой, такой слабой. Ещё она поняла, что до сих пор не осознавала, как тяжело может быть этому парню. И, не смотря на

то, что он — эгоист и урод, ему слишком больно и обидно, может быть, даже страшно. Дэни вспомнила свою сестру и закусила губу: она знает, каково это.

Она вспомнила про плеер в заднем кармане джинс, достала его и наушники, залезла в меню и стала просматривать плей-лист. В основном это был мало известный Дэни рок-н-ролл, металл, который она и вовсе не переносила, и кое-что из поп-музыки. Она хмыкнула, решив, что даже в этом искать что-то стоящее бесполезно. Её внимание привлёк только список песен с названием «Heartless: собственное». Недолго думая, она нажала на «воспроизведение» и взяла наушники.

Это была последняя из списка песня, которую Дэни прослушала несколько раз. Да, это было неплохо. Громко, настойчиво, живо. Это было похоже на отчаянный призыв к любви, к девушке, которую действительно потеряли, и о которой тосковали. И голос Филча был каким-то не таким, отличным от того, что Дэни знала при общении с ним. Парень умеет петь, подумала она без задней мысли. Он правда хорошо поёт. Дэни никогда не подумала бы, что ей понравится такой стиль, но это случилось. Может, стоит ему об этом рассказать? Или он опять пошлёт её?

Через несколько минут тишины Дэни услышала, как Ричард зовёт её. Она сунула плеер в карман и вошла в «палату».

— У меня словно вся кожа горит, — прошептал он вымученно, не поворачивая головы в её сторону. — Я так не усну.

— Всё-таки, примешь ванну?

Он не сказал ни слова, только кивнул пару раз. Дэни пожала плечами, подошла ближе и помогла Ричарду приподняться. С трудом и целым набором разнообразных ругательств парень уселся в кресло. Он всё ещё был слаб, зато в полнейшем сознании.

Ванная комната находилась за следующей дверью: просторная и светлая, где стены по всему периметру пересекала полоса из голубой мраморной плитки.

— Вода уже остыла, знаешь?

— Плевать. Помоги подняться.

Дэни поддерживала его, обнимая за пояс, всё время поражаясь, как же человеческое тело может быть таким горячим. Простынь, которую Ричард предусмотрительно обернул вокруг бёдер, соскользнула с него, и Дэни предпочла просто смотреть в потолок, пока помогала ему забраться в ванну, наполненную мутной водой.

— Да, так-то лучше, Господи... Не знаю, что они туда добавляют, но это обалденное средство.

— Рада, что тебе в кайф, — сказала она раздражённо, мысленно радуясь, что вода скрывает достаточно «зрелища». — Оставляю тебя, Ричи-Рич...

— А если я утону? Если засну?

Дэни остановилась, уже сжав дверную ручку пальцами, и повернулась к расслабленному, лежавшему в ванне молодому человеку.

— Хочешь, чтобы я осталась? Ты что, сам не отмокнешь?

— Ты должна за мной внимательней присматривать, — от его гнева и следа не осталось, теперь только странное лукавство. — Ты же не хочешь, чтобы я, не дай Бог, тут поскользнулся и упал...

— Ладно, блин! Только без штучек, типа «потереть спинку».

— Обижаетесь!

Девушка пододвинула маленький табурет и, взяв с полки нужный крем, села поближе.

Ричард внимательно следил за ней, за каждым её движением, и едва заметно улыбался.

— Ты ведь меня не испугалась?

— Нет, — она коснулась ладонями его спины, и стала медленно массировать свободные от ожогов участки кожи. — Тише, тише, малыш, бо-бо сейчас пройдёт.

— Ты забавная. Где ты живёшь?

— Северный район. Сиди смиренно.

— И давно ты работаешь на богатеньких, взрослых дядек, у которых проблемы со здоровьем?

Она пихнула его в плечо, отчего парень громко ахнул и хрипло засмеялся.

— Не только со здоровьем, но и с головой, — проворчала Дэни. — Я работала с детьми, придурок.

— А я разве похож на ребёнка?

— Нет, не во всём, но такой же капризный и дерзкий.

— М-м-м, то есть, тебя устраивает созерцание моего тела? Ты не из стеснительных...

Дэни коснулась чувствительной точки под его левой лопаткой, и Ричард тихо и протяжно застонал.

— Я... сделала больно?

— Нет, скорее, наоборот. Осторожней, крошка, я иногда возбуждаюсь от прикосновений.

— Ну, точно придурок.

— Сколько тебе лет?

На мгновение Дэни растерялась, затем вдруг больно сжала плечо парня. Ричард, не ожидавший этого, выругался и ударил рукой по воде.

— Эй, ты обалдела?! Понежнее можно?

— А ты поменьше болтай.

— Что такого я спросил? Так сколько тебе лет?

— Двадцать два года мне... Доволен?

— Выглядишь моложе, крошка.

— Не называй меня так, или я тебя здесь утоплю, — она стянула с его рук мокрые бинты и провела смазанными кремом ладонями по его плечам. — Не дёргайся, пожалуйста. У тебя болит что-то ещё?

Он нахмурился, потом вдруг подозрительно улыбнулся. Кивнул и поманил Дэни пальцем, и девушка наклонилась к нему, её волосы коснулись его обнажённого плеча. Прежде чем Дэни что-то сообразила, Ричард протянул руку и с силой сжал её правую грудь.

Вскрикнув, девушка подскочила, как ужаленная, уронила табурет и схватилась за край раковины. Едва не споткнувшись, она выбежала из ванной комнаты, тяжело дыша и хватая ртом воздух, а остановилась, только спустившись на первый этаж. Она села на последнюю ступеньку и обняла себя руками, считая вслух:

— ... Четыре, пять, шесть...

... Его грозный голос звучит в тишине квартиры, как раскат грома в поле: повторяет её имя в свойственной ему пьяной манере. Повторяет снова и снова. Маленькая Дэни не может заснуть, всё сидит на своей постели и ждёт, когда же это прекратится. Но дверь в детскую резко распахивается, он входит решительно и быстро, а Дэни просто накрывает себя с головой одеялом. Она думает, что так он уйдёт, исчезнет, как призрак, как ночной кошмар.

Но сильные, мужские руки вдруг хватают девочку за лодыжки, и она кричит,

пронзительно и громко. Это не останавливает насильника, он тянет её к себе, пытается достать из-под одеяла. Дэни уже чувствует его пальцы на своём теле — он сжимает её маленькие запястья...

— ... Восемь, девять, десять!

Кошмар закончился, но след от жесткого воспоминания всё ещё оставался в её сознании. Дэни инстинктивно приложила ладонь к груди — болезненное ощущение чьего-то чужого прикосновения до сих пор обжигало и напоминало о её детском страхе. Он такой же, как все. Он хочет того же, чего все хотят...

Дэни уже докуривала очередную сигарету, когда тучи на небе стали понемногу рассеиваться. Впервые за неделю солнце явило себя посеревшей от дождей и холода Земле, и это было маленьким чудом, одним из тех, которым радуются уставшие от тоски и мрака души. Дэни расслабилась, подставив лицо солнечным лучам и спокойно вздохнула.

Решив, что Филч подождёт и никуда не денется, она постояла на улице ещё немного, выбросила сигарету в мусорный бак, и уже было собиралась вернуться на кухню, но, обернувшись, обнаружила Ричарда, открывшего дверь. Он вышел наружу в одних только пижамных штанах светло-зеленого цвета.

— Ты совсем спятил?! — Дэни налетела на него, схватила за руки и потащила обратно, в дом. — Придурок! Мало тебе ожогов, так ты решил ещё и воспаление лёгких подхватить?

Он стоял перед ней и глупо улыбался, пока она вела свою очередную громкую тираду.

— Ты бы ещё без штанов припёрся! Нет, скажи мне, ты действительно вменяемый? А как ты вылез из ванны? Ты хоть обтёрся полотенцем? Сраный ж ты свет, и как ты вообще спустился вниз без помощи?!

Когда она замолчала, он тихо засмеялся, глядя на то, как тяжело она дышит; словно бегала десять минут, не останавливаясь.

— Закончила? Отлично. Ты хуже любой ворчливой бабки.

— Просто ты не должен заболеть...

— Кто-то меня уверял, что ей нужны только деньги, а?

Ричард медленно подошёл к кухонному столу, но вдруг схватился за голову, тогда Дэни подскочила к нему и помогла сесть.

— Верно, деньги мне нужны. Но это зависит от твоего состояния. Не думаю, что твоя мать заплатит мне, если тебя вынесут отсюда вперёд ногами.

— Тоже верно, но ты ведь будешь скучать, если такое вдруг случится... ах, твою ж...

Он повернулся боком, навалившись на стол, и закрыл глаза.

— Что такое? Ну не молчи!

— Всё в порядке, голова только кружится.

— Сейчас дам таблетку. Держись за стол, не упади.

Всё ещё ворча на упрямого парня, девушка полезла к верхним полкам в поисках нужного препарата. стакан воды, обезболивающее и крепкий сон — Дэни знала, обычно, это всегда помогало Кендре.

— Вот так... Встать сможешь? Тебе надо наверх, поспать.

Она заставила его опереться на её плечо, сама же приобняла Ричарда за талию, и так они, хоть и не без труда и небольших остановок, доковыляли до его комнаты.

Дэни помогла ему улечься, наложила специальные, медицинские повязки на повреждённые участки кожи, и, когда уже почти закончила, Ричард, до этого просто следивший за ней, сказал:

— Извини меня. Ну, за то, что я пытался тебя лапать. Это была шутка, на самом-то деле. Я не думал, что ты так отреагируешь.

— Уже забыла, — ответила она, не поднимая глаз. — Просто больше так не делай.

— Ясно, понятно. Твой парень очень разозлится, если узнает об этом?

Она просто засмеялась, впервые по-настоящему, искренне и без стеснения. Даже не заметила, что слишком туго затянула повязку на руке парня, и он возмущённо ахнул.

— Прости, прости... — Она всё ещё пыталась говорить через смех. — Ты действительно подумал, что у меня может быть парень?

— Да. А что, это так невероятно? У тебя какая-то генетическая мутация или вроде того? Дэни снова захихикала и, наконец, выпрямилась на своём стуле. Только тогда она заметила, что парень откровенно пялится на её грудь. Ткань майки была слишком тонкой, к слову.

— Хм, на ощупь вполне нормальная...

— Ну ты и засранец.

На бесформенных губах снова появилась довольная улыбка. Видимо, он предположил, что Дэни встанет и уйдёт, поэтому быстро произнёс:

— У меня паршивое чувство юмора, я знаю. Извини уж. Моей девушке всё это тоже не нравилось, но потом привыкла.

— Надо же! Бедная твоя девушка. Терпеть такого засранца — надо иметь стальные нервы.

Ричард кивнул и вдруг затих, нахмурился. Разговор медленно, но верно, подошёл к больной теме, посудила Дэни. Что-то не видно было этой самой девушки рядом.

Не глядя на неё, Ричард кусал губы и отчего-то качал головой. Дэни просто разглядывала его лысый череп, покрытый шрамами и тёмной кожей, и тонкие черты лица и начинала нервничать. Одним из правил по уходу за такими больными было: не давать пострадавшему возможности на самобичивание, какие-либо расстройства, и вообще не позволять тосковать, что может повлиять на его психическое состояние. Грубая ошибка.

Желая хоть как-то разрядить обстановку, Дэни настороженно спросила:

— Чего хотел тот парень, который утром приходил?

— А... этот... Я слышал, как вы мило общались за дверью, — сказал он так, словно пережил самое худшее предательство в жизни. — Этот урод снова втирал мне про то, какое я убогое ничтожество.

— В смысле? Почему?

— В начале года я готовил новый альбом. Написал пару песен, решил показать ему и ребятам из группы. Не понравилась ни одна песня. Никому из них, кроме Сэма. Он наша бас-гитара и клавишные. Они сказали, что я скатился, и это не похоже на то, что мы создавали на протяжении пяти лет.

Ричард выругался с вульгарным пренебрежением и зло хмыкнул.

— Я был не согласен, конечно. Я никогда не выходил за рамки, будь то альтернатива или гранж. Эти песни были отличные, мать их! Но на носу был юбилей, группа меня не поддержала... и Энни тоже. Мы поссорились, и я ушёл. Официально я не покидал группы, просто попал в своего рода загул. И в тот день... я напился в хлам, пришёл к нам в офис и...

Он замотал головой, выдохнул и отвернулся, чтобы Дэни не увидела его лица. Она уже знала, насколько он мог измениться, стоит ему выйти из себя. Даже сейчас, пока он говорил, от него веяло жуткой властностью и холодной силой самолюбия. Великие люди думают, что знают себе цену. Дэни чуть не высказала эту мысль вслух.

— Теперь он пришёл за тем, чтобы сказать мне — я больше не буду выступать.

Он снова взглянул на неё, с неясно откуда взявшейся тоской в прозрачных глазах. И этот пронзительный взгляд приковал Дэни к месту и не позволял пошевелиться или что-либо

сказать.

— Предложил мне стать соавтором! Соавтором, блять, ты можешь себе представить?! Я написал два альбома, я создал им карьеру, а они меня вышвыривают... Неблагодарные сволочи. Я думал, что Сэм им возразит, но, видимо, он тоже...

— Может быть, просто нужно дать им понять, что ты скоро поправишься? — Дэни неопределенно пожала плечами. — Скажи, что тебе нужно время.

— У меня его нет. Им нужен сет-лист, а значит, не меньше семи новых песен, через две недели. Это будет юбилейное выступление в клубе, где планируется собрать полторы тысячи человек...

Он произнёс это с таким воодушевлением, словно там они готовились созерцать явление Христа народу. Дэни едва сдержала улыбку и сосредоточилась.

— Полторы тысячи человек могли бы смотреть на меня, как раньше. Но если я выйду к ним... таким... Я боюсь, они увидят меня и уберут, испугавшись.

— Ты себе льстишь, не настолько ты страшный.

— Это не смешно! — рявкнул он. — Я должен либо сдать, либо... каким-то чудом написать несколько новых песен и исполнить их перед той толпой. А я даже на улицу сейчас выйти не могу! Блять... Не верю до сих пор, что это случилось из-за того, что я нажрался!

Дэни тактично промолчала, глядя на его лежащие поверх покрывала руки. Такие длинные пальцы, просто неприлично тонкие и длинные! Девушка представила, как эти пальцы перебирают гитарные струны или скользят по клавишам рояля. Наверное, это привлекательное зрелище. Если бы они ещё не были перебинтованы, а кожа на них не покрылась бы шрамами и толстой тёмной коркой...

— А зачем ты сам себя поджёг? Даже если был пьян. Неужели ты настолько не соображал?

— Я и не помню, как делал это, — ответил он мрачно, подумав полминуты. — Я пришёл туда, разбил мебель, порвал бумаги, сломал компьютер. Выпил виски, кажется. Потом помню, как всё запылало. Перед глазами до сил пор горит тот багрового цвета ковёр. Я как будто шёл по нему и ничего не чувствовал...

— Ты поджёг ковёр?

— Да, наверное... Не помню.

— Чем ты поджигал его?

— Я же сказал, что не помню! — резко выкрикнул он, и его голос сорвался до хрипа. — Отстань от меня со своими вопросами! У меня голова раскалывается.

Дэни сдержанно выслушала ещё не одно его проклятье в её сторону, пока не поставила капельницу и не ушла из комнаты.

В тот вечер хозяйка вернулась раньше, но предупредила, что на следующей неделе ей придётся задержаться на пару часов, каждый день. Дэни уверила её, что это не окажется проблемой, она-то помнила, что оплата почасовая.

Три последующих дня пролетели незаметно, во всяком случае, для Дэни. Иных разговоров про музыку или группу Ричарда не было. Гости к нему тоже больше не навещались. Зато для Дэни эти дни стали вполне познавательными в одном конкретном плане: она узнала Ричарда Филча с разных сторон. И каждая из них по своему повлияла на мнение об этом удивительно талантливом, но странном человеке.

Иногда она слышала, как он разговаривал с кем-то из своих знакомых по телефону, и её

обескураживало его отношение к разговору, собеседнику, и сама его манера общения. Он никогда не здоровался, не прощался, но всегда переводил тему исключительно в то русло, какое было поставлено им. Он эгоистично требовал, мог прикрикнуть и поставить на место. В такие моменты Дэни думала — а был ли он таким всегда, или это лишь результат его травмы?

С ней же самой он держался холодно, и порой казался безразличным ко всему, что бы она ни делала. Единственное, что, как казалось ей самой, приводило его энтузиазм к пику, это процесс принятия ванны. Ему всё ещё было сложно справляться с этим самому, поэтому она раздевала его и помогала с нанесением медицинского крема. Ричард ни разу не коснулся её так, чтобы вызвать омерзение, или застать её врасплох. Но его взгляды были странными, пронизывающими до мозга костей. И Дэни не могла избавиться от ощущения, что он пытался вызвать в ней иные противоречивые чувства. Она старалась просто не обращать на это внимание.

Как оказалось, ему понравилось смущать её своими взглядами. И так, как она была единственной, кто мог спокойно смотреть на него, отыгрывался на ней: следил, как она готовит, убирает или меняет ему бинты. Порой их молчание было обоюдным, но Дэни хотелось, чтобы он просто перестал глазеть на неё вот так. Ей не нравилась собственная реакция на его взгляды; словно она прислуживала молчаливому, загадочному призраку, ожидавшему, когда его жертва отойдёт к нему, в Мир Иной.

При более близком знакомстве Дэни отметила, насколько был переменчив его характер: его настроение нельзя было предугадать. Он мог часами сидеть на постели и смотреть в одну точку, мог слушать музыку и не замечать ничего вокруг себя, или вдруг мог в очередной раз пошутить так, что Дэни не могла припомнить: а веселил ли её когда-нибудь так кто-то из её окружения?

Ближе к вечеру пятого дня Дэни поднималась на второй этаж, но остановилась, услышав громкие, тяжёлые стоны, доносившиеся из «палаты» Ричарда. Она подумала, что ему в очередной раз стало дурно, и поспешила оказаться рядом, однако, в комнату так и не вошла. Стоило ей мельком взглянуть на то, чем он там занимался, она отскочила к стене, подальше от приоткрытой двери. Конечно, мельком увиденное зрелище так и стояло у неё перед глазами: она ни разу в жизни не видела, как парни мастурбируют.

Уверяя себя, что это его личное, интимное дело, она решила забыть всё и никогда больше не думать об этом. Вообще, это было унижительно, по её мнению, парня просто стоило пожалеть: сейчас его потребности вряд ли решится исполнить самая изысканная проститутка Бристоля.

За два часа до возвращения его матери домой, Дэни услышала, как он запел. Мисс Филч, видимо, решила, что он уже был достаточно здоров, поэтому за день до этого вернула сыну ноутбук и гитару. Дэни уже готова была потревожить его, но не смогла. Она осталась стоять на пороге комнаты, пока Ричард сидел на койке и играл. Это была печальная песня, долгая и тяжёлая, и его голос... О, его голос звучал, несмотря на горькие слова, как бальзам для души, как сладкий мёд, и Дэни посмела слушать его, закрыв глаза.

Когда песня прервалась, девушка очнулась и встретилась с холодным взглядом голубых глаз; на изуродованном лице его была маска мрачного спокойствия, сменившаяся очень быстро пугающей бесстрастностью:

— Ты снова за мной подглядывала? Берегись. Иначе твои маленькие, невинные визиты ко мне закончатся чьими-то слезами.

Впервые за всё время она испугалась его тона. Ей захотелось бежать так далеко, чтобы его голос навсегда перестал звучать в её голове. Дэни просто ушла, чересчур быстро закрыв за собой дверь и покинув второй этаж.

Филч вернулась в тот вечер и отдала ей две тысячи фунтов. А Дэни казалось, что потом она не бежала, а летела, слишком счастливая и гордая, чтобы что-то замечать. Её мать была дома, как обычно, не совсем трезвая и собранная.

— Вот. Это в часть долга, — Дэни бросила конверт перед женщиной. — И если я узнаю, что ты потратила их на что-то другое, я тебя убью.

Больше она ни разу не взглянула на мать; ушла в свою комнату, холодную и тёмную, заснула, не раздевшись, и проспала до обеда следующего дня.

Как, оказывается, странно судьба может сложить карты: ты находишь что-то важное до того, как понимаешь, что это и есть самое важное.

В свой заслуженный выходной Дэни решила рискнуть и найти в интернете информацию о группе «Heartless» из Бристоля. И всё бы ничего, но основные новости, кроме трагедии вокалиста группы, перекрывались бесконечными спорами и комментариями о скандале между Ричардом и самоназванным продюсером группы. Эти двое питали друг к другу самые искренние чувства: ненависть и зависть. Один имел талант, но не имел связей; у другого были влиятельные друзья, но не было тяги к искусству. Зато местный диджей любил деньги, а ребята из «Heartless» могли бы дать ему желаемое. Но упрямый Ричард с его амбициями мешал продвигать группу, ему бы сидеть на месте, зато исполнять только только ту музыку, которую он любит.

Дэни полдня прочитывала бесконечные переписки и доводы поклонников об этой ситуации и, в конце концов, пришла к выводу о том, что всё не так просто. И, несомненно, она не могла не наткнуться на фотографии Ричарда и его группы. Поначалу Дэни просто не поняла, что этот молодой человек и есть её подопечный, но фотография, относящаяся к две тысячи восьмому году, не лгала: высокий, голубоглазый блондин с задорной «улыбкой на миллион», подтянутой фигурой и неумолимо красивыми пальцами музыканта был совсем не похож на того Ричарда, которого она встретила. Невероятно, как огонь изменил его, превратив красавца в ходячий живой труп.

Судя по краткой биографии вокалиста, до трагедии он не курил, не злоупотреблял алкоголем и не участвовал в уличных драках. Дэни долго прокручивала в голове всевозможные варианты событий роковой ночи, но не могла успокоиться. Ей не обязательно было копаться в этом, вникать в чужое горе... но что-то подсказывало ей, что это была настоящая необходимость.

Одевшись потеплее, Дэни взяла с собой старый фонарик и скопировала из интернета адрес сгоревшего офиса. Туда, к трёхэтажному серому зданию, она пришла к закату, когда ветер стал усиливаться, и земля затвердела от холода. Помещения на третьем этаже совершенно выгорели, здесь царила полная разруха, но некоторые вещи и мебель до сих пор оставались на своих местах.

Дэни долго осматривалась, блуждая среди обугленных деревяшек, но ничего необычного не обнаружила. Уже собираясь уходить, она вдруг заметила на лестничной площадке, среди осыпавшейся штукатурки, пустую синеватую зажигалку дорогой, известной марки. Девушка сунула находку в маленький, полиэтиленовый пакет и поспешила покинуть забытое здание.

Судя по голосам за дверью, в доме находилась компания молодых людей, ведущих горячий спор. Дэни осторожно вошла в холл, сняла верхнюю одежду и подошла к арке гостиной; встав в тени и подперев плечом стену, она скрестила руки под грудью и принялась наблюдать за этим мини-собранием из пяти человек. Иногда только девушка поглядывала на настенные часы: ещё рано, думала она, время ещё есть.

Филч собственной персоной сидел там, где было меньше всего света: на правой половине дивана. Рядом с ним, скромно сложив руки на коленях, устроился бледный шатен, неприметный такой малый с длинной, кривой чёлкой. Напротив них стоял уже знакомый Дэни диджей и ещё один парень — здоровенный, накаченный брюнет, похожий на супергероя из комиксов. Если бы, конечно, супергерои все, как один, ходили с цветными татуировками.

— Ты пойми нас тоже, Рич, — произнёс диджей с суровым спокойствием, — но как ты представляешь себе группу в дальнейшем? Вокалист, похожий на... м-м-м... не знаю, как выразиться... В общем, вокалист со шрамами по всему телу в группе, играющей рок? Это же смешно!

— А мне что-то не до смеха, — рявкнул парень в ответ, не поднимая головы, чтобы его капюшон не слетел. — Я по-прежнему в голосе, и по-прежнему пишу песни.

— Но что с выступлениями-то делать? — спросил здоровяк, поглядывая то на диджея, то на Ричарда. — Шоу должно продолжаться, разве нет?

— Должно, конечно, и мы устроим шоу. Но уже без Рича.

— Какая же ты сука, Мэтт! И это после всего, что я сделал? — прошипел он из-под капюшона и дёрнулся, но сидевший рядом парень положил руку ему на плечо.

— Тише, тише. Ребят, давайте успокоимся! Мэтт, дай ему время на новый сет-лист. Он сможет написать эти песни до нового года...

— Выступление должно было состояться весной, Сэмми. Но кое-кто решил слинять и нажраться вместо того, чтобы послушать старших, и сделать, как его просят.

— Ну ты и мудака! Я же из-за тебя тогда свалил! Если бы не твоё нытьё по поводу новых песен, я бы не ушёл и не сидел тут, перед вами, изуродованный! А они тебя послушали и подлили масла в огонь...

— Хочешь сказать, у нас собственного мнения не было? — брюнет сделал обиженное выражение лица. — А, может, нам твои песни не понравились. Мы были правы, ты скатился к банальности.

— И убрал скриминг, — вставил своё слово диджей.

— Да, в том числе, убрал скриминг. И твои идеальные стихи не были настолько идеальными. Чёрт, Рич, ты как был самовлюблённым козлом, так им и остался. Ты всегда только о себе думал.

Наступила гробовая тишина, и Дэни с опаской посмотрела в сторону своего подопечного. Он сидел, сгорбившись, и не шевелился; капюшон полностью скрывал его лицо. Но когда парень заговорил, его голос был наполнен отчаянием и тоской.

— Ты тоже так думаешь, Сэм?

Парнишка рядом с ним просто отвернулся, не ответив, и Дэни заметила, как он с силой

сжал колени пальцами. Ричард тихо выругался, затем вдруг повернулся в сторону окна и уже громче спросил:

— А ты, Энни? Ты с ними?

Дэни заметила высокую, стройную девушку, только когда та сделала несколько шагов вправо: это было неописуемо прекрасное видение, самая, что называется, настоящая принцесса из сказки, и самая красивая девушка из всех, каких только Дэни могла встретить. Какие, к чёрту, фотомодели на обложках журналов? И кто эти голливудские актрисы, по сравнению с этой феей? Её фигуре позавидовала бы любая. Да что уж там, по осанке она могла бы конкурировать с королевой. Она почти не шевелилась, но грациозность была уловима в каждом её движении. Чёрные, пышные волосы, выющиеся локонами по спине, и надменное выражение прелестного личика довели бы до греха любого мужчину.

И вот, это неземное создание остановилось рядом с Мэттом и окинуло безразличным взглядом комнату.

— Ты же знаешь, Ричард, я всегда была на твоей стороне, но сейчас всё изменилось.

Чёрт, даже её голос был прекрасен, идеален, подумала Дэни.

— Это из-за моей внешности?

— Нет, из-за твоего поведения... и перемены в музыке. Послушай, ты всё ещё можешь писать песни, но вокалиста ребята хотят другого.

— А раскалённый прут они в задницу не хотят? Потому что я испытываю сейчас примерно те же чувства.

Парни, все как один, возмущённо загалдели, одна только Энни продолжала буравить взглядом капюшон Ричарда и молчала.

— Мы даём тебе шанс, Филч, — диджей погрозил ему пальцем. — Либо ты не рыпаешься и ведёшь себя, как мужик, либо можешь попрощаться с «Heartless». У тебя почти две недели. Всё, разговор окончен.

Дэни показалось, что после этих слов Ричард готов был встать и, не дай Бог, скинуть капюшон с головы, поэтому она живо собралась и вышла из тени, загородив собой проход в коридор.

— Господа! Не так быстро, я вас попрошу остаться ещё на пять минут.

Пять пар глаз уставились на неё, и девушка одобрительно улыбнулась.

— Никто ведь здесь не торопится?

— Это вообще кто? — спросил здоровяк, обращаясь к Филчу.

— Она — моя сиделка.

— И ты с ней, типа, играешь в медсестру и больного?

Его шутку, однако, никто больше не оценил.

— Рот закрой, Джимми. Её привела моя мать.

— В каком из супермаркетов она её отыскала?

— Если шутки закончились, то я продолжу.

Дэни внимательно посмотрела на каждого присутствующего в гостиной, но после задержала взгляд на диджее.

— Я кое-что выяснила о трагедии вашего несчастного вокалиста. После долгих изучений информации о вашей группе в интернете я решила прогуляться к месту пожара. В конце концов, оказалось, что Ричард сам себя поджечь не мог.

Сэм громко ахнул, а сам пострадавший заметно напрягся. Его красивая подружка, к сожалению, никак не отреагировала.

— Но он же сам признался! — диджей просто пожал плечами. — И мы это прекрасно знаем.

— Он был пьян, он ничего не помнит, на самом-то деле.

— Рич, это правда? Ты не помнишь?

— Он не скажет, потому что слишком гордый, — настаивала Дэни. — А мне вот приятно будет знать, что один из вас скоро сядет.

— Ты говоришь какой-то бред! — спокойная до этого момента Энни потрянула руками и подошла к Джимми. — Ричард уже признался...

— Но у него не было моих доказательств. Во-первых, он не имел при себе ничего, что могло бы спровоцировать возгорание. Он не носил ни спички, ни зажигалку. Во-вторых, он не мог поджечь себя, находясь в офисе, когда след от источника пламени тянулся с лестничной площадки... Да, да, я видела след. То, что кто-то поджёг его снаружи, мог бы определить и ребёнок. Удивительно, как копы это пропустили!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Малышка, ты просто играешь в детектива, — диджей натянуто улыбнулся. — Эта бредятина...

— Ещё раз назовёшь меня «малышкой», и я тебе пальцы сломаю. — Дэни зло посмотрела на него и сделала шаг вперёд. — Кстати, команда, которая разбирала это дерьмо в офисе, никакого отношения к полиции не имела. Они же твои друзья, верно? Не хмурься, дорогуша, у меня тоже есть влиятельные приятели. Кстати, это не твоё?

Она вынула из кармана пакетик с пустой зажигалкой и призывно потрясла им перед обалдевшим Мэттом. Кто-то смачно выругался, кто-то просто смотрел на Дэни и не верил своим глазам.

— Мэттью, пожалуйста, скажи, что это всего лишь совпадение, — прошептала Энни с отчаянием, хватая диджея за руку. — Пожалуйста, не молчи!

— О, я забыла упомянуть ещё одну интересную вещь! — Дэни внимательно следила за реакцией парня. — В офисе камеры были. Конечно, записи не сохранились, иначе это было бы слишком просто... А вот про камеры снаружи соседнего здания ты, видимо, забыл.

— Это всё не имеет ко мне...

— А вот камеры наружного наблюдения зафиксировали, как ты вошёл через главный вход за пятнадцать минут до того, как начался пожар. А вышел ты с другой стороны. — Дэни смело посмотрела ему в глаза и довольно улыбнулась. — Не отпирайся, дорогуша. Ты так сильно ненавидел его? Увидел, что Ричард в говно пьян и решил, что лучшего случая не представится?

— Ты же сказал тогда, что ушёл от меня домой! — почти простонала черноволосая красавица, дёргая парня за рукав кожаной куртки. — Ты клялся мне, что был дома, идиот!

— Ты была с ним той ночью?!

Все обернулись на мрачный, низкий голос Филча. Ричард медленно поднялся, вместе с ним, открыв от удивления рот, встал Сэм. Все были взвинчены, ошеломлены, и, случившееся далее, ещё долго всплывало в памяти участников той беседы.

— Ты трахал мою невесту?!

— Она уже давно не твоя невеста, придурок! Ты достал меня, и её, и всех, мать твою! Филч, ты был таким невыносимым...

— Так ты устроил пожар в офисе, Мэттью?

— Заткнись, истеричка! А ты... Ты ничего не докажешь, малявка!

Диджей рванулся в сторону Дэни, уже протягивая к ней руки; та, не ожидавшая его реакции, отпрянула назад, к стене, прижав несчастную улику-зажигалку к груди, и зажмурилась. Не успел Мэтт и пары шагов сделать, как его лицо встретилось с огромным кулаком Джимми, который бросился наперерез и взял диджея в захват. Парень уворачивался, как мог. Завязалась потасовка: Джимми и Мэтт сцепились — не оторвать; Сэм бесполезно прыгал вокруг них и пытался усмирить; Энни глядела на дерущихся парней и визжала, прижимая ладони к своим ушам; Ричард в бессилии снова упал на диван и согнулся, спрятав лицо в ладонях.

Одна только Дэни наблюдала эту картину со стороны и хохотала до слёз, будто ненормальная.

Она даже не стала надевать куртку, решив проводить неудавшегося «продюсера» бристольской группы до полицейской машины. Забавно, ведь Дэни забыла им позвонить перед тем, как выложила все карты. Её снова спасли Джей-Джей и его умение оказаться в нужном месте в нужное время. Это он и его приятели помогли с записями с камер; это они связались с копами и намекнули на диджея и его конфликт с Ричардом. Дэни тут же отправила эсэмэс с благодарностями своему другу.

Можно изменить человеческие судьбы за один уикенд. Если, конечно, очень постараться.

Мэтта усадили на заднее сиденье коповской тачки, а Дэни успела улыбнуться и помахать ему на прощание. Зажигалку и диктофон, на который она записала весь разговор в доме Филча, уже отдала копам.

— Эй, это было впечатляющее зрелище!

Джимми и Сэм подошли к ней, и здоровяк дружелюбно похлопал её по плечу.

— Извини за ту шутку про медсестру и вообще... Но ты сегодня просто отожгла. Никогда бы не подумал, что наш Мэттью на такое способен.

— Да, это было неожиданно! — шатен вдруг протянул руку, и Дэни, пересилив себя, осторожно пожала её. — Молодец, ты настоящая героиня.

— Спасибо, но я была лишь инициатором. Всю работу сделали мои друзья. И, э-э-э, спасибо, что не позволил меня тронуть. Ты классно его отметелил!

Джимми хохотнул и хлопнул её по плечу своей ручищей так, что у девушки дыхание перехватило.

Они оказались вполне забавными и интересными парнями. В конце концов, когда к вечеру копы всех расспросили и уехали, они даже пригласили Дэни на выступление «Heartless», которое должно состояться через десять дней. Та лишь мило промолчала, оставив вопрос об участии Ричарда недосказанным.

Когда Дэни вернулась в дом, она и подумать не могла, что Энни до сих пор там, с Ричардом. Но застать их вдвоём просто не успела: красавица выбежала из гостиной, стараясь не поднимать головы, но Дэни заметила дорожки слёз на её идеальной коже, и даже растёртая тушь ничуть не испортила это милое лицо, скорее, сделала девушку лишь соблазнительнее.

Энни быстро собралась, то и дело всхлипывая, и ушла, театрально хлопнув дверью. Дэни долго гадать о том, что произошло, не пришлось. Она нашла Филча в гостиной, всё так же сидящем на диване, парень смотрел на экран выключенного телевизора, будто загипнотизированный.

— Что-то случилось, Ричи-Рич?

Потому как он молчал и вёл себя, будто в статую превратился, Дэни осторожно положила руку ему на плечо.

— Эй, что бы между вами ни произошло, она вернётся...

Его внезапная реакция стала для неё сюрпризом. Она действительно не ожидала того, что он сказал далее.

Ричард резко дёрнулся, сбросив её руку, встал и, стянув капюшон с головы, гневно взглянул на свою сиделку.

— Ты меня достала! Если бы ты знала, как я уже сыт по горло твоим присутствием здесь! Энни не вернётся ко мне, только не после того, как я показал ей своё лицо. Она меня увидела и сбежала! А ещё я узнал, что меня планировал убить мой приятель, который, к тому же, трахал мою девушку, пока я бухал после разрыва с группой! Если б не твой длинный нос, я бы и дальше винил только себя, и было бы не так больно. Лучше бы ты вообще не лезла и оставила меня в покое!

Он просто выкрикнул последние слова, поднял руку, чтобы отпихнуть Дэни со своего пути, и... Вдруг его взгляд помутнел, глаза закатились, и он медленно стал оседать на пол, прямо посреди гостиной.

Девушка подхватила его, прижавшись грудью к его торсу, обняла и, стиснув зубы, потащила к дивану. Еле-еле уложив парня, она принялась ощупывать его, слушать дыхание и проверять пульс. Ричард снова был мокрый, холодный пот просто градом лился с него, и Дэни поспешила избавить его от халата.

Здесь она уже ничего не могла сделать, она и не стала бы пытаться. Пришлось вызвать скорую.

Они приехали весьма быстро, всего семь минут, и Дэни лишь раз успела сменить холодный компресс, ставший на удивление тёплым после соприкосновения с кожей парня.

Девушка нервничала и курила снаружи, пока низенький, седой дядька с молодым медбратом осматривали Ричарда. Его последние слова — как стрела, врезавшаяся ей в память, и это действительно было больно. Она лишь хотела помочь, хотела восстановить справедливость, а вышло всё так, что она только устроила показное шоу перед человеком, чьё психическое состояние оставляет желать лучшего. Сейчас она не винила его за те слова, а только себя за неосторожность и этот дурацкий детективный азарт.

Врач вышел на крыльцо, утирая влажный пот со лба куском бинта, и Дэни, без лишних разбирательств, строго спросила:

— Док, давайте по-честному. Как он? И попроще, пожалуйста.

— Могу с уверенностью сказать, что ему уже не грозит ожоговая болезнь. Это удивительно, при его-то случае. Видимо, ему просто повезло. Но шок и его отголоски ещё напоминают о себе. Ему ни в коем случае нельзя волноваться, иначе стресс и другие губительные факторы могут повлиять на работу его ослабленного организма.

Дэни активно закивала, мысленно же она готова была набросить петлю себе на шею: она разыграла непростительно тяжёлое представление сегодня днём, и это послужило причиной ухудшения состояния парня.

— При начальном лечении были использованы какие-либо наркотические анальгетики? — спросил врач.

— Да, насколько я знаю. В доме есть морфин... Думаете, стоит продолжить его введение?

— Не стоит, если молодой человек не будет жаловаться на боли. В любом случае, вы знаете о местном лечении, не так ли?

Девушка кивнула. Её пальцы обожгла сигарета, про которую Дэни совсем забыла, и она выбросила её куда-то в поредевшие кусты.

— Не забывайте про то, что ему нужно больше влаги. Вентилятор, я думаю, поможет поддержать нужную температуру в комнате, где он спит. И ванна с медраствором, который я указал в его карте... Это облегчит неудобства, связанные с заживлением тканей. Я так понимаю, он оказался дома сразу же после процедуры кожной пластики? Кажется, стоило подольше подержать его в центре. Очень нервный молодой человек...

Мужчина каким-то неясным жестом выразил своё недовольство, махнул рукой и уже собирался уходить, как вдруг обернулся к Дэни и заговорчески спросил:

— Знаете, о чём он попросил меня, очнувшись десять минут назад?

— Н-не знаю. Убить его и облегчить страдания?

— Он попросил не информировать мисс Филч об этом обмороке. Сказал, что так она усомнится в ваших способностях.

Врач и его помощник ушли, машина скорой помощи почти бесшумно покинула узкую улочку. Дэни смотрела ей вслед и думала, что соседи наверняка заметили, как она приехала. И от гнева мамыши Ричарда теперь её, Дэни, вряд ли что спасёт.

Ричард уже лежал в своей «палате», накрытый лёгким покрывалом. Под глазами у него были заметны тёмные круги, покрытая шрамами сторона лица была подставлена свету лампы. Дэни долго стояла на пороге комнаты, не решаясь войти, пока парень не открыл глаза и осторожно не поманил девушку пальцем. Она просто села на стул напротив койки и вздохнула.

— Прости, что накричал на тебя, — сказал он слишком тихо, чтобы Дэни услышала, тогда он повторил свою фразу.

— Не надо извиняться. Я сама виновата. Стоило замять дело с Мэттом самостоятельно. Или вообще не лезть.

— Нет! Нет, ты сделала правильно... и я понял это, пока был в отключке. Да, не смотри так. Это странно, но я всё понял... Не должен был я кричать на тебя. Я был очень расстроен. Мэттью — сука, но я не думал... никогда бы...

Она увидела, как трудно ему было говорить, поэтому просто покачала головой, затем, в каком-то необъяснимом порыве, протянула руку к его длинным пальцам и осторожно накрыла их своей тёплой ладонью.

— Все ошибаются. Тебе было легче винить самого себя? Да? Почему? Ведь каким бы ты ни был эгоистом и паршивым партнёром, ты не заслужил смерти. Никогда не смей усомниться в себе, иначе это тебя сломает.

Он лениво улыбнулся, чуть задержал взгляд на взволнованной разговором Дэни. Ей вдруг показалось, что он старательно пытается что-то в ней разглядеть. Невольно, конечно, но она смутилась и почувствовала, что краснеет. Ричард посмотрел на её руку, державшую его собственную, и пошевелил пальцами.

Они услышали, как открылась входная дверь, и каблуки застучали по паркету на первом этаже. Дэни одёрнула руку и, бормоча себе под нос, вскочила со стула:

— Твоя мать вернулась. Кхэм-м... В общем, отдыхай, ни о чём больше не волнуйся... Увидимся завтра.

Уже покинув комнату, она могла слышать, как он с надрывом ответил:

— Пока!

Записи в дневнике Ричарда Филча

29 ноября, 2010

Всё произошедшее — всего лишь дурацкий кошмар! Вот так я успокаиваю себя день ото дня. Продолжаю жить с надеждой, что вскоре проснусь — и я не буду изуродован, Мэтт не возненавидит меня и не попытается убить, а Энни не оставит меня и не будет трахаться с этим грёбаным ублюдком...

Но каждый день я просыпаюсь на жёсткой, узкой постели; мои вены видны сквозь кожу; руки и ноги, и грудь и лицо — всё в рубцах и шрамах, и я ненавижу себя. Ничего не меняется, только боль притупляется под действием антибиотиков, и снова, и снова я чувствую себя живым мертвецом. Зачем так жить?

30 ноября

Дэни сегодня ушла намного позже. Я стал присматриваться, когда она не замечает, и понял, что она устала. Плохо спит, как и я? Или переутомилась? В конце концов, я ничего о ней не знаю, кроме её возраста и примерного адреса проживания.

Мать всё не возвращалась, и Дэни оставалась со мной до самой ночи. Я едва не предложил ей остаться... Идиот. И с чего бы? Это просто её работа, она получает деньги за это. Я — всего лишь её подопечный.

Или же нет... Прошло всего две недели со дня её появления здесь, а она уже успела поднять меня на ноги (она очень любит командовать), разобраться с моей трагедией и внушить мне, что я якобы ни в чём не виноват. С того вечернего разговора, когда случился мой последний обморок, она ни разу не заикнулась про эту деликатную ситуацию. Её вообще сложно назвать тактичной, однако, она молчалива, упряма и строга. В её-то возрасте! Энни не была такой...

Опять Энни. Ничего с собой поделывать не могу, она меня преследует! Эта дрянь мне изменяла, лгала, и теперь не звонит и не приходит. А я ещё утешаю себя надеждой, что она вернётся. Кольцо, которое я собирался подарить ей, лежит под моей подушкой, и ночью, когда я не сплю, я касаюсь его пальцами и ругаю себя: как можно быть таким слюнтяем из-за бабы?

Получается, я её слишком сильно любил. Я ослеп раньше, чем сгорел.

1 декабря

Несмотря на протесты Дэни, я уже после завтрака приступил к работе. Неделя! У меня неделя до выступления, и я должен сосредоточиться на музыке. Я сказал об этом Дэни в весьма резкой форме, отчего она нахмурилась, но больше возражать не стала. Честно говоря, не настолько упорными были её протесты. Может быть, ей всё-таки нравятся мои песни?

Думать о музыке после всего, что произошло, конечно, тяжело, но я собрался и к обеду набросал примерный текст. Чёрт подери, даже тут я излил свои страдания по Энни и не заметил этого! Перечитал текст, сделал кое-какие исправления... Вышло ещё сопливее, чем я предполагал. А с музыкой это звучало настолько убого, что я даже описывать не стану...

Дэни вошла ко мне в комнату, видимо, услышав шум: со злости я пнул мусорное ведро. Она даже не взглянула на меня, сразу принялась наводить порядок. И тут меня словно что-то

ударило! Словно подтолкнуло, какая-то невидимая сила... Но я просто взял и спросил Дэни, что она думает об этом: показал ей текст, подыграл на гитаре. Не помню, с каким ужасом я ожидал её ответа, возможно, я даже не дышал те полминуты...

Я смотрел на её бледное, сосредоточенное лицо, и трудно было понять что-то по её тёмно-зелёным глазам. В конце концов, она вернула мне текст и сказала, что это «неплохо». После такого я не мог её отпустить, чёрт подери!

И вот с той минуты всё и началось... Мне кажется, что это «всё» стало для меня отправной точкой. Мы сидели в моей комнате, она — на правой половине койки, я — на левой, и несколько часов только и говорили, что о музыке. Спать можно, но она призналась, что слушала наш последний альбом, и ей понравилось!

«Предыдущий альбом — это противоречие. Почти в каждой песне я слышала зов, словно ты умоляешь кого-то помочь найти себя, и потом ты отвергаешь саму эту идею. Идею любви, наверное. Потому что нельзя быть найденным и любимым, когда ты умеешь только просить. Призыв о помощи — этого недостаточно».

Её слова засели в моей голове. Ни один из обзорщиков так не описывал наш последний альбом, как это сделала она.

Я спросил, что мне нужно теперь. Потому что я так и не был найден, и, как оказалось, не был любим. Дэни просто пожала плечами и сказала: «пиши о том, что знаешь».

Что ж, мне было, о чём написать.

2 декабря, утро

Мне стал сниться один и тот же сон: большой, старый дом среди холмов, в сумерках под оранжевым небом, и я иду к нему, и я абсолютно здоров. Этот дом сияет, его яркий свет манит, пульсирует, и я чувствую, что, достигнув его, получу то, что ищу. Но я просыпаюсь раньше, чем открываю дверь. Я не решился рассказать об этом ни матери, ни Дэни. Это было бы глупо... Так же глупо, как вести этот грёбанный дневник!!!

2 декабря, ночь

Кое-что случилось сегодня. Нечто такое, после чего я не смогу как и раньше смотреть на неё, на Дэни. А как я раньше смотрел на девушку, которую совсем не знал? Один раз потрогал за грудь, и что? Я столько сисек перелапал со своих восемнадцати лет, что и не вспомнить. В общем...

Я привык, что она спокойно раздевает меня. Она, кажется, тоже. Однако кому-то может показаться, что, совсем ещё юная девица, раздевающая двадцатисемилетнего мужика — это нечто нездоровое, неправильное. У меня таких мыслей не возникало, она просто помогала мне. Но сегодня я не принимал никаких лекарств, мои мысли были ясными, я прекрасно соображал... Я понял, что мог бы раздеться сам, но не остановил её. Почему? Не знаю.

Я просто стоял, держась за стену, пока Дэни снимала с меня штаны, потом рубашку. Когда я повернулся к ней, посмотрел на неё... я почувствовал такой дикий прилив сил, такую сильную жажду и дрожь, что теперь не могу сравнить это чувство ни с чем из жизни до пожара. Я любил Энни, и с ней у меня был самый лучший секс, на котором, впрочем, и были основаны наши шаткие отношения... Но это никогда не было настолько дико, настолько пошло, бешено... В тот момент мне показалось, что у меня сердце из груди выскочит!

А она словно и не заметила! Я не поверю никогда, никогда! Нельзя было не заметить, как я смотрел на неё, как я дышал, как я дрожал, стоило её рукам прикоснуться к моей коже... Срань Господня, она не могла не заметить мой грёбанный член, потому что такую

эрекцию ничем не скроешь... Я и не собирался, что б её! Если бы Дэни смутилась, это была бы исключительно её проблема.

Такое ощущение, что она просто проигнорировала меня. Меня и мой стояк. Сейчас я не могу с уверенностью сказать, что это меня задело, хотя осознание того, что я не превратился в импотента, несомненно, радует. Психолог как-то раз намекнул, что после подобной трагедии, ещё и учитывая моё состояние, я просто могу распрощаться с половой жизнью... Если у меня встал на собственную сиделку, это ведь не плохо? То есть, она не уродина, она молодая, но абсолютно несексуальная. Что же тогда случилось?

Я залез в ванну, а она старалась как можно меньше смотреть на меня. Лично мне это не помогло. Потому что она всё ещё прикасалась ко мне... Я попросил её оставить меня минут на десять. Дэни кивнула и вышла, не закрыв за собой дверь. Потом я вдруг вспомнил, как она подглядывала за мной, пока я дрочил как идиот, но тогда это было долго и практически бесполезно... А в ванной от одной мысли, что она увидела меня таким, мне хотелось делать вещи, которые я бы себе никогда не позволил.

У меня была девушка, и я пытался любить её. Теперь я не могу не думать о ней без мысли о предательстве. Но, блять, я не хочу, чтобы с этих пор меня удовлетворяла только собственная рука.

4 декабря

Я проигрывал третью песню, подбирая аккорды, пока Дэни мыла посуду и сновала туда-сюда по кухне. В какой-то момент я заметил, что она подпевает, очень тихо, но всё-таки повторяет за мной. Я спросил, не поёт ли она сама и не пела ли когда-то. Конечно, это было сказано в шутку. Дэни ответила, что от её пения в школе все вешались, а я просто решил проверить. Она согласилась только тогда, когда я взял её на слабо.

Она уселась за стол напротив меня и спросила, знаю ли я «Bushes and Briars» [3]. Чёрт, в каком веке жила эта девица? Но, конечно, я знал эту песню. Грех было не знать хотя бы слова.

Я начал играть, а она — петь, но она начала не с тех слов, что я знал. Однако, как-то подстроился под неё и доиграл до конца.

«Ведь они настолько глупые,

Эти женщины верят мужчинам.

И теперь только зелёная могила ждёт меня,

Ведь я не могу любить того мужчину...»

Откровенно говоря, поёт она действительно не очень. У неё сильный голос, но она не слышит музыку и торопится. Я сказал ей об этом в шутливой манере, не желая обидеть. Она лишь пожала плечами — этот её безразличный жест — и сказала, что ей всё равно.

5 декабря, ночь

Я сижу за столом в своей комнате (именно в СВОЕЙ комнате, а не в той унылой больничной палате) и смотрю на спящую на моей постели Дэни. Забавно, что она первая девушка за шесть лет, которая спит на моей кровати. В последний раз это была Диана Молл, моя бывшая одноклассница, с которой мы случайно встретились и провели ночь в этой самой комнате на мой двадцать первый день рождения.

Сегодня был странный день, начавшийся, впрочем, как обычно. И, хотя в ванной у меня опять встал, и Дэни снова сделала вид, что ничего не заметила, всё было неплохо... Мы даже пели вместе после обеда, и она оценила те четыре песни, которые я приготовил для шоу.

Ближе к вечеру ей кто-то позвонил, и я с кухни прекрасно слышал, как она начинала

повышать голос, а затем и вовсе перешла на крик. Последней её фразой было: «Ты сломала нам жизнь». Потом случилось совсем невероятное. Я пришёл в гостиную и увидел, что она сидит на диване и плачет. Беззвучно, не хныча или всхлипывая. Её худые плечи то и дело вздрагивали, а руки, которыми она закрыла лицо, дрожали.

Я не умел утешать, если Энни когда-то и плакала, она посылала меня на хрен, и я сваливал. А теперь я стоял перед Дэни, как идиот, и глазел на неё, не понимая, что я должен делать. Я снова ушёл.

Вернулся я через час или полтора, а она спала, свесив ноги с дивана. Я приблизился к ней и, чёрт знает сколько времени, смотрел на неё. У неё лицо школьницы, а не молодой женщины. И эти её русые волосы... Мне кажется, длинные локоны сделали бы её старше. Сейчас я понимаю, почему не посчитал её сексуальной, ибо любую девушку я так и не иначе рассматривал в качестве объекта, который можно было бы затащить в постель и трахнуть. (Да, я был засранцем, но Энни никогда не изменял. Не надо об этом забывать).

Дэни походила на тех ребят, которые с утра до ночи носились по дворам и дразнили прохожих; на шпану, которая курила траву где-нибудь под мостом, пролегающем через Камберлэнд. И в то же время я не мог представить её с ними, не знаю, почему. Я никогда не был склонен к девочкам помладше, вот и не отнёсся к Дэни как к женщине.

Я помню, как она засмеялась, когда я предположил, что у неё есть бойфренд. Она лесби? Нет, я даже думать об этом не хочу.

Мне было не по себе, что я не сумел её утешить, и теперь она спала в таком неудобном положении. Решив перенести её в спальню, я не подумал, что мне будет тяжело или больно. Но она оказалась достаточно лёгкой, чтобы я не растянул мышцы до критического состояния.

Я уже давно не заходил в свою комнату, потому что здесь всё напоминало мне о детстве, об отце, который нас кинул, стоило мне исполниться пятнадцать. Моя кровать теперь была до жуткого низкой и смешной, с этими дурацкими рисунками гоночных машин на постельном белье.

Удивительно, как Дэни может так крепко спать. Ей не следовало бы засыпать вот так в чулом доме, где кроме неё находится посторонний мужчина.

Пока я обдумывал, что мне делать с песнями и шоу, и как выступить на нём самому, Дэни задёргалась так странно, словно ей снился кошмар, но при этом она не издала ни звука. Я выключил лампу на столе, подошёл к кровати и взял Дэни за руку, и только тогда она успокоилась. Когда она открыла глаза и посмотрела на меня, я не узнал её взгляда, обычно строго и холодного.

«Она опять влезла в долги, опять бухала и просрала мои деньги! У меня больше нет сил её терпеть, я так не могу, не могу... Я не хочу домой! Я хочу к Кендре, хочу увидеть свою сестру...»

Я не понимал, о чём она говорила, поэтому бормотал однообразные утешительные слова. А она всё качалась на месте, и слёзы текли по её бледной коже. Тогда я не нашёл ничего лучшего, чем обнять её. Вот так, просто прижал её к себе и уложил обратно на подушки, и сам лёг рядом, не размыкая рук.

«Я устала, устала быть единственной взрослой в том доме... Я больше не могу, не могу! Она меня сживёт со свету...»

Мы лежали, прижавшись друг к другу, и я слышал биение её сердца, ощущал его своей грудью. Дэни, в конце концов, заснула снова, уткнувшись лицом мне в плечо, а мне было так

жарко от этой близости, будто я заново горел. Что-то мне подсказывало, что она не обрадуется, если обнаружит меня с ней в обнимку, когда проснётся.

Я выскользнул из постели, а её укрыл одеялом. И теперь сижу и смотрю на неё, не понимая, что же делать дальше.

[3] английская народная песня, попавшая под редакцию известного композитора Ральфа Воан-Уильямса в начале XX века.

Кендра расстегнула молнию на чехле, сняла его и любовно погладила чёрный, атласный материал. Дэни сидела на широкой постели напротив и с открытым ртом следила за тем, как сестра расправляет своё вечернее платье. Этим они всегда отличались друг от друга: старшая сестра выросла настоящей леди, трепетно относящейся к своему внешнему виду, то есть обожала платья, туфли на высоких каблуках, сумочки, духи, косметику; а Дэни просто было всё равно. Зато она обожала смотреть на то, как наряжается Кендра. Она ею восхищалась, и, даже несмотря на трагедию их семьи, Кендра была для неё идеалом женщины.

Дэни отработала свою вторую неделю в доме Филча, получила деньги и уже забыла о том, что мать в очередной раз напилась, снова задолжала кому-то деньги, потому что в четверг приехала Кендра, счастливая и прекрасная, сняла номер в отеле и пригласила сестрёнку к себе.

— Как там мама? — спросила она, нарезая фрукты за столом.

— Дома. Надоела уже! Её опять уволили, на этот раз из магазина.

— Даниэлла!

— Ну чего? Я вчера ходила к дядьке Маку. Отдала ему полторы штуки за неё. Ты даже не представляешь, как я устала! Скорее бы накопить достаточно денег, чтобы свалить в Кеншим, к тебе.

Кендра покачала головой, взяла тарелку с фруктами и устроилась рядом с сестрой на широкой постели, где Дэни уже держала в руках по бокалу с коктейлем.

— Ты же единственная, кто у неё остался, солнышко. Что с ней станет, когда ты уедешь?

— Ты не хочешь, чтобы я жила поближе к тебе? — в голосе Дэни послышалась обида.

— Очень хочу, правда! Но мама...

— Я не хочу разговаривать о ней! Всё, забыли. Хотя бы на сегодняшний вечер. Давай лучше выпьем за твоего жениха!

Вечер действительно пошёл лучше, когда они заговорили ни о чём. Просто забыли обо всех проблемах, ели фрукты и десерт, смеялись и шутили. Кендра рассказала сестре о планах на свадьбу и о своём прекрасном женихе, а Дэни слушала и улыбалась.

— Ну, а ты что молчишь? Не рассказываешь про своего нового знакомого. Я слышала, он — звезда...

— Ага! Звезда одного района.

Дэни хмыкнула, подумав о Ричарде, и откусила большой кусок бисквитного десерта с клубничным джемом.

— И всё-таки, — Кендра заправила локон волос за ухо и придвинулась поближе, — колись. Что там с ним? Он сильно пострадал?

— Сильно...

— А как он выглядит?

— Нормально. Да что ты пристала с ним? Ну, шрамы, ну и что?

Девушка спрятала улыбку за глотком сока. Она внимательно посмотрела на сестру и вдруг спросила:

— А сколько ему лет?

— А какая разница-то?!

— Милая, просто зная твою... деликатную проблему, касающуюся мужчин, я смею предположить, что тебе было бы тяжело работать со взрослым.

Дэни фыркнула и расправила плечи.

— Я спокойно отношусь к нему, хотя он и много старше. Правда, я уже привыкла.

— Может быть, всё дело в его внешности? Ты не задумывалась о том, что он не отталкивает тебя только потому, что сам изуродован, и его пострадавшее тело стало своеобразным щитом от твоих страхов?

— Ну ты и выдумашь же!

На самом деле Дэни размышляла на эту тему. Но стоило ей только подумать о собственной реакции на мужскую наготу, как она пыталась тут же от этого отмахнуться. А уж Ричард... Её охватывала дрожь при мысли о его странном поведении во время водных процедур. Она только надеялась, что он поверил, будто она ничего не заметила.

— Его приятели пригласили меня на юбилейное шоу их группы в эту субботу.

— Боже мой, солнышко, ну конечно иди! Там будет весело.

— Я и не знаю даже... Сама понимаешь, я никогда на концерты не ходила.

Кендра махнула рукой, встала и направилась в ванную комнату. Оттуда она уже громче заговорила:

— Когда-нибудь придется начинать делать что-то, чего ты не знаешь, не умеешь. Просто попробуй! А я помогу.

— Ага! Знаю я твою помощь. Нет уж, уволь.

— Дорогая, во-первых, тебе нужен вечерний макияж! Во-вторых, ты же не пойдёшь в этих своих дурацких спортивных штанах...

— Начина-а-а-ется!

Дэни стойко держалась, но Кендра умела побеждать в спорах и, в конце концов, уговорила сестру её послушаться. Она даже добилась, чтобы Дэни примерила её вечернее платье: короткое, с закрытой спиной, неглубоким вырезом и широким поясом-перехлестом.

Долгие минуты нытья, недовольного бормотания и сжатых до боли кулаков стоили того — Кендра посмотрела на сестру, затем подвела её к большому зеркалу и заставила взглянуть на себя.

— Ты красивая, солнышко, — прошептала девушка, положив голову сестре на плечо и обняв её сзади. — Почему ты никак не хочешь это принять?

— Потому что мне всё равно. Вот ты красивая во всём! А мне ещё расти и расти до тебя..

— Брось! А кто ухаживал за мной, когда посадили отчима? Кто был со мной все те дни и ночи, когда я лежала в госпитале? Ты одна! Боже мой... Ты просто цены себе не знаешь, Дэни.

Сестра поцеловала её в тёплую, мягкую щёку, а Дэни по-детски хихикнула. Снова взглянула на себя в зеркало и дёрнула за краешек юбки-карандаш.

— Ты умеешь утешить. Ладно, на макияж согласна. Но платье надевать не хочу. Это будет... типа... рок-концерт.

— Ты такая прелесть! Я за тебя очень рада. Наконец-то ты выбираешься из своей раковины. А теперь помоги мне снять протез, пожалуйста.

Дэни повернулась к сестре и вздохнула, глядя на то, как Кендра снимает обувь, затем и гольфы и обнажает свою искусственную левую ногу. Пластиковый протез на специальных

креплениях был сделан для Кендры пару лет назад по наводке врачей. Теперь никто на первый взгляд не мог догадаться о том, что девушка — калека.

Помогая сестре с креплениями, Дэни ненадолго сжала колено сестры пальцами и вдруг посмотрела ей в глаза и сказала:

— Ты — самая красивая, умная и сильная из всех, кого я знаю. Никогда не забывай об этом. И о том, кто меня всему научил.

Ответом ей стала искренняя улыбка родного и любимого человека.

Очередной рабочий день, к сожалению для Дэни, не обещал быть спокойным уже с самого утра. Девушка подошла к дому Филча к восьми, когда небо только-только избавилось от оранжевого рассвета. Уже за несколько домов Дэни разглядела машину полиции перед крыльцом и вслух выругалась.

— Да что ж такое? Стоит мне прийти, как случается какая-нибудь хрень.

Двое копов, мужчина и молодая женщина, уже беседовали с хозяйкой в гостиной, когда Дэни вошла. Даже не снимая куртки и тяжёлых ботинок, она встала в коридоре; женщина-коп первая к ней обратилась:

— Это ты сиделка Ричарда Филча? Доброе утро, я — офицер полиции Мёрфи. Хорошо что ты уже здесь...

— Ну, здрасте. — Дэни взглянула на не на шутку встревоженную мисс Филч и спросила:

— Что происходит-то?

— Ночью Ричард куда-то ушёл. Я не думала, что он выкинет что-то подобное! — женщина закрыла лицо руками, и полицейский принялся её успокаивать.

— Мисс Филч утверждает, что её сын покинул дом где-то между двумя и тремя часами. Учитывая его физическое состояние... — Мёрфи сделала многозначительную паузу, — и психическое, мы постараемся отыскать его как можно скорее.

Дэни понимающе кивнула, ощутив вдруг скользкий страх, сковавший её изнутри. Она посмотрела на заплаканную мать, и ей стало невероятно стыдно за собственные мысли насчёт неё и её сына.

— Ты не могла бы нам помочь? Может быть, ты знаешь, куда мог отправиться Ричард в такое время?

— Без понятия. Он непредсказуемый.

— Давай-ка отойдём на пару минут, а мой коллега пока расспросит мисс Филч.

Мёрфи оказалась не такой жёсткой и настойчивой, как те копы, с которыми Дэни и её приятелям приходилось общаться. Она поинтересовалась у девушки о том, как давно она знает Филча, что конкретно она знает о нём, любые, даже незначительные детали.

— Знакомы мы пару недель. И о подробностях его личной жизни я мало что знаю. Совсем недавно он поссорился с парнями из своей группы, но позже, кажется, они это уладили. Он должен был заниматься музыкой...

Мёрфи записывала за ней, затем вдруг подняла глаза и пристально посмотрела девушке в лицо.

— Кажется, я тебя знаю. Капитан Моррисон показывал мне дело по случаю в твоей семье. У тебя есть сестра?

— Кендра. Да.

— Как она поживает? Всё наладилось?

— Ага...

— Если вам с ней что-то понадобится, любая помощь — обращайтесь ко мне.

Где ты, блять, раньше была, корова? Дэни едва сдержалась, чтобы не выругаться вслух. Уж она-то знала, как работает полиция. А к таким, как Филчи, копы едва ли не на крыльях летят. Чёртовы богачи.

Чуть позже, после очередной порции одних и тех же вопросов, все собрались в гостиной: Мёрфи с напарником, наконец, разослали ориентировку на Ричарда и дали двадцать четыре часа на тщательные поиски. К тому времени, когда стало совсем светло, копы уехали, пообещав прислать дежурную команду к дому.

Мисс Филч сидела в кресле у окна, Дэни — напротив, скрестив руки под грудью и разглядывая женщину. До чего же она выглядела несчастной, совершенно не та леди строгих порядков, которая наняла Дэни на работу. Это был удар от собственного отпрыска, эгоистичный, как резкая пощёчина.

Дэни стало тоскливо. У неё ныло от боли сердце, и сидеть дальше, сложа руки, она просто не могла.

— Вы не волнуйтесь. Копы его найдут, я уверена.

— Ты была права, заметив, что он непредсказуемый. Он всегда таким был. Видимо, отцовские гены взяли своё.

Женщина всхлипнула и изящно смахнула слезу со щеки.

— Не нужно мне было ему потакать, а оставить в госпитале. Но если с ним что-то...

Когда она подняла глаза, Дэни уже застёгивала куртку и открывала дверь. Женщина не успела и окликнуть её, а Дэни уже след простыл.

Через полчаса она собрала компанию из пятерых своих знакомых парней, тех, кто не был занят в будние дни, а, как обычно, шлялся по Бристолу и бездельничал. Они, естественно, начали с Парк-стрит и разделились, затем на сайте «Heartless» Дэни узнала контакты участников группы и обзвонила каждого. Никто не знал, куда мог деться Ричард, никто не видел его. К полудню подтянулись Джимми и Сэм на своём транспорте, и поиски продолжились в ускоренном темпе.

Ближе к пяти вечера стемнело. Пошёл снег, и стало немного теплее. На заднем сиденье чёрного «Volvo» Дэни кусала губы и ругала Ричарда, пока Джимми не прикрикнул на неё и заставил успокоиться.

— Ты уверен, что он не пошёл к Энни? — спросил Сэм у гитариста. — Самый логичный вариант.

— Нет. Я так не думаю. Во-первых, он знает, что ему там ничего не светит. Во-вторых, он также знает, что Энни с папашей переехали.

— Он знает их новый адрес? — спросила Дэни и вжалась в спинку водительского сиденья.

— В том-то и дело, они просто переехали, никого не предупредили. Да прекрати трястись, детка! Никуда он от нас не денется.

Сэм с отчаянием стукнул по приборной панели ладонью.

— Вот дурак же! Завтра шоу, а он убегает!

— Так вы решили его принять обратно?

— Да, решили, — Джимми как раз свернул на Гордон-роуд. — Хотели этому придурку сюрприз к новому году сделать. Чёрт, мы уже всё подготовили! Дело оставалось за

репетицией. Но после такого о его выступлении и речи быть не может.

Ещё пятнадцать минут бесполезного петляния по тёмным улочкам ничего не дали. В конце концов, Дэни не выдержала и попросила высадить её где-нибудь на Белвью. Парни поехали дальше, а она осталась стоять под ярким светом фонаря; тротуар был покрыт тонким слоем снега, а клумбы перед жилыми домами уже превратились в сугробы.

Из окон домов, занавешенных рождественскими огоньками, падал на дорогу свет. Люди готовились к праздникам. Дэни не любила это время года, ибо в её семье новогодние праздники нечасто удавались. Не хватало на этот раз получить в подарок окоченевшего, не дай-то Бог, едва живого Ричарда.

Дэни пошла вперёд, то и дело оглядываясь и прислушиваясь, и иногда проверяла свой мобильный: кроме сообщений от парней о том, что они ничего не нашли, не было звонков или других эсэмэс.

Через полчаса ей стало так холодно, что у девушки замёрзли нос и щёки. Через час ей вдруг захотелось плакать. От бессилия, от слабости, от холода.

Девушка остановилась возле очередного однотипного дома и вдруг услышала шум потасовки, затем дверь позади неё открылась, и на высокое крыльцо практически вывалились двое мужчин.

— И никогда больше не приходи сюда! — кричал один из них, седой, рослый мужик, хватая второго за ворот пальто. — Если я хоть раз увижу тебя рядом со своей дочерью опять, я тебя на куски порву!

Он буквально вытолкнул несчастного на ступени крыльца, и тот только чудом не свалился на асфальт на подкошенных ногах. Капюшон с его головы спал, и Дэни узнала своего пропавшего подопечного: он едва не упал перед ней на колени.

— Чтобы я тебя здесь больше не видел! — продолжал разъярённый мужчина, не сходя с крыльца. — Мало ты испортил нам крови! Энни не хочет тебя видеть!

— А вы спросите для начала у неё самой! — выкрикнул Филч в ответ; Дэни с опаской глядела на него снизу вверх. — Вы всегда стояли между нами, всегда... Дайте ей свободу, ей уже не пятнадцать лет!

— Пошёл вон!

— Я не уйду без ответа, ясно?! Энни! Энни, пожалуйста!

Дэни подняла голову туда, откуда из потока света вышло божественное видение в длинной, белой рубашке: она походила на чёрноволосого ангела, безумно красивого и несчастного, потому что её глаза были покрасневшими от слёз.

— Энни... Прошу тебя! Дай мне шанс! Не оставляй всё вот так...

Если он и мог умолять с большим отчаянием, то в это верилось с трудом. Дэни переводила взгляд от Ричарда к Энни и ждала. Когда папаша девушки собрался вмешаться, Энни остановила его, взяв за руку, затем произнесла достаточно громко и твёрдо, но в её голосе ещё звучали нотки прошедшего плача:

— Нет, Рич. Всё уже давно кончено. Извини меня.

И она просто потянула отца за собой, они вошли в холл, и дверь захлопнулась. Всё стихло неожиданно, и Дэни почти растерялась. Посмотрела на «несчастливого Ромео»: он всё ещё глядел на закрытую дверь, и в его глазах медленно угасала надежда на новогоднее чудо.

Через пару минут он словно пришёл в себя и увидел, наконец, Дэни. На его обожжённом лице отразилось отчаяние, и ругательства, что готовы были сорваться с губ девушки, просто остались несказанными.

— Ну, ты как?

Ричард помотал головой и сунул руки в карманы пальто. Дэни просто вздохнула, взглянув на его непокрытую лысину, сняла свою вязаную шапку и надела её парню на голову, а затем уже натянула и капюшон, торчавший из-под воротника пальто.

— Если бы ты только знал, как я тебя ненавижу, — произнесла она тем не менее спокойно. — Из-за тебя подняли копов, твоя мать с ума сходит, твои друзья бросили всё ради тебя, а ты ведёшь себя, как ребёнок... Филч, ты — дерьмо. Знаю, я не имею права так говорить, но стоит мне представить, что ты был таким и раньше, мне хочется тебя убить. Ты поперся к девушке, которая тебе изменила, и не с кем-то, а с твоим потенциальным убийцей, которого ждёт суд.

Он стоял, низко опустив голову, будто провинившееся дитя, и молчал. А когда заговорил, его голос был хриплым и тихим:

— Ты права во всём, и я не буду отнекиваться и злиться. Я знаю, что я — эгоистичная сволочь, но...

— Что «но»?

— Но я любил её, — прошептал он и посмотрел Дэни в глаза. — Я не мог просто так всё забыть. Я хотел быть с ней, даже предложение готов был сделать... Но теперь вижу, что всё кончено.

Дэни хмыкнула и потопталась на месте, чтобы размять ноги и согреться.

— И ты решил выяснить отношения в три часа ночи?

— Я гулял и думал...

— Ну точно придурок. Слушай, что я тебе скажу. Может, хоть в следующий раз ты будешь умнее. Моя сестра всегда говорит, что нужно уметь видеть знаки в жизни. Это ведь только твоя жизнь, ты свободен, по крайней мере, в выборе. И тебе решать, как поступать, это — твой предел. Но ты не видишь знаков: не видишь людей, которые хотят тебе помочь, не видишь жертвы, на которые они идут ради тебя. Если уж тебе плевать на себя, так подумай о них хотя бы. Ты жив, свободен и молод. Но твоя проблема в том, что ты не знаешь себе цены, Ричи-Рич.

— А любовь тоже входит в эти жертвы?

— Это не та любовь, которая нужна тебе. Блин, да она трахалась с другим, пока ты лежал в больнице! А что произошло сейчас? Она бросила две фразы за спиной своего папаши и ушла. Нет, Ричи-Рич, это не любовь. Любовь... Это когда ему или ей плевать на то, что ты даже неполноценный человек, а всё равно остаётся рядом и поддерживает. Тебе просто не повезло. Не с той, и не в то время.

Когда на его лице, спрятанном под капюшоном, появилась едва заметная улыбка, Дэни выдохнула. Ей отчего-то стало легко и приятно. И хотя вечерний мороз ещё щипал щёки, она чувствовала, как что-то меняется. В ней, в этом парне, во всём, что её окружало.

— Ну, горе-Ромео? Так и будем стоять или уже двинем домой?

— Пошли.

Они зашагали рядом, направившись вниз по улице, когда в голову Дэни вдруг пришла очередная идея, от которой она не могла позволить себе отказаться.

Девушка бегом вернулась обратно, подняла с земли небольшой, но увесистый камешек, размахнулась и, что было сил, бросила его в окно второго этажа. Треснуло стекло, и кто-то громко заорал матом.

— Дура! Нахрена ты это сделала? — закричал Филч, стоя в нескольких футах от неё. —

Это же не их окно!

— Ой...

И правда, когда Дэни разглядела за разбитым стеклом силуэт какой-то бабульки в чепчике, сразу же крикнула парню «валим!» и побежала со всех ног. Ричард даже взял её за руку, когда они рванули прочь с улицы и скрылись за поворотом в арке между соседними домами.

Он явно чувствовал себя лучше, чем полчаса назад, когда навсегда распрощался с Энни и её гордостью, покрытую чарующей красотой. Дэни надеялась, что её слова об эгоизме и свободе выбора дошли до него, и парень подумает семь раз, прежде чем идти на риск.

Копы всё ещё дежурили возле дома, и даже чёрный «Volvo» был припаркован рядом. Ричард остановился, мягко развернул Дэни к себе и встал к ней очень близко. Его горячее дыхание касалось её лица, когда он говорил:

— Слушай... Прости меня, просто прости. За то, что я натворил. Пока мы не вернулись в клуб всеобщей ненависти и жалости имени меня, я хочу, чтобы ты сейчас сказала мне, что не злишься. Окей?

Его глаза сияли так ярко в тот момент, в них отражался свет фонарей и окон соседних домов; Ричард выглядел таким уставшим, таким взрослым, и Дэни вдруг стало жутко неловко. Она даже не могла понять, почему.

— Тебе так важно, чтобы я не злилась, а?

— Сейчас мне кажется, что это самое важное и драгоценное для меня.

— Тебе не у меня надо прощения просить, а у тех, кого ты кинул. Твои друзья ждут тебя. Твоя мама любит тебя. Давай договоримся, что ты больше не будешь вести себя, как засранец?

Он живо закивал, улыбаясь, будто дитё малое, и отпустил руку Дэни. Через пять минут они уже стояли в холле тёплого дома: с копами дело было улажено, хозяйка отвела сына в гостиную (Дэни украдкой заметила, как она крепко обняла Ричарда, а тот — её), Джимми и Сэм в который раз уговаривали девушку прийти на завтрашнее шоу.

— Да приду я, приду! Ну обещала же!

Парни улыбнулись и ударили по рукам, чересчур довольные собой.

Хозяйка вызвалась проводить полицейских наружу, а молодые люди остались в холле.

Сэм легонько хлопнул Ричарда по плечу и радостно объявил:

— С возвращением, брат! Готов завтра зажигать?

— Если только не в буквальном смысле, — проворчал вокалист в ответ. — Так что, я снова в деле?

— Только если не выкинешь очередной дурацкий номер. Мы не станем уговаривать тебя выступать, если твое физическое состояние не позволяет.

— Я готов, чувак. Я буду на прогоне. Когда начинаем?

Дэни послала ему до того ненавистный и гневный взгляд, что он просто не сдержал смеха.

— Брось, крошка! Я в порядке. И, к тому же, разве ты не будешь рядом? Бдеть и контролировать меня каждую минуту.

— Да, не беспокойся, если он вдруг упадёт во время выступления. Мы тоже будем рядом...

— Чтобы отпихнуть его в толпу. — Джимми захохотал, как ненормальный. — Это будет мой звёздный час!

Вот смешно вам, а кто по шее получит, если что-то случится? Дэни обиженно фыркнула, махнула рукой и ушла в гостиную, оставив парней договариваться насчёт шоу.

Филч стремится наладить карьеру, и пускай. С другой стороны, он один из тех счастливичков, которым повезло: работа и любимое увлечение — это, по сути, одно и то же. Пару часов продержится, он обязан, если сам так хочет.

Его приятели уехали через несколько минут, тепло с ним попрощавшись и пообещав заехать с утра пораньше. Ричард вернулся в гостиную, снял пальто, капюшон и шапку Дэни, пока девушка набирала эсэмэс сестре:

«Всё в порядке. Лысый вернулся. Я скоро буду у тебя. xxx»

— Этот лысый, как я понимаю, и есть я?

Дэни подпрыгнула на месте и резко обернулась, едва не выронив мобильный; Ричард стоял едва ли не вплотную к ней и загадочно улыбался. В полутьме его можно было бы принять за приведение.

— Я же просила так не делать, — шёпотом произнесла девушка, зная, что хозяйка где-то в соседней комнате. — Не надо меня пугать.

— Извини, я не нарочно.

— Что-то зачастил ты с извинениями. Гляди, а то ещё привыкнешь.

— Кому сообщение?

— Это сестре... Она в городе до завтра, и волнуется. Так что... мне пора.

Возможно, ей показалось, но на его лице отразилось глубокое разочарование. Парень вздохнул и провёл рукой по шее и плечу.

— Я думал, ты ещё останешься. Хотя бы на ужин.

— Мама покормит тебя с ложечки сама, Ричи-Рич.

— Очень смешно!

Она улыбнулась и подмигнула, дав понять, что обидеть вовсе не хотела. Без лишних слов она потрепала его по плечу и ушла, в холле попрощалась с его матерью и вышла на улицу. Пока шла к автобусной остановке, не могла отделаться от мысли, что завтрашний день обещал быть весьма и весьма насыщенным.

Кендра, не будь она собой, а кем-то другим, прокляла бы всё на свете: её младшая сестра была сущим наказанием. Никакие уговоры не склонили девчонку к милости, единственное, на что она согласилась — это скромный, вечерний макияж.

— Милая, это же твой первый рок-концерт! — повторяла Кендра умоляющим тоном. — Ну, пожалуйста, надень хотя бы мои сапоги. Так, по крайней мере, тебя там отличат от мальчика.

Шутка не прошла, и Дэни спряталась за своим якобы благородным молчанием до следующего утра.

Кендра была уступчивой... и упрямой по отношению к сестре. Поэтому, без её ведома, сложила в рюкзак пакет с чёрной юбкой-карандаш и тонкой, белой водолазкой. Дэни слишком торопилась, чтобы заметить лишние вещи, и Кендра знала, как отреагирует сестра позже. Но это будет стоить того. Совесть девушки окажется намного сильнее гордости.

Она увидела незнакомый автомобиль перед крыльцом ещё до того, как дошла до дома Филча. Мотор гудел, и из салона раздавалась громкая музыка. Сэм высунулся из окна с пассажирской стороны и крикнул:

— Эй, Дэни! Прибавь темп, нам пора ехать! Рич уже здесь!

Девушка добежала до старенького грузовика грязно-зелёного цвета и запрыгнула в

открытую дверь сзади. Встретивший её Сэм подал ей руку и закрыл двери.

— Фух, парни, это что? — она сняла шапку и бросила свой рюкзак на широкое кожаное сиденье рядом. — Вы угнали тачку у Скуби-Ду?

— Ему уже шесть лет, между прочим! — расстроено прокомментировал её замечание Джимми; он уже вырулил с тротуара и повернул на главную дорогу. — Он помнит время, когда мы ещё записывали первый альбом. Не обижай его!

Дэни огляделась и заметила гитару в чехле и несколько чемоданов с остальным оборудованием. Филч сидел напротив Дэни, одетый в совсем новые кроссовки, плотные спортивные штаны и широкую куртку с капюшоном; на руках у него были чёрные перчатки.

— Привет, Ричи-Рич. Как ты?

— Неплохо, — он улыбнулся, откинувшись на спинку сиденья. — Мало спал, но в остальном всё нормально.

— Уверен? Я буду рядом со всем необходимым, весь день рядом. На экстренный случай.

— Знаю, крошка. Спасибо.

Грузовичок трясся, будто они ехали не по городу, а в какой-нибудь горной местности, и Дэни случайно прикинула, смогла бы эта тарахтелка объехать весь Бристоль и не заглохнуть. Вряд ли. Девушка держалась за края сиденья, пока её едва не мотало из стороны в сторону.

Ричард держался увереннее, а Дэни вдруг заметила что уже несколько минут он смотрит только на неё. Мало того, что ей это не особо понравилось, к тому же она успела смутиться, будто какая-то скромница.

— Слушай, Филч, говори сейчас или перестать на меня пялиться, — попросила она, когда грузовичок остановился на светофоре.

— Не любишь, когда на тебя смотрят?

— Какой ты стал разговорчивый. Я на тебя положительно влияю!

— Но пока я не начал ругаться, как сапожник.

— А ты любишь средневековые выражения?

— А ты — средневековые песни?

Послушав их милые саркастичные перебранки, Сэм засмеялся и обернулся:

— Да, Рич... За столько недель в одиночестве ты потерял сноровку в общении с дамами.

— Это когда он с ними успевал общаться? — вставил своё гитарист. — Раньше было так: раз — какая-нибудь фанатка прыгала на него во время выступления, два — он тащил её в трейлер...

— Скорее, она тащила его!

— Три — они занимались там «известно чем»!

Дэни фыркнула и поморщилась.

— Мерзкие вы, парни.

— Какая ты нежная, — в голосе Филча чувствовалась усмешка. — Никогда бы не подумал.

— Ну раз ты не думал, нечего и пялиться.

— Ты сегодня иначе выглядишь, вот и всё, — сказал он уже спокойно. — Ты пользовалась косметикой?

Заметил, чтоб его. Дэни промолчала и попыталась как-то отвернуться, чтобы её лицо было скрыто от Ричарда в тени. Он, видимо, заметил и это, потому что засмеялся вдруг и сказал:

— Брось, Дэни. Ты отлично выглядишь. Я обожаю тебя дразнить.

То, как он это произнёс, ей тоже не очень понравилось. От странного ощущения внутри у неё разболелся живот, и даже ладони вспотели.

Но всё это было лишь прелюдией к начинающемуся сумасшедшему дню.

Они подъехали к служебному входу клуба «Арена», стали выгружаться, (не без помощи сотрудников, конечно), а Ричард сразу же вошёл в помещение, чтобы не мёрзнуть. Дэни долго бродила по огромному, пустому залу, по фан-зоне и танцполу, и наблюдала за подготовлением к шоу. Репетировать начали рано, и время от времени здесь громко звучали то гитарные, то барабанные соло.

Филч делал частые перерывы (по большей части, из-за Дэни и её просьб), хотя утверждал, что чувствовал себя хорошо. Но Дэни с её опытом не проведёшь: она-то видела, как он быстро уставал, начинал тяжело дышать и много потеть. Дэни пришлось признать: он упрямый и гордый, слабости на людях не показывает. Стоило бы отдать ему должное, но этот случай был не самый подходящий. Поэтому, играя роль заботливой сиделки, девушка крутилась рядом с ним до самого вечера, не обращая внимания на его косые, недовольные взгляды.

Репетиция была изматывающая, но продуктивная; главный прогон начался как раз после заката, а Ричард был в голосе, будто только что взялся петь.

— Поэтому он был и будет для меня самым лучшим, — сказал Сэм по секрету, когда они с Дэни сидели за барабанной установкой и смотрели, как Филч распевается. — Знаешь, раньше он только делал вид, будто слава и известность имеют для него значение. На самом деле он просто любит музыку. Даже поклонники это знают и мирятся с тем, как он к ним относится.

— А как он к ним относится?

— Ему по большей части всё равно.

Дэни просто молчала и поглядывала на Ричарда, время от времени пересекающего сцену.

Во время прогона Джимми познакомил её с организаторами и барабанщиком, похожим, скорее, на заправского байкера, чем на музыканта. Это был весёлый парень, одного возраста с Ричардом. И его талант был неоспорим, судя по тому, что он творил с ударными на репетиции. Трэш и только. Дэни была в восторге от такого шоу.

К шести вечера у клуба уже выстроилась огромная очередь, и часть народа стояла на улице; все желали поскорее пробраться ближе к ограждениям.

Стоя перед зеркалом в захудалом, общественном туалете, Дэни поправляла макияж и мысленно посылала Кендру ко всем... стилистам Бристоля. Да, она надела и юбку, и водолазку, и теперь смотрела на себя и думала, что это вовсе не она — посвежевшая и тонкая из-за белого цвета одежды, с плоской задницей и длинными ногами. Но она вдруг наплевала на всё и, собравшись с духом, вышла в зал. В конце концов, её приятелей здесь нет, а значит, неловко будет только перед парнями из группы. Увидь её Джей-Джей, например, он выдал бы что-то вроде:

— Блин, киса, да ты укурилась!

Или:

— Ты похожа на тёлку! У тебя и грудь есть, где ты её прятала?

«Похожая на тёлку» Дэни появилась за кулисами, когда группа обговаривала последние детали шоу, а сотрудники клуба настраивали инструменты в полутьме сцены. Джимми первый увидел Дэни, присвистнул и сказал, улыбаясь:

— Вы поглядите, кто у нас тут! Ого-го!

— Классно выглядишь, Дэни.

Один только Рич молчал, хотя смотрел на девушку, не отводя глаз. Даже перестал перебирать струны гитары. Затем поднялся, отложив инструмент, подошёл к Дэни и заслонил её собой от ребят.

— Потрясающе выглядишь.

— Хах, преувеличиваешь.

— Полчаса до концерта. Волнуешься?

— Я? Не-е-е! — она просто махнула рукой, прижавшись спиной к стене. — Если только за тебя. Пожалуйста, скажи мне честно: ты в порядке?

— Да. Иначе, ты бы первая узнала.

Она улыбнулась, не поверив ему. Но помешать выступлению не осмелилась бы ни в коем случае. Разве что, если бы он свалился с ног прямо на сцене...

— Эй, голубки! Вы чего там притихли?

— Наверное, думают, исполнять рождественскую традицию или нет.

Джимми и Сэм засмеялись, а когда Дэни вопросительно посмотрела на парней, только повеселевший «байкер» указал на веточку омелы, закреплённую на косяке двери, над головой Ричарда.

— Я люблю исполнять традиции.

— Ага! Сейчас! — Дэни зло глядела то на него, то на его оживившихся приятелей. — И чьи это кривые ручонки повесили её здесь?

— Целуй! Целуй! Целуй! — скандировали парни, как один.

Ричард жестом приказал им замолчать, снова повернулся к ним спиной и с деланной строгостью произнёс, глядя Дэни в глаза:

— Слушай. Это просто дурацкая традиция. Поцелуемся, и всё.

— ТЫ ОБАЛДЕЛ?!

— Вот как. А я думал, тебе всё равно, как я выгляжу. — Она уловила в его голосе обиду, словно она только что обозвала его уродом или тому подобным. — А теперь ты и прикоснуться ко мне не хочешь...

— О, Господи! Филч, ну ты и дурак! Да не в твоей внешности дело. Ты просто... Ты не поймёшь.

Она с отчаянием посмотрела через его плечо: остальной состав группы всё ещё пребывал в ожидании с глупыми улыбками на лицах.

— Если не во внешности дело... в чём тогда?

— Если поцелуемся, ты отвяжешься? — спросила она, дёргая край юбки.

— Допустим. К тому же, ты ведь не хочешь, чтобы концерт прошёл ужасно?

— А при чём тут это?

— Ну, примета, традиции... И не смотри так на меня! Я всё-таки музыкант, тут без веры в такие вещи — никуда.

Верующий нашёлся, блин! В это время Джимми стал тихонько постукивать по корпусу электрической гитары, приговаривая: «целуй, целуй!»

Закатив глаза и плюнув на всё (в который раз за день), Дэни дождалась, пока парень снимет капюшон. Затем он просто закрыл глаза, наклонился и на короткие пару секунд прижался горячими, сухими губами к её щеке. Дэни не успела ни сообразить что-то, ни подумать о страхе, какой обычно у неё возникал: она только вдохнула его «Eclat Homme» и

ощутила горячее прикосновение к своей коже. И всё.

Одобрительные высказывания, типа «да-а-а, молодец» и «Рич — красавчик», Дэни уже не слышала. Она будто отключилась на несколько мгновений, а очнулась от тычка в бок: Ричард улыбнулся, снова надел капюшон, по-джентельменски откланялся и напоследок предложил Дэни занять место у ограждений, в фан-зоне.

Парни продолжили работать с аппаратурой на сцене, когда Дэни уже спустилась в зал. Тогда же подошли первые зрители, а через полчаса у ограждений стало тесновато. На сцене было темно и тихо ещё час, который казался бесконечным.

Но вот забили в барабаны; свет зажёгся и погас, и замерцал то синим, то красным, то зелёным; толпа завизжала, в особенности девушки, коих здесь было гораздо больше; Дэни уже успели прижать к самому ограждению и даже подвинуть чуть влево, но сцену она всё равно прекрасно видела. Когда раздался грохот, а за ним и первое соло ударных, толпа просто спятила: парни свистели, разрезая воздух руками, девчонки до невозможного громко кричали, и под мерцающий свет вышли все, кроме вокалиста, а барабанщик уже был на месте.

А когда на сцене, неведь откуда, появился Ричард, проорав в микрофон «Вы готовы зажигать?!», началось настоящее сумасшествие...

Чьи-то руки пару раз треснули ей по голове, ещё несколько раз кто-то умудрился наступить ей на пятки. Но всё это казалось мелочами по сравнению со звуком, от которого закладывало уши. Дэни уже сто раз пожалела, что встала так близко к сцене. Мало того, что Рич и его компашка орали, играли, прыгали по сцене, будто ненормальные (Джимми даже додумался сыграть соло, стоя на огромной колонке), так ещё и их бешеные поклонники глотки драли не хуже вокалиста.

Через пятнадцать минут безумия Дэни поняла, что волноваться было не о чем: Филч прекрасно справлялся. Организаторы, видимо, зная его трепетное отношение к внешнему виду, договорились тратить поменьше яркого света на сцену, хотя вокалист и так был закрыт с ног, до головы: свитер с капюшоном, кепка, перчатки... Дэни было лишь интересно, не жарковато ли ему в таком обмундировании.

Парни действительно неплохо зажигали. Больше того, каждый получил свою минуту славы за вечер. А Ричард словно и не побывал в пожаре, словно для него всё шло так, как раньше. Дэни смотрела на него, неотрывно, и кивала головой в такт музыке, а иногда даже скидывала руки. Что-то в этом есть, думала она. Адреналин, мощь, экстаз. Было даже круче, чем чморить наркоманов с приятелями по вечерам, гуляя по узким улочкам Болдвин-стрит.

Шоу-трэш-безумие продолжалось почти полтора часа, когда Ричард объявил последнюю песню: встал у самого края сцены, над неподвижными секьюрити, низко наклонил голову так, что его губы почти касались микрофона, и охрипшим голосом произнёс:

— Эта песня одна из наших новых...

Кто-то с дальних рядов танцпола одобрительно похлопал, и его поддержали почти все пришедшие.

— Я надеюсь, она вам понравится, потому что... Эта песня никогда бы не была написана без одного важного для меня человека.

Девушки томно вздыхали, видимо, представляя себя не месте того «важного человека». Кто-то из ребят фан-зоны даже крикнул:

— Чувак, мы с тобой!

Вокалист кивнул, махнул рукой в ту сторону, и толпа снова зааплодировала. Хлопали долго, с чувством, с возгласами тёплых пожеланий, и Дэни растрогалась, поэтому захлопала тоже.

— Крошка, для тебя — эта песня, — сказал вокалист напоследок.

Филч резко развернулся и ушёл на середину сцены, когда погас свет; затем всё снова замерцало и задрожало. Сэм затянул соло, а Рич вернулся, прыгнул на колонку, что заставило толпу взреветь, и запел.

Только Дэни стояла у ограждений недвижимая, будто застывшая. Она почти не слышала слова, едва могла уловить музыку: она была в ступоре, шоке. Один единственный вопрос крутился у неё в голове: как он мог?!

Джимми вышел вперёд, крутясь вместе с бас-гитарой, и кепка, козырьком назад, едва не слетела с его головы.

Рич метался по сцене и прыгал на правой ноге, притом всё равно удерживая ноту; он

пел, словно в первый и самый важный раз.

Что он творил! Он находился где-то вне сцены, вне всего. Его лица не было видно, но движения говорили сами за себя: быстрые и резкие шаги, прыжки; его руки рассекали воздух, музыка уносила его куда-то, где больше ни для кого не было места. Он так обожал эту песню, и Дэни поняла это сразу. Она до боли укусила губы, чтобы сдержать слёзы.

Рич встал на одно колено на краю сцены и протянул свободную руку над толпой, потянувшейся к нему. А когда снова вскочил, закачался так, будто принял дозу, будто ловил настоящий кайф. Сумасшедший контраст.

Вместе с его голосом и угасающими словами песни, очень медленно и плавно потух фиолетовый свет прожекторов. Толпа взревела, протягивая руки к сцене; кто-то дружно хлопал, кто-то одобрительно свистел. Аплодисменты были продолжительными и приятными, но Дэни уже распихивала людей в фан-зоне, прокладывая себе дорогу.

Вошла в помещение для сотрудников, взяла свои вещи и, пока за кулисами творилось чёрт знает что, поспешила выйти из клуба. Вечер был ужасно холодный, и девушка сто раз пожалела, что не переделалась. В добавок, она забыла взять сегодня сигареты, а у входа в клуб не у кого было стрелять. Поэтому, прикинув примерный маршрут до дома, она просто обошла здание и направилась в сторону автобусной остановки.

— Дэни! — окликнул её до жути низкий и хриплый голос. — Да стой же!

Не обернувшись, даже прибавила шаг. Через несколько секунд её всё-таки достиг Филч — запыхавшийся, разгорячённый — схватив за руку и с силой повернув к себе лицом.

— Ты что делаешь? Ты меня не слышала?

— Слышала, не глухая! — рявкнула она с раздражением. — Дальше что?

— Что случилось? Почему ты вот так ушла?

— Концерт окончен, разве нет? Мне пора, я устала...

Она попыталась увернуться, но Ричард настойчиво удержал её за локоть. Потом тряхнул так, что волей неволей, а в глаза ему посмотрела... и увидела в них обиду и страх, будто десятилетнего ребёнка мамка бросила в огромном торговом центре.

— Что-то случилось, а ты мне не говоришь! Тебе не понравилось шоу? Песни?

— Понравилась, дорогой, понравилась. Подтверждение твоего таланта ничем не уязвлено.

— Хватит юлить! — прохрипел он. — Почему ты вот так меня бросаешь? Если дело не в шоу, то в чём?

— В тебе, Ричи-Рич!

Дэни вырвала руку из его хватки и отступила на шаг. Единственный фонарь над ними освещал пространство вокруг, и даже шрамы на лице Ричарда сейчас были прекрасно видны. Дэни не хотела этого разговора, но он поставил её перед фактом (каким конкретно, она ещё не осознала, но он был), и ей пришлось выложить все карты на стол:

— Шоу было отличным! Просто замечательным! Всё было почти идеально: вечер, музыка, твоя группа... Но ты в очередной раз доказал, что ты не знаешь, что такое честь и гордость.

— Я не... я не понимаю, о чём ты.

— Эта последняя песня! Всё в ней. Ох, блин, Филч! Я-то думала, что ты раскрыл свои влюблённые глазки и прозрел! Но нет! А теперь иди и дальше притворяйся, что она будет с тобой, а я сваливаю.

Её гневная тирада подошла к концу, и на душе стало заметно легче. Дэни развернулась и

зашагала прочь, но парень снова поймал её; тогда она пошла на него, игнорируя его присутствие, и разговор продолжился на ходу, пока Ричард пытался не сойти с пути девушки.

— Я понятия не имею, о чём ты. Но дай мне только сказать...

— Боже, да мне плевать! Ещё эта дурацкая омега!

— Что значит «не прозрел»? И кто — она?

— Та, кому ты посвятил песню, Ромео. Твоя обожаемая Энни!

Филч опустил вдруг руки и замер на месте, позабыв все попытки остановить Дэни. Она отошла на пять шагов, не больше, но что-то удержало её, заставило успокоиться... Остановилась тоже, медленно обернулась.

— Ты решила, что песню я написал из-за Энни?

— А что, нет? — девушка саркастично хмыкнула и развела руками. — «Важный для меня человек»! «Крошка»! Бла-бла-бла...

— Я не ей песню посвятил. Если бы ты услышала, то поняла.

Затем вдруг словно все звуки в мире стихли, словно весь мир сам взял и затаился. И единственное, что нарушало тишину — падающий снег. Он один отвлекал Дэни и не давал сосредоточиться. Что всё это значит?

Песня не для Энни... Важный для него человек... Поняла бы, стоило лишь услышать...

Поражённая его словами, она стояла в свете фонаря, глядя на Ричарда, онемевшая от потока новых чувств, охвативших её, заставляющих кровь бурлить, а сердце — бешено биться.

— Почему-то я решил, что ты меня поймёшь. Хотел сделать сюрприз. Сделал, твою мать.

Он сунул свои затянутые в перчатки руки в глубокие карманы, подошёл к Дэни и строго произнёс (кожа на заживших ожогах правой стороны лица неестественно натянулась):

— Ты права, я действительно был слеп. Один раз и второй, когда подумал, что сделаю тебе приятно... Но тебя не цепляет ничего. Совсем. Почему ты такая? Кажется, словно... Есть только ты и твой собственный мирок, в который ты никого не пускаешь.

— О, как ты верно заметил, Ричи-Рич! — прошипела Дэни со злостью. — Только вот мой мирок полон дерьма, и я не желаю, чтобы кто-то в него окунался! Хватит нас с сестрой. И я такая не от лучшей жизни. Там не было гор денег, хорошей музыки и любящих родителей. Так что не тыкай мне тут моим паршивым «миром», отличающимся от твоего, зажавшийся, несчастный мальчик!

— Откуда такие ярлыки? Думаешь, раз мои родители при деньгах... были... они... То что? Я не достоин и одного твоего взгляда? Если хочешь знать, я всего добился сам, девочка-которая-до-сих-пор-не-выросла: мой счёт в банке ни разу не пополняла мать. Но куда уж мне, до такой благородной тебя, со своей никчёмной музыкой?!

Он демонстративно сплюнул на землю, поправил капюшон и пошёл прочь от клуба. Дэни недолго смотрела ему вслед, чувствуя мягкие снежинки на щеках. Догнала, упрямо встала перед ним:

— Ну, прости! Я не считаю твою музыку никчёмной. Это не так. Просто... я бы никогда не подумала, что ты можешь написать песню для меня... Из-за меня, то есть.

— Это называется вдохновением. Но эффект уже искажён, — Ричард тяжело вздохнул, опустив голову. — Я хотел, чтобы ты услышала её и поняла, что я ценю всё, что ты для меня делаешь.

— Да, неловко получилось. Может быть, ты споёшь её для меня... ну... приватно?

Она улыбнулась, мысленно молясь, чтобы лёд тронулся, и парень остыл. А главное, чтобы скользкая тема её прошлого так и осталась недосказанной. Ей показалось, что он слишком долго молчит. Очень долго, вечность. Ещё пару недель назад ей было бы всё равно, но сейчас... Разве они не друзья, в конце концов?

Ричард посмотрел на неё, наконец, и его губы, тронутые пресловутыми шрамами, скривились в ухмылке.

— Извинения приняты. Если ты признаешь, что тебе понравился концерт в целом. И если...

— Чего?

— Если угостишь меня кофе.

Фьюх! Дэни мысленно пела дифирамбы рождественскому духу: лёд начал подтаивать. Не хватало ещё истерик и криков, это не пойдёт на пользу парню, который и так сегодня работал на износ. Поэтому девушка просто отмахнулась и объявила:

— Концерт был обалденный! Это раз. Будет тебе и кофе, и чай, и клубника со сливками. Это два. Только не плачь, малыш.

Она поманила его за собой, развернулась и пошла в сторону Беркли-стрит. Ричард шёл рядом, спрятавшись под капюшоном, и она уже не видела его довольной, больше похожей на победную, улыбки.

Через пять минут они дошли до угла улицы, где расположилось обожаемое местными американское кафе «Rocotillo». Дэни тоже любила его, в основном, за приличные цены и ещё более приличное качество еды. А их десерты... Ах, вот, где можно вкусить райское наслаждение!

Девушка порадовалась, что в это время посетителей почти не было, а то настороженный, нахохлившийся, как зашуганный воробушек, Ричард подозрительно оглядывался и вжимал голову в плечи чересчур уж усердно. Всё-таки, публичное место, а он так долго уже никуда не выбирался. В общем, она его вполне понимала.

Дэни выбрала самый дальний столик у окна, они с Ричардом сели друг напротив друга, и парень неотрывно следил за ней, пока она раздевалась: сняла шапку, куртку, бросила это всё на рюкзак, тряхнула волосами и расчесала их пальцами. Филч сидел неподвижно, кусал губы и заметно нервничал.

— Слушай, Ричи-Рич, перестань, — прошептала Дэни, чуть навалившись на стол. — Здесь никто на тебя не смотрит. В это время здесь почти никого нет. Расслабься. И расстегни куртку. Ты и так уже вспотел. И сними перчатки. Хотя бы одну... Ты же не будешь пить кофе в них?

— Я же не думал, что ты действительно поведёшь меня в кафе. Мне казалось, ужина дома было бы вполне достаточно.

Он произнёс это так обыденно, так по-взрослому... Будто жена притащила муженька в ресторан на ночь глядя, хотя дома их ждал простой, но вкусный ужин. Дэни хмыкнула, представив себя на кухне в доме мамы Ричарда. Невероятно забавно.

Он снял только правую перчатку и расстегнул куртку и свитер. Пока Дэни, улыбаясь, разглядывала меню, он наблюдал за ней, потом вдруг спросил:

— Что это тебя так развеселило?

Она не успела ответить, потому что к ним подошла официантка — пухленькая, розовощёкая — и тут же обратилась к Филчу, хотя он, напрягшись, повернулся всем

корпусом к окну.

— Э-э-эм, а будьте добры, мне — латте маккиато, а моему... другу... ему и глясе пойдёт. Только поменьше тёртого шоколада, пожалуйста.

Дэни «спасла» своего спутника, переключив внимание официантки на себя, так, что та и не стала больше глядеть на него. Ну, мало ли, парень не общительный, или вроде того...

— Что-нибудь ещё?

— Мы подумаем и скажем.

Женщина удалилась, запомнив заказ, а Дэни полезла через свою одежду за рюкзаком, чтобы достать кошелёк. Вот фигня... На кофе хватит, а вот с десертом придётся обождать. Филч заметил её недовольство и твёрдо спросил:

— Ты правда думала, что я позволю тебе платить?

— Давай не будем... Ты же мне песню посвятил.

— Так, без возражений! Забудь.

Он достал из внутреннего кармана куртки кошелёк, кожаный такой, надутый, и положил на стол перед собой. Дэни посмотрела на свой и вздохнула. Мда.

Ричард улыбнулся и заговорчески спросил:

— Что у нас там по меню? Что ты ещё хочешь?

Она колебалась, глядя на единственную строчку с любимым десертом, который позволила себе аж полгода назад, и молчала.

— Давай, колись, крошка. Открой мне тайну: что тебя соблазняет?

Дэни подняла на него глаза и сглотнула; в животе сразу же заурчало, только от голода ли? А ещё ладони вспотели... опять. Девушка неохотно ткнула пальцем в нужный десерт, и Рич повернул лист меню к себе.

— Так, так... Всего-то? Клубничный сок, сливки... Ну, желание твоё — закон.

Принесли кофе, через пять минут ещё и десерт — два бокала для шарикового мороженого, наполненные клубничным и шоколадным джемом, а сверху — взбитые сливки.

Дэни смущённо ковырялась ложкой в десерте и то и дело поглядывала на Рича; он просто пил свой кофе.

— Спасибо, — выдохнула Дэни едва ли не с трудом. — Обожаю этот десерт, хотя частенько его себе не позволишь.

— Не за что. Я рад. А почему ты заказала мне глясе? Не лучше ли было что-то по-мужски крепкое и горячее?

— Тебе нельзя ни крепкое, ни горькое, ни тем более горячее.

— Ах! Кажется, мне начинает нравиться твой командный тон. Это так... игриво, что ли.

К чему это было сказано, Дэни так и не поняла, да и не горела желанием, поэтому просто запихнула как можно больше ложек с десертом в рот. Потом вдруг чихнула... и половина содержимого её рта полетела на стол. Слава рождественскому духу, в ресторане действительно никого не было! Иначе дикий смех двух молодых людей нарушил бы мир и покой посетителей.

Салфетками Дэни вытерла стол и рукав куртки Рича, так что он тоже пострадал от её чиха, но зато смеялся громче неё самой. А затем они просто болтали, касаясь только музыки, путешествий и... десертов, и Дэни никогда не подозревала, что какие-то мелочи, обыденные, незначительные, могут так развеселить. И Филч... Никогда, ни один парень не смотрел на неё с таким напряжённым вниманием, не ловил каждый её взгляд, не смеялся так искренне её шуткам, которые она сама считала дурацкими.

И она смотрела на него и не замечала шрамов от ожогов, ей вообще было всё равно, как он выглядел. В какой-то момент она поняла, что Рич забыл свой стыд и расслабился, даже несмотря на то, что двое старичков сидели за барной стойкой и пили пиво, иногда оборачиваясь на громкий смех.

Они проговорили до пол первого ночи и даже не заметили этого.

Всё закончилось, когда в кафе вошли четверо явно подвыпивших парней. Рождественский дух отправился на заслуженный отдых, видимо.

Весёлая компания сгруппировалась у барной стойки, парни говорили громко и настойчиво и, в конце концов, как по закону жанра, обратили своё внимание на Ричарда; с их стороны он был отлично виден им даже с этим его глубоким капюшоном. Они не были навязчивыми, скорее, наоборот, но это и стало отправной точкой для Ричарда: их пристальное внимание, перешёптывания и непрерывное глазение на него просто не могли сказаться иначе.

Дэни видела, как он был напряжён, как сжимал кулаки, и уже не обращал внимания на её слова. Момент, и он резко поднялся, подошёл к смеющимся парням и громко крикнул:

— Ну, чего?! Пришли на урода поглазеть?

Дэни вскочила с места, но было уже поздно: Филч сбросил капюшон с головы и прошипел:

— Смотрите. Но на этот раз вслух.

Со стороны девушка наблюдала, как перекрестился один из старичков и тут же отвернулся; как кто-то из нарушивших идиллию ночи парней смачно выругался, но все они поспешили спрятать глаза, отвернуться... лишь бы не видеть этого.

Ричард шикнул проклятия, вернулся к столику, чтобы забрать вещи, и Дэни увидела его истинное лицо в ярком свете ламп помещения. И она содрогнулась... на секунду.

Филч оделся, бросил деньги с чаевыми на стол и быстрым шагом покинул кафе, даже не подождав девушку. А она старалась собираться быстрее, даже шапку надевать не стала. Даже куртку не застегнула. Выбежала на улицу, где стоял Рич, сунув руки в карманы и глядя на пустую улицу. Снег прекратился, стало ещё холоднее; где то за квартал отсюда завывала сирена.

— Прости меня. Это я виновата, — Дэни положила руку на плечо парня. — Зря пришли сюда. Но ты забудь.

Глупая, глупая, глупая! Словно он действительно сможет забыть! Теперь, когда все, кто не знает его, кто не привык, будут пялиться и шептаться... Как же ему, должно быть, мерзко и обидно. Дэни дёрнула его за рукав, чтобы он опомнился, отреагировал...

И он сделал это.

Обернулся и, наверное, посмотрел на неё, хотя она так и не поняла, не разглядела даже его глаз: слишком уж темно было, а фонарь над ними почему-то не работал.

— Надо поймать такси и поехать домой, — сказала Дэни.

— Не надо. Дойдём пешком.

— Далеко же...

— Не к моей матери. Ко мне. Здесь близко моя квартира.

И она пошла за ним, к нему домой, ощутив вдруг, как жарко становится, даже застёгивать куртку не хотелось.

Записи в дневнике Ричарда Филча

13 декабря 2010

Квартира пустует уже много недель, даже на полках и столах жуткий слой пыли... Я вернулся сюда, ведомый странным ощущением неважделения, но отныне не стану больше выдумывать прозаичных причин: нам просто было по пути.

Дэни устала, от насыщенности дня и от меня самого, да и я ощущал, что силы меня покидают. К тому же, мне нужно было принять лекарства и позаботиться о своём горле. Я всегда боялся простыть зимой и лишиться голоса. В общем, мы просто пришли сюда, решив обойтись без такси и... наверное, я соскучился по этой квартире.

Ох, мне стоило запечатлеть лицо девчонки, когда я распахнул перед ней дверь: она вошла и так и осталась с раскрытым ртом, разглядывая моё жилище. Я сразу понял, она вряд ли часто бывала в студийках. Я сам провёл её по гостиной (тут же кухня), второму этажу, где находятся объединённые спальня и кабинет. Как ни странно, Дэни похвалила мой выбор стиля: светлое дерево, преобладающие на стенах белые тона и, в основном, тёмных оттенков мебель.

«Только пусто как-то».

Что я мог на такое ответить? Я жил здесь один, это моя холостяцкая конура, куда я никого не пускал. В конце концов, я копил на неё три с лишним года. Всё моё, и только моё.

В час ночи мы, наконец, спокойно устроились в гостиной, когда я вдруг понял, что спать не хочу, и Дэни почему-то тоже не проявила такого желания. Еды не было, я позвонил и заказал нам пиццу.

«Филч, в холодильнике что-то волосатое и, кажется, ещё живое. Но оно воняет. Не хотелось бы это трогать!»

Копаясь в моём холодильнике, Дэни напомнила мне про последнее, чем я здесь питался: суши... Бр-р-р. Пришлось выбросить это «волосатое и вонючее», как можно скорее.

Прибыла пицца, и мы с Дэни сидели в гостиной, ели и смотрели какую-то фигню по ТВ. Вот так просто, ночью, вдвоём, никого рядом. Болтали ни о чём. Я никогда не разговаривал с Энни так открыто и непринуждённо. А в те минуты я и думать забыл про Энни, про шоу, про всё, кроме нас с Дэни... Мы с ней. Как странно я чувствую себя по отношению к ней сейчас. Друзья? Да. Мог бы я... Наверное.

И чем дольше я смотрел на неё, слушал её и погружался в её общество, тем яснее понимал, что, вместо раздражения и пренебрежения, которые я ощущал при знакомстве с нею, появляется нечто иное... С ней я жив, и я хочу этого сильнее, когда она рядом — смеётся и подкалывает меня — и никакая музыка не сделает меня живее.

Перещёлковая каналы, она вдруг остановилась на том, где всё время показывают эти старые, немые фильмы. Как забавно, что мы поймали именно эту версию «Призрака Оперы», с обожаемым мною Чейни (да и роман я знаю наизусть, а как иначе, когда Леру — мой любимый мистик и мастер готики с детства?)

И почему я не был удивлён, обнаружив, что Дэни тоже обожает эту историю? Она сказала, что перечитывала роман раз десять. Скорее, удивительно было ей узнать мою любовь к книге. А что мне? Я много читал из французской литературы.

Мы молча смотрели фильм, и, на том самом моменте, когда Кристина срывает с Призрака маску, Дэни вдруг спросила меня: «а что бы ты сделал?»

Вопрос отличный, без сомнения. Я думал недолго. Потому что кому, как не мне теперь влезать в шкуру Призрака? Я — ущербный музыкант, который вряд ли когда познает тепло и ласку любимой женщины. Так я и сказал... Точнее, сказал, что не отдал бы свою Кристину никому. Она была бы моей, и никакой сопляк, типа де Шаньи, не встал бы между нами.

«А если Кристина не сможет сделать выбор? В пользу Эрика, конечно».

Плевал бы я с высокой колокольни. Взял бы её, похитил, утащил, заставил... Потому что я любил бы её, а значит, никакой пощады, даже для неё самой. Пусть связанная, пусть напуганная — но моя! Умирать — вместе. Разве Эрик не заслужил любви в последние дни своей жизни?

Дэни так странно смотрела, словно я болтал про единорогов или Перпетуум мобиль — настолько невероятную хрень, что у неё это не укладывалось в голове. Я ожидал слов, типа: «да как ты можешь?» или «женщина же не игрушка!» Но она просто продолжила смотреть фильм, доедая пиццу, а я не выдержал и спросил, как бы она поступила.

«Поскольку я — это я, а не Кристина, и будь я на её месте, я бы выбрала Эрика не потому, что он — гений и Ангел Музыки, а потому что Эрик — это Эрик, и он одинок и несчастен. И он просто человек, которого так и не научили правильно любить. Я бы никогда не сорвала маску, не перешла бы черту, а значит, он бы оценил это и понял, что мне всё равно, что там под маской — его трагедия, его безумие, жаждущее притупления, сподвигли бы меня на большее, чем просто жалость».

Я спросил, что для неё больше жалости. Она ответила: «Ну, любовь, наверное».

Фильм кончился, а я всё не мог успокоиться. Я спросил, как бы она отнеслась к лицу Призрака, представься случай его увидеть. Дэни повторила, что она — это она, а не изнеженная Кристина, и её даже подобное уродство не напугало бы.

Мы проспорили где-то минут двадцать: я защищал Кристину, аргументируя её страхи и наивность юностью и хорошим воспитанием, а Дэни... Ну, её не переспоришь. Хотя, я признаю, что мне понравилась наша маленькая дискуссия. С Энни мы редко смотрели кино, а уж обсуждать его... Нет, ни разу.

Меня уже клонило в сон, когда я понял, что мы просидели почти всю ночь; видимо, Дэни это тоже заметила, потому что силком заставила меня пойти наверх, чтобы, наконец, лечь. И я, как мужчина, время от времени играющий в джентльмена, стал настаивать на том, чтобы она спала в моей кровати, наверху. Я бы и на диване устроился. Но, чёрт с ней, в спорах ей нет равных! Что ж, по крайней мере, она осталась в моей квартире.

Девушка, которая раскрыла мне глаза на Мэтта и Энни, и которой я посвятил одну из лучших своих песен, спит на моём диване — с этими мыслями я сам пытался заснуть. Долго не мог.

Потом случилось то, из-за чего я больше никогда не посмотрю на Дэни иначе... Иначе, чем теперь. Не знаю, благодарить ли природу за это, или проклинать, но именно из-за этого всё изменилось.

Заснуть я так и не смог, хотя очень устал. В котором часу, не помню, но было ещё рано, я вдруг услышал её осторожные шаги на лестнице, потом в коридоре, разделяющем мою спальню и кабинет. Притворяясь спящим, я краем глаза видел, как Дэни прошла мимо моей постели, в ванную комнату, закрыла дверь... Бедная моя девочка! Я же не сказал ей, что есть ещё одна ванная, на первом этаже. С тяжёлой головой и мыслями, как позже я понял, не

совсем трезвыми, я поднялся, приоткрыл дверь ванной комнаты и забрал одежду Дэни: чулки, юбку и водолазку, которые лежали на полу. До нижнего белья не дотянулся, крюк для одежды был слишком далеко от двери и слишком близко к душевой кабине, где была она... Я не хотел, чтобы она услышала.

Я вспомнил, что где-то в шкафу у меня завалился халат, который я мастерски позаимствовал в «Holiday Inn», когда приезжал в Нью-Йорк. Его и взял, встал у двери и дождался, пока Дэни выглянет. Она открыла дверь, и я тут же узнал запах моего шампуня. О Боже... А я то думал, что у меня больше не встанет... Так что там твердил врач?

Она была вся мокрая, закутанная в одно лишь банное полотенце, вся в капельках воды, и её кожа пахла моим гелем для душа, и от неё шёл пар... Не знаю, сколько я так пялился на неё, но, когда она решительно позвала меня по имени и спросила, куда я дел её одежду, я просто соврал, что положил всё стирать. Затем отдал халат и извинился. Конечно же, она была недовольна. Но я перетерпел её брезгливое выражение лица и закрытую перед моим носом дверь. Ничего, не всё сразу, верно?

Когда она вышла (в одном только халате, мать его!), я сидел на кровати. Один из нас явно чувствовал себя некомфортно или неловко. Когда она предложила позвонить моей матери через пару часов, я встревожился. Я совсем забыл... Так и не рассказал ей правду. Уже предугадывая её реакцию, я собрался с духом и выпалил, наконец, что мать уехала по работе (гостиничное хозяйство — штука не такая уж и простая), и это случилось уже три дня назад; что все выходные Дэни я провёл в студии и работал, и кроме парней в это время со мной никого не было. И что мать всё это время думает, что я сижу дома, под присмотром своей сиделки... Знаю, я рисковал, и, если бы вдруг почувствовал себя дурно, рядом не было бы ни сиделки, ни матери, чтобы быстро среагировать.

Дэни смотрела на меня, как на чокнутого, как на идиота! Я заслужил, я знаю. Я так ей и сказал. Единственное, о чём она спросила, стоя босиком напротив моей постели, в этом своём (моём!) широком халате, было: «почему ты не позвонил мне, когда у меня были выходные?»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я ответил, что это были её заслуженные выходные. И дёргать её из-за нескольких часов репетиций я не решился. Дэни лишь закатила глаза, и я заметил, как сжались её кулаки. Но она промолчала. Видимо, ей стоило больших трудов не накричать на меня.

Она махнула рукой и уже собралась уходить, сказав, что идёт досыпать. Я до сих пор не пойму, зачем сделал то, что сделал потом, но это произошло... Я не хотел, чтобы она уходила. Я не хотел, чтобы она засыпала там, внизу, думая о том, какой я большой ребёнок и придурок. Я не хотел, чтобы эта ночь закончилась так... скверно.

Я сделал вид, проще говоря, притворился, что мне стало плохо: согнулся, замычал, сжав голову руками — Дэни тут же оказалась передо мной. Встав на колени, она принялась ощупывать моё лицо... Она пахла невероятно, и у меня действительно закружилась голова. И её пальцы... тёплые, нежные, касались моих шрамов, а взгляд был внимательным, сосредоточенным.

Эрик заманивает Кристину в своё логово, под здание парижской Оперы. Здесь он хочет её сломить и заставить любить его. Положить рядом с собой в гроб и уснуть навечно. Такой же эгоист, как и иные представители рода человеческого.

Сияясь не делать голос чересчур жалостливым, дабы не переиграть, я попросил Дэни остаться со мной. Она посмотрела на постель, затем снова на меня... И долго тянула с

ответом. Тогда я снова «надавил» на то, что мне дурно. Бедный я, бедный... Потом она вздохнула и, включив светильник, пошла вниз, за одеялом и подушкой. Дэни легла с левой стороны, закутавшись в одеяло, как в кокон, и мне показалось, что она слишком далеко от меня, на самом краю. Вот-вот бы и свалилась. И, что самое удивительное, я быстро заснул... Кажется, последнее, о чём я подумал, был один из этих фильмов восьмидесятых годов, где маньяк лежит на постели с девушкой, которая даже не подозревает о его присутствии.

Уж Призрак парижской Оперы точно никогда не ложился с Кристиной в одну постель. По сравнению со мной, он не так далеко зашёл.

Я проснулся вне времени, голова гудела, как после бурной пьянки, а тело горело, словно я был болен... Я был, но не так уж чтобы... Еле-еле поднялся, пошёл и умылся — не помогло. Я себя не чувствовал, не мог определить, жар это или просто самовнушение. И, когда я вернулся в кровать, до меня дошло: Дэни выпуталась из своего кокона, видимо, во сне, и её правая нога касалась моих ног, под моим одеялом. Её кожа на моей... Ясно, почему я ощутил это, ещё не проснувшись.

Я осторожно повернулся к ней, долго смотрел ей в лицо, на приоткрытые губы, которые я так сильно хотел поцеловать. Что и сделал, быстро и едва ощутимо. Она не просыпалась. Не проснулась, даже когда я стянул с неё одеяло до талии, тихонько развязал пояс халата и положил ладонь на её живот. Я слышал только собственное дыхание, и моё сердце колотилось так, что я на мгновение испугался: а не умру ли я здесь, от переизбытка эмоций?

Но она была такая мягкая, и её кожа — гладкая, не такая горячая, как моя, и без единого изъяна. Слеплён я был желанием, сошёл ли с ума, не знаю, но я встал на колени, склонился над ней и раскрыл этот чёртов халат. Было темно, но недостаточно, чтобы я не видел её. Может быть, ей далеко до Энни... да, воспоминания о близости с ней и её теле ещё долго будут меня терзать... но в это утро я держал в своих руках настоящий подарок, который я сам себе объявил.

Дэни действительно кажется младше своих лет, но только кажется. Со всей этой её дешёвой, мальчишечьей одеждой... Она просто хоронит свою женственность. Но один только взгляд на её тело — так близко ко мне, тёплое и нежное — заставил меня дрожать, и я послал всё то разумное, что во мне оставалось, к чертям...

Я снова её поцеловал!

Я ласкал её живот, сжимал ягодицы, пока был не в силах оторваться от её губ, и добился результата — она вздохнула, повернулась на бок, ко мне, и обняла меня; её нежные руки обвили мою шею! ОНА ХОТЕЛА МЕНЯ!

И вот тогда мне стоило остановиться... Я должен был себя заставить, но не смог. Я просто пропал, спятил, обезумел. Я сам себя не узнавал.

Не помню, как, но я снял с себя рубашку, бросил её на пол; хотел расстегнуть на Дэни бюстгальтер, но, блять, это оказалось труднее... и просто отнимало время. Я дышал ей в шею, её кожа пахла мятой и ментолом, кажется... Мои пальцы уже скользнули ей в трусики, и я мигом почувствовал, какая она влажная. Она ждала меня, хотела, и я хотел... В конце концов, мы с ней оба — взрослые, самостоятельные люди, которые занимаются сексом, и всё хорошо... Вот, чем я себя утешал. Но было поздно. И я просто облажался.

Пока я ласкал её пальцами, пока пытался проникнуть в неё, я целовал её шею... Я перестал трезво соображать... И мои пальцы уже были в ней, я пытался заставить её кончить вот так. В тот момент я услышал громкий, истеричный визг над своим ухом. Я отпрянул так быстро, как только сумел, потому что она забрыкалась, стала кричать и извиваться подо

мной. И когда я увидел её лицо...

Нет, это был не просто испуг! Она смотрела в лицо Смерти! Она знала это, и плакала, и глядела на меня, как... Да, верно, опять...

Как Кристина, сорвавшая маску с Призрака... нет, с Эрика. У него было лицо Смерти. Как и у меня в эти мгновения.

Дэни сползла с кровати на пол, судорожно прижимая к себе халат, а я пытался что-то сказать, притягивая руки. Я потянулся к ней, и она снова завизжала. Затем просто убежала и закрылась в ванной комнате. Конечно, я рванул за ней. Я звал её, колотил руками по двери, снова и снова стучал, клялся, что выбью дверь...

Ничего, кроме тихого плача, я не услышал в ответ. Через несколько минут и он прекратился, и тогда я испугался. Действительно испугался. Если бы она что-то с собой сделала...

Кристина ведь тоже разбила себе лоб о стену, лишь бы избавиться от мучений... и от Эрика.

Потом Дэни просто открыла дверь, я не вошёл, а сел у порога, и так прекрасно её видел. Она заговорила... А я слушал её историю, её и Кендры, и до самой последней фразы сидел, недвижим, в шоке. В голове до сих пор не укладывается, как она и её сестра это пережили!

Моя девочка, какая же она сильная и стойкая!

А что натворил я? ЧТО Я СДЕЛАЛ?!

14 декабря

Я в доме матери, снова один в этой чёртовой комнате без света. Дэни ушла.

И я просто не знаю, что делать...

— Дэни Мартин! Дэни Мартин! Он здесь?

Из кабинета высунулась голова блондинки, девица поискала своими огромными голубыми глазами «того самого Дэни Мартина» и, по-видимому, немного удивилась, обнаружив, что это девчонка, а не парень. Дэни сидела перед кабинетом психотерапевта где-то полчаса, а Кендра всё это время держала её руку в своей. Для моральной поддержки.

Девушка поднялась, послала сестре взгляд, как бы говорящий: «вот тебе и мальчишье имя, меня это бесит!» и скрылась за дверью кабинета. Психотерапевт, Джон Маршалл, встретил её приветливой улыбкой, пригласил присесть на кушетку. Когда его помощница удалилась, он снисходительно, но больше извиняясь, произнёс:

— Извини её, она стажуется. Вот если бы ты не противилась своему полному имени...

— Фу! Нет. Оно ещё хуже, чем сокращённое. Всё нормально.

— Как скажешь. — Он взял в руки блокнот и ручку. — Давно мы не общались, да? Как у тебя дела?

— Всё нормально, — повторила Дэни.

Её руки, лежавшие на коленях, тряслись.

— Кендра рассказала мне, что ты подрабатывала где-то? Ухаживала за молодым человеком?

— Ага. Только не думаю, что ему до сих пор нужна моя помощь.

— Как же вышло, что ты решилась с ним связаться? Это ведь не ребёнок, Дэни, а взрослый человек.

Она потушила взгляд, задумалась. В конце концов, рассказала всё, как есть: что были хорошие деньги, что работа не пыльная, и она думала, что до проблем, касающихся возраста (её и Ричарда), не дойдёт. Но были последствия, к сожалению.

— И что произошло? — видя, что девушка медлит с ответом, Джон заговорил тише. — Ты же знаешь, что мне ты можешь рассказать всё? Обещаю, станет намного легче.

Док умел уговаривать, и Дэни это знала. Она вздохнула, перестала, наконец, теребить замочек своего рюкзака и стала рассказывать, глядя куда угодно, только не на Джона:

— Ну, в общем, я не думала, что всё так получится. Расслабилась, наверное. Да и решила, что мы с ним... ну, с тем парнем, подружились. Ведь поначалу он бесил меня, его наглость, грубость и его... Как бы сказать? Деньги.

Док кивнул и поправил:

— Его положение, по сравнению с тобой.

— Да. Но потом что-то изменилось. Он перестал жаловаться на свою несчастную судьбу, показал мне, как любит музыку, и вообще... Он оказался просто классным парнем. Мне нравится с ним болтать.

— И это всё, что тебе нравится в нём?

Девушка почесала затылок, взлохматив волосы пальцами, и пожалала плечами:

— Наверное, нет. Не всё. Мне нравится его голос... и его друзья тоже очень хорошие...

Психотерапевт улыбнулся, записал что-то в блокноте и спросил:

— А что же произошло вчера?

На мгновение её взгляд просто остекленел, но Дэни собралась с духом:

— После концерта мы пошли в кафе. Сидели и болтали... Он даже купил мне мой любимый десерт. Потом он привёл меня в свою квартиру. Которая, кстати, одним своим существованием меня раздражает.

— Это почему?

— Она слишком шикарная. Моя зависть, видимо, дремлет очень чутко, док. — Дэни откашлялась и спокойно продолжила:

— Мы снова разговаривали, смотрели телек, и всё было хорошо. Правда, я так чувствовала! А потом мы заснули.

Джон сделал знак рукой и удивлённо спросил:

— Заснули вместе?

— Он притворился, что ему нехорошо. Я решила, что просто лягу с ним... ну, буду рядом, чтобы помочь, в случае чего... А потом уснула. Видимо, здесь и моя вина тоже.

— Тише, тише, Дэни. Ты ни в чём не виновата, понимаешь?

— Я не могу обвинять его во всём, что произошло.

Она помолчала немного, затем просто продолжила, совершенно спокойно. Её взгляд был сосредоточен на собственных пальцах, сжимавших ремешок рюкзака.

— Я никогда в жизни, никогда прежде, не чувствовала подобного. Это было странно, страшно поначалу, а потом очень горячо и больно...

— Больно? Он сделал тебе больно?

— Да... То есть, нет. Это была другая боль. Такая, которую я выдержала. Она... была приятной.

Маршалл кивнул, когда Дэни подняла на него глаза. Вроде бы понял. Док такой, что с ним лишних слов не нужно. Девушка хмыкнула, горько улыбнулась и сказала:

— Я, видимо, слишком стара для своего первого оргазма. Даже толком описать это не могу... Вам ли не знать о том, насколько скудна моя сексуальная жизнь.

— И в этом нет ничего позорного, Дэни. Я понимаю твои страхи, их причины. Твоя сестра тоже понимает.

— Но она-то смогла с этим жить! — её голос вдруг стал резким, чужим. — Хотя это её трахал отчим, когда ей было четырнадцать. На ней отрывался этот больной ублюдок, не на мне! Это меня она защищала от его животных желаний, даже ноги лишилась. А я была мелкая, и всё видела, не зная, что делать...

Джон сдержанно вздохнул, сложил руки перед собой и твёрдо произнёс:

— Послушай, Дэни. Твоя сестра — сильная, молодая женщина, поборовшая все страхи из прошлого. Ты же до сих пор держишь свои глубоко в памяти, они строят стену вокруг тебя и не позволяют смотреть на мужчин в сексуальном плане, ты знаешь. К тому же, зная, что Кендра отводила гнев отчима от тебя, ты вешаешь на себя несуществующую вину. Но ты не виновата. Так скажи мне, что случилось с этим парнем вчера?

— Я же сказала... Он меня... Ну, ладно. Он довёл меня до оргазма! — Дэни выругалась и закрыла лицо руками. — Довольны?

— И что же в этом ужасного?

— Я была не в себе. Я чувствовала это сквозь сон, ясно? Я просто была в отключке.

Она заметила, как док напрягся, едва сдержался, чтобы не выругаться. Дэни взглянула на него и тут же попыталась оправдать Ричарда:

— Нет, нет, слушайте! Это не было изнасилованием, понимаете? Он был болен, он

просто растерялся... Он слишком долго был один. И он совсем не похож на отчима, ясно?! Он не такой, как этот больной на голову урод...

— Ты хоть осознаёшь, что могло произойти самое ужасное? А если бы ты не остановила его?

— Так он сам и остановился! Может быть, даже испугался сильнее меня. Вы бы видели, как он смотрел, когда я оттолкнула его.

— Почему же ты тогда решила оставить эту работу?

Она снова ушла в себя на несколько коротких мгновений; думала, думала, затем просто сказала:

— Потому что это разрушило всё: нашу едва зародившуюся дружбу, серьёзность отношений, дистанцию, которую я старалась поддерживать — всё прахом. Я больше не смогу относиться к нему, как раньше. Я понимаю одно: если я захочу вернуться, мне придётся решать — либо терпеть послевкусие того утра, либо...

— Либо?

— Дать ему то, чего он хочет. Но я не смогу. Так быстро избавиться от страхов, так быстро стать чем-то большим друг для друга... Нет, я не сумею.

Док покачал головой и промолчал. Дэни ждала, что он скажет нечто, как обычно, разумное, а она не поймёт и половины из его научно-медицинских терминов. Но это помогало, по большей части. Что же сейчас?

— Скажи, ты злишься на этого парня?

— Да, наверное. В основном, потому что он сделал то, чего я не ожидала.

— Видимо, ты переоценила его возможности и приукрасила образ пострадавшего молодого человека.

— Может быть, и так. Я забыла, что он на самом деле такой же, как все.

— Кто знает, — док задумчиво потёр подбородок указательным пальцем. — Быть, как все — иногда это неплохо.

Всё-таки сказал, всё-таки в самую точку попал. Дэни приняла это и... смирилась.

Кендра загадочно улыбалась, когда сестра вышла в коридор. Но та молчала, и старшая, по-видимому решив, что всё прошло неплохо, осталась довольна.

Весь вечер Дэни провела в доме жениха Кендры, кстати говоря, он оказался вполне сносным. Жених, не дом. Невысокий, темноволосый и чересчур внимательный, этот мужчина показался Дэни не от мира сего. Зато симпатичный и заботливый. Только их с Кендрой воркование её ничуть не трогало, скорее, она даже тосковала из-за этого.

В конце концов, девушка признала, что причиной тоски был другой мужчина. В другом месте, в другое время. Дэни не могла заснуть — ей казалось, что Филч рядом, и вот-вот протянет к ней руки и стянет с неё дурацкое одеяло, под которым Дэни было слишком жарко.

Она уехала из Кеншима на следующий день, после полудня. Матери дома не было. Только записка, прикрепленная к холодильнику:

«Я на работе. Обед и ужин готовы, буду поздно.
мама»

Как будто ей было до этого дело! Однако, она съела сэндвич и ножку жареной курицы, потом, немного подумав, позвонила Филчу. Гудки, гудки... Дэни забеспокоилась, не раздумывая ни минуты более, собралась и отправилась к Ричарду.

Уже было достаточно темно, а в окнах знакомого дома не горел свет. Дэни стало не по себе, и она всё-таки вошла через задний двор, в кухню. Не забыла, где лежал ключ. В доме — тишина и мрак. В холодильнике обед был нетронут, лекарства — на своих местах. В комнате, наверху, всё было, как в последний день её дежурства.

Девушка обругала себя: дура, он может быть у себя на квартире! Но вчера она была слишком расстроена, и не запомнила адреса... Позвонить его мамаше? Она же ничего не знает! Её звонок может только сделать хуже. Дэни ходила по кухне, туда-сюда, не имея понятия, что делать. Вдруг сообразила! Позвонила Сэму, но он не ответил. Джимми тоже. Опять неудача!

— Что я сделала? Что я могла сделать?

Она просидела в тишине полчаса, сходя с ума от ожидания чего-то. Затем вышла на улицу, на мороз. В её мозгу заклинило что-то, что заставило её рвануть с места. Странное ощущение, предчувствие, видимо, смешанное с тревогой и страхом, подтолкнуло её бежать на автобусную остановку. Села в автобус, и, пока ехала долгие чёртовы три остановки, кусала губы и молила Бога, чтобы он был там.

Она вышла на нужной улице и, не переходя дорогу, взгляделась в окна «Rocotillo». То ли молитвы помогли, то ли рождественский дух вернулся, но Ричард сидел там, за их столиком, дальним, у окна. Вздыхнув, наконец, спокойно и расслабившись, Дэни поспешила в кафе. Филч не обернулся на тоненький звук колокольчика над дверью; он сидел, навалившись на столик, всё такой же закрытый с ног до головы: капюшон, перчатки — всё при нём.

Дэни осторожно подошла сзади, сняла шапку и сунула её в карман; заодно заметила, что на столике перед парнем стоят три пустые бокала для мороженого. Тихо хихикнув, она села напротив и постучала пальцами по поверхности стола.

— Ух, смотри, Ричи-Рич. Обьешься этой гадостью и помрешь! Не самая достойная смерть.

Он поднял голову, чуть сдвинул капюшон назад. Дэни разглядела, наконец, его глаза... и едва сдержала недовольный вздох. Он будто неделю не спал! И не ел. А заодно не пил. Выходит, два эти дня он слонялся один одинёшенек? Он выглядел так жалко, несчастный и потерянный парень. Сейчас его ожоги были как побледневшие, яркие пятна на коже, сама кожа блестела от пота.

— Ричард, ты в порядке? — спросила девушка дрожащим голосом.

— Ты вернулась.

— Ну, да. Вернулась. Я тебя искала. Опять. Ты обещал мне не делать глупостей.

— Обещал, — он вжал голову в плечи в какой-то нездоровой, пьяной манере. — Но сделал ведь. Я паршиво себя чувствую. Стоит мне только представить, что ты увидела лицо отчима вместо моего... Мне хочется убить себя.

Дэни ощутила ком в горле, тут же откашлялась и сказала:

— Я не хочу тебя винить. Ни в чём. И не виню. Понял? Ты — не мой отчим! Он был больным психопатом. Ты просто... ещё очень молод. Кхэм... Да, ты напугал меня, но я тебя не ненавижу.

— Правда? — он подался вперёд, протянув руку и накрыв ладонью руку Дэни. — Это то, что я хотел услышать.

Даже его перчатка была тёплой, и Дэни инстинктивно скользнула ладонью в его широкую ладонь.

— Это именно то... что я хотела сказать.

— Мы всё ещё друзья?

Почему-то его вопрос застал её врасплох. Она не этого ждала. А чего тогда? Где же долгожданное облегчение? Где ощущение, что тяжёлый груз спал с души? Дэни лизнула пересохшие губы и, стараясь скрыть горечь, ответила:

— Да, конечно. Друзья.

Потом он слегка сжал её руку. В благодарность, наверное. В следующую секунду ей захотелось закричать о том, что друзьями они быть не могут, ведь как можно оставаться друзьями, когда он спал рядом с ней в одной постели? Когда он видел её практически обнажённой и такой уязвимой? Когда он, в конце концов, дал ей оргазм, довёл её до этого одними своими пальцами?! Она же больше не сможет смотреть на эти руки, не думая о том, где и как они её трогали. И во сне ей это нравилось.

Через какое-то время Рич попросил, предварительно убрав руки под стол:

— Расскажи, где ты была эти два дня.

Она рассказала про Кендру, её милого жениха, их дом в Кеншиме. Подробности визита к психотерапевту опустила нарочно, чтобы лишний раз не давать Филчу повод вспомнить их... неудачную совместную ночь.

Дэни заставила его заказать нормальный ужин, от своей порции просто отказалась. Они ещё немного поговорили, а ушли уже после десяти ночи. Дэни успела заметить, как Ричард задержал взгляд на веточке омелы, закреплённой над выходом из кафе. И, хотя они чуть задержались в дверях, он не предпринял попытки обратить на это внимание. Видимо, рождественский дух сжал парню горло своими невидимыми ручонками, мол, кончилась вечеринка. А Дэни ожидала, что поцелуй всё-таки состоится.

Совсем другой вопрос, хотела ли она этого сейчас?

Они ехали в одном автобусе, только Дэни должна была выйти позже. Она не решилась предложить остаться с ним на ночь, а Ричард и не заикнулся. Девушка лишь взяла, с него слово, что он обязательно позвонит ей, как только окажется дома. Обещал позвонить.

— Я приду утром, — сказала она.

Дэни через силу улыбнулась, но на душе было слишком паршиво, чтобы притворяться. Ричард вдруг посмотрел на неё так, словно понял это, и ему стало больно. Боже, как же она хотела не видеть его глаза в этот момент!

— Ты мне нравишься, — проговорил он за секунду до того, как автобус остановился.

Ричард бегом вышел на улицу, зашагал к дому и больше не обернулся.

Дэни спустилась с моста, щурясь от слепящего снега, заранее убрала наушники с телефоном в карман и застегнула верхнюю пуговицу куртки. Хотя было ещё слишком рано, народ спешил по делам, заполняя улицы: оставалось всего два дня до рождественских каникул. У Дэни не было особых планов на эти десять дней, скорее всего, сестра пригласит её к себе, справлять Рождество. Идеальный вариант.

С другой стороны, она опасалась, что ей не даст покоя её подопечный, точнее, то, как развернулась ситуация с ним. Неделя пролетела незаметно, и больше не было разговоров на тему «той самой ночи», Ричард общался с приятелями из группы только в интернете, к нему они не приходили. Долю от выступления перевели на его банковскую карту. Его физическое состояние не беспокоило Дэни, разве что бывали порой сильные головные боли и жар. В остальном же молодой человек был спокоен, даже слишком тих и необщителен. Это должно было удовлетворить Дэни, однако, она чувствовала себя некомфортно, когда он вёл себя так отстранённо. И больше никаких разговоров на тему «ты мне нравишься».

Прошедшей ночью она не могла заснуть, долго слушала Embrace на повторе и всё думала о том, как можно поменять своё мнение о человеке за такое короткое время. Плюс, совершенно не злиться на него за столь из ряда вон выходящий поступок. Подумать только, они могли бы заняться сексом, как обычные, нормальные люди... Не будь он физически искалечен, а она — психически уязвима. Но главной её мыслью была идея о том, чтобы сделать это именно с ним, в конце концов. Сама идея казалась ей одновременно и странной, и глупой, и даже приятной.

Однако, она всё ещё работала, всё ещё нуждалась в деньгах, а Филч — в поддержке. Ну, ничего! Через пару дней она уедет в Кеншим, а парень проведёт праздники с мамашей.

Дэни поднялась по ступенькам на крыльцо, едва не наворачнувшись, проскользив на самой последней, и, не успев открыть дверь, как услышала грохот, раздавшийся со второго этажа. Затем крик, какие-то нечленораздельные ругательства, звон разбитого стекла. Девушка быстро скинула сапоги, куртку и шапку, и уже было побежала вверх, когда вдруг ей под ноги, по лестнице, покатился ноутбук. Кнопки клавиатуры рассыпались, экран треснул; Дэни с непониманием посмотрела на разломанный компьютер и подняла глаза.

Рич стоял в дверях своей комнаты, обозлённый, со взглядом как у дикого зверя. Он был босой, одетый в чёрный свитер и тёмно-серые штаны. Дэни только и могла, что развести руками и поражённо спросить:

— Ты что делаешь? Спятил что ли, с утра пораньше?

Он ничего не сказал, просто развернулся и ушёл в комнату. Девушка собрала остатки ноутбука, вошла в комнату, бросив взгляд на в который раз разбитое стекло шкафа, и свалила сломанный комп в одну кучу с осколками.

— Ну-ка, давай, колись. Что стряслось?

Филч какое-то время сидел на кушетке, сторбившись и нервно потирая руки, затем достал из-под подушки свой мобильный, что-то там набрал и отдал Дэни.

Это было короткое видео с камеры наблюдения. Секунд тридцать, не больше, и оно резко обрывалось. Дэни пришлось пересмотреть его два раза, чтобы понять, что там происходит. Она разобрала только задымлённое помещение офиса, повсюду огонь, затем

упала какая-то мебель... А главное, за десять секунд до конца видео, на экране появился мужчина в горящей одежде: он закрывал лицо руками, падал на колени, пытался подняться, но ничего не мог поделать. Силы его покидали.

Видео обрывалось на том самом моменте, когда пламя застило обзор.

Дэни нажала на паузу, прижала ладонь к губам. Она всё поняла: что это было за видео, и кто там горел. Девушка с трудом сглотнула, посмотрела на Ричарда, а он — на неё. Его бесформенные губы задрожали, глаза наполнились слезами... И его прорвало. Рич согнулся и заныл, застонал в ладони, а Дэни подошла, села рядом и обняла, прижав его голову к своей груди.

Когда парень перестал плакать, она спросила, не размыкая рук:

— Кто тебе это прислал? И когда?

— Никто не присылал, никто. — Отстранившись, он вытер рукавом свитера глаза и сел прямо. — Это с утра висит в открытом доступе. Уже разошлось по всем соц-сетям. Господи... Ты бы видела, что они пишут! Думаю, не стоит говорить, чьих рук это дело.

— Да, не стоит. — Девушка кивнула и покачала головой. — Чёрт! Не думала, что этот гад диджей что-то откопает.

Ричард резко вскочил, заходил по комнате, как загнанный в клетку зверь, и забормотал, сжимая кулаки:

— Все они увидели мой тридцатисекундный позор. Все, все теперь знают, что это был я, и что со мной случилось... Как мне быть дальше, а? Теперь, когда я стал трагичной знаменитостью?

— Какая разница, кто что скажет? — Дэни попыталась смягчить его гнев. — Слушай, запись всё равно уже в интернете. А ты всё равно уже... ну, ты и сам знаешь.

— Ты не понимаешь!

— Естественно! Это же просто видео. Рич, тебя хотели задеть, и они это сделали. Тебя хотели показать, и они показали. Но всё это не означает, что ты опозорен. Если ты успокоишься и придёшь в себя, ты поймёшь, что ничего не изменилось.

— Не изменилось?!

Он закричал так, что Дэни пришлось прижать ладони к ушам. И едва она посмотрела на него — встретилась с его гневным, диким взглядом — как он схватил стойку с капельницей и опрокинул её. Затем быстро покинул комнату. А Дэни осталась сидеть на кушетке и глядеть в пол, пытаясь собрать мысли в кучу.

Минуту назад он плакал и обнимал её, прося таким образом о сочувствии. Сейчас он был похож на монстра. И она снова увидела все его ожоги. Удивительно, как быстро он перевоплощается из одинокого ребёнка в обезумевшего взрослого мужчину.

Куда-то делся рождественский дух...

Ричард вернулся через пару минут, держа в руке папку алого цвета, затем просто бросил её на колени девушке. Кивнул, мол, позволяю, и Дэни, развернув папку, достала оттуда несколько фотографий. Конечно, она узнала Ричарда, прежнего его — молодого и счастливого музыканта — хотя, готова была поклясться, что не узнала бы его, если бы заранее не нашла некоторые снимки в интернете.

Да разве можно представить, что у этого человека когда-то были светлые, небрежно растрёпанные волосы? Или эти пустые, голубые глаза сияли когда-то радостью и весельем? А уж чтобы его покрытая рубцами и шрамами кожа была загорелой, гладкой, идеальной всего несколько месяцев назад? Нет! Невозможно, глядя на фотографии и сам живой

пример, поверить в такое!

Дэни нарочно тянула время, разглядывая на снимках смеющегося блондина с подтянутой фигурой и дерзким, уверенным взглядом, просто потому что понятия не имела, что сказать. Она-то его таким не знала, ей было всё равно.

Она взяла в руки фотографию, на которой Филч был с Энни на каком-то пляже — без рубашки, в одних плавках, такой сексуальный, мокрый и блестящий от капелек воды.

— Ну, хорош, ничего не возразишь, — сказала она с улыбкой. — А дальше-то что? Чего ты хочешь, чтобы я сделала?

— Слушай, дорогая, ты действительно такая каменная, или мне просто не повезло?

Он как-то странно смотрел на неё и, стараясь стоять прямо, чуть пошатывался. Дэни принялась и, наконец, поняла: он парня несло виски. Дэни ненавидела этот запах. Она огляделась и увидела под стулом початую бутылку «McNeils Choice».

Девушка раздражённо посмотрела на Ричарда и спросила:

— Ты пил? Филч, ты что, совсем дурак?

Рич отмахнулся и зло выругался, наклонился и забрал у Дэни из рук все свои фотографии.

— Ты жалок, Филч.

— А ты — бессердечная сука. Ты думаешь, что увидеть в интернете последние секунды своей жизни — это нормально и совсем не больно? Ну, тогда ты не знаешь, что такое «больно».

— Я не это имела...

— Почему ты такая равнодушная? Я пытался понять, но не смог... И вот теперь, когда я здесь, перед тобой, со своим горем, ты несёшь бред о том, что я должен успокоиться!

Он резко стукнул ладонью по стене, а Дэни вскочила с места, намереваясь покинуть комнату. Его слов было достаточно, чтобы задеть её. Эгоистичная скотина! Ноет и ноет, и скулит, как щенок. Ей очень хотелось высказать ему всё-всё, но она сдержалась. Тогда она не смогла бы вернуться сюда на следующий день. Оставался один день до рождественских каникул, и потом она уйдёт и забудет про этого засранца и его скулёж.

Едва она вышла в коридор, как вдруг услышала его настойчивый голос:

— Ты не можешь вот так уйти! Я не позволяю...

— Знаешь, что я тебе скажу, Ричи-Рич? — Она обернулась, когда парень последовал за ней, и встретилась с ним лицом к лицу. — Я вовсе не бессердечная. У меня есть сердце. Просто оно холодное. Ты пытался понять, почему, но забыл о том, через что прошла я! Мне жаль, что опубликовали то видео, это отвратительно. Но я не стану больше сожалеть и подтирать твои сопли. Научись, наконец, быть мужиком, Ричи-Рич, и жить дальше!

По его взгляду быть сложно догадаться, понял он её слова, или алкоголь ему мешал. Парень поморщился, прислонившись к стене, и упёрся в неё лбом. Кажется, ему становилось всё хуже.

— Но Дэни... я же просто... я не хотел...

— Протрезвей.

Она спустилась на первый этаж и, решив отвлечься и занять себя, принялась за уборку. На кухню и кабинет ушло около часа, на ванную комнату и гостиную — ещё полтора. Ричард пришёл после полудня, когда Дэни заканчивала протирать книжные полки.

Он положил на пол мусорный мешок, в который, судя по звуку, собрал стекло и ноутбук. Затем подождал, пока Дэни обратит на него внимание и обернётся.

— Ты обиделась? Знаю, не отвечай, — сказал он безэмоционально. — Прости, что назвал тебя сукой.

— Прощаю. А ты прости, что мне наплевать.

— Тебе не наплевать, — на его губах появилась кривая улыбка. — Ты совсем, как я: гордая и неприступная.

— Я бы не назвала тебя неприступным, — Дэни тоже улыбнулась.

Ричард пожал плечами и вдруг схватился за голову. Девушка тут же оказалась рядом и помогла ему сесть на диван.

— Много выпил сегодня?

— Нет, не так уж много. Но голова кругом идёт.

— Я дам тебе болеутоляющее, потом пообедаем. Если станет плохо, позови. А я — на кухню...

Он взял её за руку, пока она не ушла, притянул Дэни к себе, встретившись с ней взглядом, и произнёс:

— Когда я сказал, что ты мне нравишься, я не солгал.

— Мне уже начало казаться, что ты забыл, — она вдруг поняла, как сильно забилося сердце, а голос и вовсе охрип. — Почему ты молчал?

— Я просто думал... долго думал. Дэни, я...

Его пальцы, сжимавшие её тонкое запястье, были невероятно горячими, и девушке самой вдруг стало жарко, потому что она уже чувствовала его дыхание на своих губах. Как же быстро он стал так близок к ней? Дэни вздохнула и закрыла глаза, ожидая, что он коснётся её...

Но, когда снова посмотрела на парня, он грустно улыбнулся и откинулся на спинку дивана. Его пальцы отпустили руку Дэни, и она тряхнула головой, чтобы очнуться от мимолётного забытия.

На следующий день Дэни пришла пораньше, чтобы застать мать Ричарда, но той дома не оказалось. А она уже приготовилась к серьёзному разговору на тему увольнения. Дэни понимала, стоит ей вернуться в январе, случится нечто такое, что изменит её, а она этого не хотела. Или же просто боялась. Она чувствовала приближение неизбежного, и, кажется, её сердце не было готово оттаять.

Ричард разговаривал с кем-то по мобильному, когда девушка вошла в гостиную. Его голос звучал глухо из-под капюшона, чуть хрипло, и Дэни ждала в дверях, пока парень закончит разговор:

— ... Это так ты от меня избавилась?... Нет, не оправдывайся, мам. Надеюсь, ты там повеселишься... О, я в полном порядке!

Дэни закатила глаза, переминувшись с ноги на ногу; сарказм в голосе Филча так и блеснул, это звучало совершенно холодно и грубо:

— Относительно... Прекрасно! Ты не думаешь, что история повторяется?... Как это, когда? Мне было одиннадцать, когда ты провела Рождество в Уинфорде, а я с нянькой остался в Бристоле... Да, мам, я вырос, и я не ною! Просто хочу сказать спасибо за то, что мы проведём праздники друг без друга!

Ричард обернулся и, увидев Дэни, мрачно улыбнулся, повертев в пальцах мобильный.

— Ещё один мой маленький позор, — сказал он, хмыкнув. — Она позаботилась о том, чтобы быть подальше от меня.

— Твоя мать не приедет на праздники? — Дэни нахмурилась.

— Нет. Она прикрывается работой, но я знаю, что это всего лишь прикрытие.

— Мне очень жаль.

Сжав губы в тонкую линию, Ричард кивнул и отвернулся. Дэни окинула беглым взглядом его широкие, худые плечи, и вздохнула. То, что она сделала пару минут спустя, никак не вязалось с её планами, со всем, чего она хотела и ждала. Но самое главное — она даже не задумалась перед тем, как сделать звонок.

— Кендра? Привет, это я.

— Привет, моя дорогая! Как ты? Мы так ждём тебя...

— Слушай, я не смогу приехать. Не знаю, как объяснить, но я не могу его оставить. Мне кажется, если я это сделаю, он умрёт от тоски.

Я слежу за тобой, как ястреб.

Слежу так, словно хочу разорвать тебя на куски...*

События прошедших дней сливались в один сплошной поток из будничной рутины, многочасового одиночества и молчания. И всё бы ничего, только вот Дэни это не устраивало. Ни холодность в отношениях с Ричардом, ни собственные чувства по отношению к нему.

Рождество обещало быть мрачным, особенно на фоне всех этих уличных гуляний, нарядных витрин магазинов и бесконечных прохожих, носящихся туда-сюда с коробками подарков.

Дэни сидела на кухне перед ноутбуком, доедала засохшие пончики с глазурью и разглядывала старые фотографии Филча и его группы в интернете.

Ричард в распахнутой белой рубашке, улыбается и проводит рукой по взъерошенным волосам.

Ричард с какой-то полуголой мадам в обнимку на балконе, на фоне заката.

Ричард в строгом костюме, полулежит на кожаном диване и задумчиво глядит мимо объектива.

Десятки фотографий на сайте группы и на страничке MySpace приводили Дэни к непонятное ей самой состояние, и она уже не знала, как реагировать на это увлечение. Она никогда не влюблялась, боялась мужчин и того, что вся власть так и не иначе в их руках. А что же теперь?

— Не влюбилась же я действительно?

Дэни посмотрела на монитор с очередным фото Ричарда Филча и закатила глаза.

— Только не в человека, которого больше не существует.

Из-за громкой музыки в наушниках она не сразу заметила, что мобильный подал сигнал. Девушка обнаружила два пропущенных вызова от своего подопечного. И вот, мобильный завибрировал в третий раз.

— Слушаю тебя, — произнесла она устало.

— Что, вот так? Без приветствий и поздравлений с Рождеством?

— Извини, Ричи-Рич, я не в настроении. У тебя что-то стряслось?

После долгой паузы он всё-таки ответил, пусть и заметно неохотно:

— Значит, в окно выглянуть тоже не захочешь.

Дэни вскочила с места, подбежала к окну и, одёрнув пыльную штору, увидела у крыльца такси и Ричарда, прислонившегося к двери со стороны пассажира.

Парень помахал свободной рукой и тихо произнёс:

— Если у тебя нет иных планов на этот вечер, и если ты сама пожелаешь, я предлагаю оставить все лишние разговоры позади и поехать со мной.

И тут же отключился, нажав на «сброс».

Девушка отвела мобильник от уха и устала на замёрзшие цветы на подоконнике.

Провести очередную рождественскую ночь одной, слушая, как потом нетрезвая мать возвращается с гулянки? Рвануть ли в Кеншим и молча глотать зависть, глядя на счастливую

сестру и её жениха?

Или сделать то, чего она так хочет и так боится?

Через две минуты Дэни была одета и собрана, только едва не забыла завёрнутый в подарочную плёнку CD-диск.

Рич улыбнулся, увидев, как она спускается к нему с крыльца, и даже открыл перед ней дверь такси.

— Ну, давай, олень. Вези меня в свою оленью страну, или как там...

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал Филч, усаживаясь рядом.

Затем просто назвал водителю адрес и за всю дорогу не произнёс больше ни слова.

Почему-то Дэни не была удивлена, когда они приехали к знакомому ей уже зданию: здесь находилась его расчудесная студийка, от масштабов которой у Дэни до сих пор кругом шла голова. Перед тем, как впустить девушку в квартиру, Рич попросил её закрыть глаза.

— Ты знаешь, что я тебе не доверяю? — спросила она саркастично, хватаясь руками за стены.

— А придётся. Больше тебе здесь никому довериться... Тише, тише, переступи порог. Вот так! Теперь можешь смотреть.

Пересилив себя и не показав ему в ответ язык, Дэни открыла глаза и... обомлела. Большую светлую гостиную было не узнать: повсюду красные ленты и праздничные украшения под стать; чулки над декоративным камином и, самое главное, рождественская ель рядом со входом на балкон.

Попутно скидывая куртку и джемпер в кресло, Дэни рассматривала комнату с раскрытым от удивления ртом.

— Ого! И опять: ого! Ричи-Рич, ты что, каталогов с рождественским декором пересмотрел?

— Тебе не нравится? — спросил он, явно настроившись на худшее.

— Нет, нет! В смысле, нравится, и даже очень, — поспешила заверить девушка и обернулась к нему. — Просто... так неожиданно. И это очень... классный дизайн. Я такое только в журналах видела, ну и в магазинах.

Филч улыбнулся, отчего у Дэни будто камень с души свалился. Не хватало качать права в его собственных апартаментах и быть чем-то недовольной.

— А кто здесь всё это устроил? Ты сам?

— Нет, я бы и ёлку украсить без ежеминутной отдышки не смог. Я нанял команду профессионалов. Они это сделали.

— О... Поняла.

Ричард медленно снял верхнюю одежду, и Дэни увидела его в белой рубашке, расстёгнутой на две верхние пуговицы, прямых брюках тёмно-серого цвета и до блеска начищенных, дорогих ботинках.

— Эм-м-м, я думала, мы просто посидим, — протянула девушка, смутившись. — Не знала, что надо по-особенному одеться.

Она вдруг поняла, что чересчур уж откровенно разглядывает парня, но, к её радости, он не подал вида, что заметил это.

— Я и не настаиваю, однако...

— Да? — Дэни с трудом посмотрела ему в глаза.

— Поднимись наверх, там тебя кое-что ждёт. Ты ведь помнишь, где моя спальня? Если решишь, что для тебя это слишком, я пойму и не обижусь.

С этими словами он указал ей на коридор, а сам спокойно направился в кухню. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Дэни волей-неволей вспоминала, ЧТО случилось в той спальне, и от подобных мыслей едва ли не сводило мышцы живота.

Комната была точно такой, какой Дэни её запомнила с «той самой ночи». На широкой, заправленной постели девушка обнаружила два пакета с логотипами «Marc&Andre» и две большие коробки с туфлями Valenciaga и платьем, судя по бирке, от «Marc Cain». Прикинув примерную цену всем этим подаркам, Дэни ужаснулась, села на постель и так просидела минут десять, глядя перед собой.

В конце концов, женские инстинкты взяли верх, она раскрыла поочерёдно каждый пакет и коробку, и теперь просто недоумённо смотрела на комплект чёрного белья с тонкими кружевами и фиолетовыми лентами... На ощупь — словно бархат...

Платье ей показалось слишком открытым: голая спина, плечи и короткий подол, да и высота каблучков у туфель не внушала доверие. Едва Дэни допустила мысль о том, чего может стоить ей весь этот маскарад, как вдруг у изголовья кровати она заметила конвертик, перевязанный лентой. На чуть шершавой бумаге каллиграфическим шрифтом было напечатано:

«Больше всего я боюсь, что ты решишь, будто я покупаю тебя.

Но это не так.

Я хочу, чтобы ты оставалась собой, но при том ощущала себя самой желанной девушкой на свете.

Не лишай же и меня такого удовольствия.

Р.Ф.»

Лёгкая улыбка тронула её губы, и Дэни отложила записку на прикроватную тумбочку. Поднялась, расстегнула молнию на джинсах и судорожно спустила их до щиколоток...

Ей хватило двадцати минут, чтобы привести себя в порядок. В любой другой день Дэни ни за что не признала бы, что выглядит, скажем так, неаппетитно. Но сегодня, во-первых, был праздник, во-вторых, только полная дура не воспользуется шансом надеть такое платье на целый вечер.

Как и все англичане, Дэни старалась соблюдать праздничные традиции по мере своих возможностей.

Волосы она наскоро уложила с помощью фена и только тогда заметила, что они стали достаточно длинными за целый месяц. Из косметики, которая прилагалась, видимо, ко всем остальным подаркам, Дэни воспользовалась только тушью и губной помадой. Поглядев на себя в зеркало ещё раз, она шумно вздохнула и, расправив плечи, надела туфли. Спуск по лестнице показался ей вечностью, то ли из-за волнения, то ли из-за её маленьких шагов. С каблучками Дэни никогда не дружила, как и большинство её приятельниц.

— Наконец-то! — Филч вышел к ней из гостиной и остановился внизу лестницы. — Я уж было подумал, что ты сбежала через окно или...

Он замолчал, когда увидел её. Чуть склонил голову вбок, пока внимательно разглядывал Дэни, затем, дождавшись, пока она спустится, держась одной рукой за перила, просто сказал:

— Я сражён.

Дэни дразняще показала ему язык.

— Да прям таки!

— Я подумал, что ты не захочешь няряться. Не забудь, я знаю про твою гордость.

— Плевать на гордость, — сказала Дэни и улыбнулась. — Если стоимость этих прелестей не вычитается из моей зарплаты.

— Мне нравятся... хм... эти прелести.

Дэни показалось, что он флиртовал, или по крайней мере, попытался. Его взгляд, прикованный к ней, во всяком случае, о многом говорил.

Ричард протянул руку и сжал горячими пальцами её запястье. Затем повёл через гостиную к праздничному столу, то и дело поглядывая, как бы она не свалилась с каблучков или подвернула лодыжку.

— Знаешь, мне кажется, что ты немного не угадал с размером, — заметила Дэни. — Вот тут и тут слишком обтягивает...

— Такой уж фасон, мисс Мартин. И там, и там тоже должно так обтягивать.

Она точно распознала в его голосе усмешку, но решила не заострять на этом внимание. Опустила глаза и посмотрела на чересчур глубокий вырез своего платья... Неожиданно закралась мысль о том, а кто кому всё-таки сделал подарок. Дэни хмыкнула и улыбнулась.

За барной стойкой находился небольшой квадратный стол, буквально ломившийся от различных блюд и напитков. Само собой, и про украшения Филч не забыл: тут и красные ленты, перевязывающие хвойные веточки и свечи, и декоративные шишки, и серебристые шары с рождественской ёлки.

— Это невероятно! Ты явно нанял профессионалов.

— О, да. Не так уж легко было найти свободный в канун Рождества персонал.

Пару минут Дэни разглядывала стол, пока Ричард возился с бутылкой белого вина.

— Нет, нет, погоди! — девушка накрыла ладонью хрустальный бокал. — Праздник праздником, но давай не забывать о твоём здоровье.

— Я благодарен за заботу, но для меня есть сок и тоник. А это для тебя. Я решил остановиться на белом вине, пропустим бренди в этот раз.

Он дерзко улыбнулся, и Дэни пришлось уступить. Мысль о том, что она единственная здесь будет пить вино, не показалась ей неправильной. С алкоголем она всегда знала меру.

— Предупреждаю, не пытайся меня спойть.

— Не буду. Надеюсь, ты голодная, потому что кто-то должен всё это съесть.

К её удивлению, Дэни поняла, что страшно хочет есть, так что первой была жареная утка с соусом и гарниром. Не обошлось и без отваренных овощей, рождественского пудинга и клюквенного желе. Все блюда выглядели аппетитно, и Дэни вдруг подумала, что в её семье такого шикарного стола никогда не было.

— Что случилось? — спросил Ричард, заметив, видимо, что его гостя загрузила. — Тебе что-то не понравилось?

— Не в этом дело. Всё прекрасно. Я просто вспомнила наши семейные посиделки. Такого изобилия на Рождество у нас не водилось.

— Вам с сестрой пришлось нелегко.

Дэни промолчала, сделала глоток вина и вздохнула. Она не ожидала подобных разговоров за праздничным столом. Филч в последнее время был особенно молчалив.

— Прости, не стоило затрагивать эту тему, — извинился Ричард; Дэни посмотрела на его сжатые кулаки.

— Всё в порядке, честно. Ты можешь спрашивать меня, о чём угодно.

Какое-то время он молчал, глядя на сидящую напротив него девушку, затем произнёс

очень тихо:

— Я знаю, как твой отчим обошёлся с Кендрой, но про её травму...

— Да?

— Как она потеряла ногу?

Возможно, выпитое вино уже дало свой эффект, потому что Дэни, пусть и лениво, но без всякого раздражения ответила:

— Он тогда снова напился, стал лезть ко мне с какими-то дурацкими претензиями. Кендра была дома и поспешила отвлечь его. Она не любила, когда он лез ко мне... В общем, она накричала на него и не рассчитала тона... Тогда он схватил с кухонного стола огромный нож для резки мяса и...

Она не договорила, заметив, как Филч напрягся и прижал ко рту сжатый кулак.

— Он был настолько пьян?

— Видимо. Я слышала только её крики и боялась выйти из комнаты... Когда копы повязали его и стали разбираться, он даже ничего не вспомнил.

— На её месте могла оказаться ты, — сказал он с таким отчаянием в голосе, что Дэни ощутила в горле тугой ком.

— Могла. Она меня спасла. Всегда спасала. Она вообще самая сильная и смелая из всех, кого я знаю.

Ричард вдруг взял свой бокал, очень пристально посмотрел Дэни в глаза и спокойно произнёс:

— За Кендру! За самую сильную женщину.

— За неё, — Дэни кротко улыбнулась и протянула к нему свой бокал.

— И за то, что она спасла тебя. Иначе, я бы никогда не встретил... самую удивительную и потрясающую девушку.

Произнесённые им слова вызвали в ней странные ощущения. По крайней мере, похолодевшие руки и дрожь в пальцах были не самым страшным знаком. Сбитое дыхание и тягучая, ноющая боль между ног напомнили ей о том, о чём вспоминать наедине с ним не хотелось.

— Хочешь ещё выпить?

Дэни кивнула, тогда Ричард встал, взяв бутылку вина, обошёл стол, и, пока наполнял бокал, стоя при том очень близко к ней, она могла ощутить тепло его тела и запах его парфюма. Закрыв на мгновение глаза, Дэни глубоко вздохнула. Кое-что снова происходило с ней, и это было крайне неудобно.

— Вот чёрт! Совсем забыл про подарок...

Когда он это произнёс, Дэни чуть не подавилась картофельным пюре.

— Что?! Ещё один подарок?

Но парень уже убежал, видимо, в свою спальню, потому что вернулся только через пять минут. Рич сел за стол, протянул небольшую коробочку, перевязаную белой лентой, и встретился с Дэни долгим, томным взглядом.

— Открывай, за упаковку не беспокойся.

Дэни знала, что со стороны её удивление кажется жутко забавным, словно она держала в руках бомбу или вроде того. В конце концов, лента и разноцветная бумага лежали на столе, и девушка очень медленно сняла крышку.

— Это... эм-м-м... часы?

Она просто не знала, что сказать. Да и стоило ли говорить. Пока Дэни разглядывала

часы, Ричард молча наблюдал за ней со своего места. Под позолоченными тонкими стрелками Дэни прочла логотип «Frdrigue Constant». Это были изящные женские часики с парой дюжин бриллиантов по кругу циферблата и серебристым браслетом из метала.

— Сексуальная вещица, не находишь? Совсем лёгкие, на запястье практически не чувствуются. Нержавеющая сталь, если упадут в воду — ничего не случится, — произнёс Филч так, словно инструкцию прочитал.

Он говорил так непринуждённо, будто подарил ей брелок или записную книжку. Но Дэни прекрасно знала, сколько стоит такая вещица. Приобретя возможность говорить, она сглотнула и, наконец, посмотрела на Ричарда, вернув часы в коробочку.

— Я... Это слишком дорого и шикарно... для меня. Прости, но я не могу их принять.

— Почему? — удивился он и тут же нахмурился. — И при чём здесь цена?

— Это дорогой подарок, я ни за что не смогу тебе отплатить.

— В том и дело — за подарок не платят. Не говори ерунду. Вот...

Он поднялся, подошёл к ней и, взяв часы, осторожно надел их Дэни на запястье. В ту же секунду ей стало наплевать на подарок, потому что его горячие пальцы коснулись её кожи. Девушка посмотрела на его левую руку, которая пострадала в пожаре больше, чем правая: на ней шрамы и ожоги выделялись стеклянистыми блестящими пятнами.

Она вдруг поняла, что никогда не испытывала отвращения к его ущербному телу, и, возможно, Кендра была права насчёт того, как его ожоги влияют на неё саму.

— Мне нравится подарок, — произнесла Дэни с трудом, ещё тяжелее ей далась слабая улыбка. — У меня для тебя тоже кое-что есть.

Её рюкзак остался на вешалке рядом с входной дверью. Дэни достала заранее приготовленный подарок, вернулась в гостиную; Ричард стоял возле ели, медленно водил ладонью по своей лысой макушке, и ждал.

— Так волосы быстрее не вырастут, — пошутила Дэни, и, к счастью для неё, Рич улыбнулся.

Без лишних слов она протянула ему подарок, и он так же молча разорвал упаковку. Увидев CD-диск болванку, он удивлённо посмотрел на Дэни.

— Там написано «шестидесятые», — пояснила девушка. — Я очень долго копалась в старых записях, какие только отыскались в интернете... Ну, в общем, вот...

— Стоп. Ты хочешь сказать, что сама его записала?

— Да. Не так уж это сложно, — она лениво махнула рукой, гордо вскинув голову. — «Скачать», «записать». Делов-то! Если хочешь, можешь послушать сейчас.

Ричард воодушевлённо кивнул, а Дэни показалось, что она ещё ни разу не видела его таким счастливым. Разве что тогда, на концерте, когда он был королём ночи и правил толпой. И сейчас его глаза загорелись неизвестным, живым огоньком, словно он нашёл сокровища. Дэни ощутила облегчение, что её скромный подарок ему понравился.

Филч вставил диск в видео-плеер от домашнего кинотеатра, и, когда заиграла музыка, Дэни взглянула на потолок: по углам были расположены колонки, которые она ранее не заметила.

— Твою ж мать... Твою ж мать! — повторял парень снова и снова, прислушиваясь к хриплому, мужскому голосу, прорывающемуся через потрескивающие звуки, характерные для старой записи.

— Это же... «Дым застилает глаза»[4]! А какого года запись?

— Не знаю, — Дэни пожала плечами и захихикала, довольная своей идеей. —

Вероятнее всего, это одна из первых записей. Может быть, промо. Даже исполнитель неизвестен.

Филч какое-то время просто слушал песню, стоя спиной к девушке, а, когда запись оборвалась, обернулся и томно произнёс:

— Спасибо, Дэни. Мне никто таких подарков не делал.

— С твоими часиками это не сравнить, — передразнила она его, повертев на запястье дорогой подарок.

— Мне всё равно, сколько стоил бы твой подарок. Я знал, что ты подойдёшь к нему со всей своей фантазией.

Когда заиграла следующая композиция, он встал перед Дэни и протянул руку. Видимо, угадал верный момент, пока она собиралась с мыслями: его голос, который ей так нравился, и эти глаза... Он снова отвлекал её, Дэни боялась, что её самоуверенность вот-вот испарится. Главное, она чувствовала, что так было бы лучше. Не от этого ли стало страшно? Вопрос о том, а что же дальше, всегда вводит людей в ступор.

— Потанцуй со мной.

Дэни посмотрела ему в глаза и отступила.

— Нет, Рич, я не могу... Я не умею. Ещё и на каблуках... Я опозорюсь.

— Перед кем? — парень усмехнулся. — Передо мной? Мисс Мартин, вы празднуете Рождество с самым непривлекательным рок-музыкантом Бристоля. А, возможно, и всей Англии вообще. Поверь мне, тут не перед кем позориться.

Затем снова потянулся к ней. Его пальцы настойчиво обхватили запястья её рук, Ричард притянул девушку к себе, пока пел прекрасный женский голос из динамиков.

Он медленно провёл ладонью по линии её плеча, не прекращая при этом пожирать Дэни взглядом. И вот, его руки уже на её талии, а сквозь ткань платья она ощущает тепло его кожи...

— Это «Теннесси Вальс»[5]? П-правильно? — спросила она и тут же поняла, насколько трудно стало вымолвить даже одно слово.

— Правильно. Как же ты собирала записи, если не помнишь их?

Дэни уже было всё равно, её познания в музыкальной индустрии двадцатого века не были настолько широки. Когда Ричард так смотрит, сосредоточиться очень трудно.

Раньше прикосновения мужчин пугали её, и, стоило ей только подумать о такой близости, как она вспоминала отчима и всё то, что он сотворил с Кендрой. Раньше Дэни и подумать не могла, что будет таять от одного лишь звука голоса, будто влюблённая дурочка. Она никогда не влюблялась. Она считала себя ущербной, а потом просто наплевала на это.

Сейчас он был ближе всех, никто и никогда так не волновал её, не заставлял сходить с ума. Сейчас Дэни хотела сойти с ума с этим мужчиной.

Музыка немного замедляется, движения Ричарда становятся совсем плавными; его руки осторожно гладят Дэни по спине. А когда его пальцы едва нажимают на чувствительную точку внизу поясницы, Дэни хочется застонать... Вместо этого, она прижимается к нему грудью, не в силах стойко держаться на ногах, и обнимает Ричарда за шею.

— Как твои дела? — спросил он хриплым голосом и почти улыбнулся.

— Необъяснимо.

Стало трудно дышать, поэтому Дэни просто закрыла глаза и прижалась щекой к твёрдой груди Филча. Как оказалось, он не был совершенно расслаблен. В голову девушки закрались сомнения о том, как долго он сам планирует держать дистанцию.

— Я знаю, что не должен всего этого делать. Но повернуть назад уже не могу. — В его голосе чувствовалось явное волнение. — Помнишь, как я сказал, что ты мне нравишься?

Дэни сумела поднять на него глаза; её пальцы сильнее сжали рубашку на его широкой спине. Девушка приоткрыла губы и едва выдохнула: «да».

— У меня чувства к тебе.

Под его пристальным, изучающим взглядом Дэни поняла, что сдалась. Сдалась и поборолла страх, возможно, ещё тогда, за кулисами, под омелой. А его слова сломали защитную стену, которую она столько лет упорно воздвигала вокруг себя.

Она взяла его лицо в свои ладони, осторожно, неуверенно, будто боялась причинить боль или задеть чувствительную кожу с ожогами. Под угасающий вальс она притянула Ричарда к себе и поцеловала его в уголок губ. Горячая кожа обожгла её, ощущения мимолётной эйфории проникли внутрь и сжали сердце, которое не билось уже несколько мгновений.

А потом его широкие ладони легли ей на ягодицы, пальцы крепко сжали её, и Дэни почувствовала, как кровь запульсировала в висках. Ричард раскрыл губы ей навстречу, углубил поцелуй и медленно просунул язык ей в рот. Дэни ответила с отчаянным стоном, вцепившись ему в плечи; животом она почувствовала то, что подсознательно желала почувствовать. Она тут же вспомнила каждый раз, когда видела его обнажённым, каждую водную процедуру, и даже когда подглядывала за Ричардом в доме его матери.

Он поцеловал её снова, затем вдруг отстранился, обнимая Дэни за талию, и хрипло произнёс:

— Кристина, наконец, подарила Эрику долгожданный поцелуй. Теперь он может умереть спокойно.

Дэни не сразу сообразила, о чём он там говорил; её сердце билось в бешеном ритме, мысли путались, а сама она дрожала в его руках.

— Ты любим таким, какой ты есть.

Это была одна из тех немногих цитат, которые Дэни запомнила из известного романа. Судя по тому, как Ричард улыбнулся, он эти слова знал тоже.

Какую власть она дала ему, сказав это? Что заставила подумать? И опять она упёрлась в ту же стену: что будет дальше?

*Bring Me The Horizon — Deathbeds

[4] Smoke Gets in Your Eyes — 1933-35-е года.

[5] Tennessee Waltz — 1950-е года.

Она выплюнула жвачку с приторно-сладким вкусом мандарина в мусорное ведро, выпрямилась и снова взглянула на себя в зеркало. Такого волнения Дэни припомнить не могла, и теперь просто понятия не имела, как его перебороть. Однако, она прекрасно знала, чего хотела. И она действительно хотела этого. Настроена была решительно, отступить не желала, хоть и не без страха перед чем-то неизвестным.

Ещё несколько минут в ванной, и Дэни вышла в тёмный коридор. Прошла мимо гостиной, где тоже было темно: свечи на праздничном столе не горели, огоньки на ёлке были выключены.

Пару часов назад они с Ричардом здесь танцевали, смеялись... Не стоит забывать и про поцелуй. Потом наступила рождественская ночь, и всё стихло: в комнатах, за окнами, везде и всё...

Дэни бросила последний взгляд на полоску света от фонаря с улицы, затем медленно поднялась вверх, держась за перила. Она уже не могла дождаться, чтобы сбросить эти туфли, в которых она ощущала себя на полметра выше. В спальне Филча раздался шорох; постояв минуту перед закрытой дверью и постучав, Дэни вошла в комнату.

Ричард был здесь: раздетый по пояс он сидел, сгорбившись, на своей широкой постели, где подушки и одеяло были смяты. Единственным источником света был тусклый ночник у изголовья кровати.

— Рич? Почему ты сидишь тут, в темноте?

Дэни хотела подойти ближе, но низкий голос заставил её остановиться.

— Нет! Не надо.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы ты меня видела таким.

Девушка хмыкнула и, присев рядом, настойчиво придвинулась к нему.

— Не говори ерунду, Ричи-Рич. Я видела тебя всяким. Твоё стеснение просто неуместно.

Парень что-то неразборчиво промычал и отвернулся так, чтобы Дэни не могла посмотреть ему в глаза. Когда она попыталась дотронуться до его подбородка, Ричард нервно дёрнулся.

— Я сказал, нет!

— Да что с тобой? — она не понимала, почему он был так груб. — Тебе плохо? Я могу помочь? Пожалуйста, не прогоняй меня.

— Заставить тебя уйти?! Нет, нет, нет...

Он резко поднялся, обернулся к девушке и строго посмотрел на неё, сидящую перед ним на краю постели, с высоты своего роста. Его губы были сжаты в тонкую линию, в глазах появился лихорадочный блеск.

— Дэни, я скажу это лишь раз, и не более. А потом ты сама решишь, уйти или остаться. В любом случае, я не стану тебя удерживать. Ты сводишь меня с ума... Во всех смыслах, понимаешь? С самого первого дня нашего знакомства... Но теперь это сумасшествие приобрело иную опору. Пойми я это сразу, возможно, сейчас было бы не так сложно.

— Рич, я не...

— Дай мне закончить, ладно? — раздражённо прорычал он и поморщился, как от острой боли. — Ты не похожа ни на одну девушку, с какими я когда-либо встречался! И ты единственная, кто остался со мной. Кто терпел мой отвратительный характер всё это время и... Ты мне нравишься. Очень сильно. Но я даже прикоснуться к тебе не могу! Нет, нет, я же знаю, кого ты представляешь на моём месте, и кого ты боишься. И если бы я только мог дать понять, что я не сделаю тебе больно, и никогда не обижу...

Её реакция была быстрой, неожиданной, и, когда Дэни его поцеловала, крепко обняв и прижавшись к горячему телу, он застыл, принимая поцелуй. Её губы всё ещё хранили вкус вина, и сейчас они казались ему слаще и мягче, чем когда он поцеловал её в гостиной.

Дэни прекрасно помнила, каково это — ощущать под пальцами его кожу, всегда горячую и чувствительную. Сейчас она тоже была осторожна, стараясь не задевать зажившие ожоги; просто целовала его, нежно касаясь губами его губ и подбородка, и наслаждалась теплом крепкого тела напротив своего.

Её рука медленно скользнула по его плечу, тёплая ладонь накрыла ключицу, и, услышав глубокий вздох, Дэни посмотрела на Ричарда и шёпотом произнесла:

— Сейчас только я могу сделать тебе больно. Не наоборот.

— Уверен, мне бы понравилось.

Она не поддержала его насмешливого тона, оставалась всё такой же сосредоточенной и серьёзной.

— Что бы ты ни задумала, ты не обязана...

— Ты сказал, что у тебя ко мне чувства, — голос её звучал строго, но он дрожал, что выдавало её волнение. — Так покажи мне... Научи меня, каково это...

Её сердце билось так быстро, как никогда раньше. Она предложила ему себя. Дала согласие на то, чтобы он владел ею. Она никогда не хотела, чтобы какой-нибудь мужчина взял над ней власть. А теперь она сама готова была от неё отказаться. И в то же время, ей ещё никогда не было так страшно. Её отчим мог бить, угрожать, кричать и делать попытки изнасиловать её, но Дэни слишком хорошо знала его, каждый его шаг, это стало подростковой привычкой.

Сейчас она понятия не имела, как может закончиться эта ночь.

Дэни тайно ждала, что Рич почувствует её страх, поймёт её и скажет об этом... Но этого не произошло.

— Я боюсь, что ты умрёшь от отвращения, — прошептал Ричард, скривив губы. — Но ты такая красивая...

И дальше всё случилось быстро, словно время подхватило и закружило их, отгородив эту комнату от остального мира, от снега и холода. А здесь было жарко, слишком жарко, чтобы спокойно дышать и не задыхаться.

Когда накапливается столько желаний сразу, и действие происходит так стремительно, контролировать их сложно, и сдерживать порой бывает невозможно. Это — туман, окутывающий разум. Это — неподчинение здравому смыслу, и полное отрицание всего, что так было важно и значимо до определённого момента.

Её руки похолодели, ладони стали влажными, и Дэни попыталась спрятать их за спиной, когда Рич положил руки ей на талию, настойчиво, но мягко. Его пальцы коснулись язычка молнии её платья, и потянули вниз, пока наряд не остался лежать на полу, вокруг ног девушки.

Глаза Ричарда были широко открыты, он выглядел так, будто действительно боялся

чего-то. Но именно этого он желал, несмотря на страх, и был готов это получить. Дэни вдруг поняла, что с ней происходило то же самое. Значит, смысла отступать просто не было.

— Мне нравится, что ты надела это, — Рич дотронулся до бретельки её бюстгалтера и через силу улыбнулся.

— Это твой подарок, — с трудом произнесла она. — Но, возможно, ты захочешь открыть ещё один.

Дэни шагнула вперёд, к нему, упёрлась ладонями в его грудь и тут же почувствовала, как бьётся его сердце под изувеченной кожей, тугими мышцами. Быстро-быстро. Едва ли медленнее, чем её собственное. Он хочет её, больше никаких сомнений.

Длинные, горячие пальцы слегка сжали её горло, и сухие губы прижались к ней, настойчиво и жадно, как жадно вторгся его язык в её рот. Снова быстро и дико. Дэни растерялась и напряглась, но уже не принадлежала себе. Поцелуй был долгим, влажным, соблазняющим; пальцы всё ещё лежали на её шее, и Дэни не могла повернуться, воспротивиться.

Она сжала его запястья и попыталась подстроиться под его ритм, но его язык безумствовал у неё во рту, и Дэни лишь раз успела сделать вдох, когда Рич отстранился, перед тем, как снова поцеловать.

Он резко отпустил её, и, сквозь пелену забытья, Дэни готова была поклясться, что заметила, как он улыбнулся. Тусклый свет ночника делал его кожу темнее, ожоги и шрамы чётко выделялись на его лице, на плечах и груди, и Дэни взглянула на него и закрыла глаза.

Ты — не мой отчим! Он был больным психопатом. Ты просто... ещё очень молод... Ты напугал меня, но я тебя не ненавижу.

Резкий толчок заставил её очнуться: Ричард подтолкнул её к кровати, и Дэни упала на неё, оперевшись на локти. Он склонился над ней, прижался торсом к её мягкому животу и с тихим стоном припал к её губам.

— Дэни, поцелуй меня...

Его голос был повсюду, хриплый и тихий, но такой властный, и девушка неуверенно ответила; раскрыла губы, сжав его лицо в своих ладонях, подалась вперёд и поцеловала его.

Мы всё ещё друзья?

Двигаясь вместе с ним, она и не сразу осознала, что он стал медленно стягивать с неё нижнее бельё. Освобождённая от лишней ткани, Дэни задрожала, когда Ричард выпрямился над ней, подняв её руки и сняв с неё бюстгалтер. Её глаза всё ещё хранили тревогу и тень страха, но она была готова на большее, была готова перетерпеть боль. Какая бы она ни была.

— Вот видишь, не так всё ужасно, — прошептал Рич между поцелуями, когда снова наклонился к ней и накрыл своим телом. — Мы оставим на тебе только туфли и эти милые часики, хорошо?

Дэни кивнула, смутно осознав, что его правая рука скользнула между их телами, и его пальцы погрузились в её влажность. Дэни резко выгнулась, отчаянно всхлипнув, и попыталась сжать бёдра, но голос Ричарда её отрезвил:

— Тише, малышка, тише. Я не сделаю тебе больно. Помнишь, как было тогда? Здесь же, в этой постели, ты и я... Я ласкал тебя точно так же.

— Да, помню.

— Теперь просто почувствуй это...

И она смогла, переосмыслив всё, к чему пыталась подготовиться; просто отпустила себя, ради него, и последней её трезвой мыслью было: что же со мной происходит?

— Не пытайся с этим бороться, иначе станет лишь хуже.

Кто произнёс эти слова? Прозвучали ли они только в её собственном сознании, или это был последний узнаваемый звук, раздавшийся в спальне? Дэни так часто задышала, что на мгновение ей показалось, будто воздуха больше не осталось. Ей стало очень жарко, кожа покрылась испариной, а пальцы, в которых она сжала ткань простыни, свело судорогой.

Какие бы демоны ни терзали его, чего бы он ни желал на самом деле, он был рядом, близко. Ближе, чем кто-либо, когда-либо. Он заслуживал любви больше, чем Дэни могла дать, и она это знала. Она знала, что не сможет ответить ему так, как он захочет... и всё же...

Его губы были настойчивыми, язык — горячим. И это были властные, жадные поцелуи, раз за разом Ричард учил её открываться ему, идти навстречу и не бояться.

Пошлый, мерзкий образ человека, сломавшего жизни её и Кендры, медленно исчезал за новыми, мучительно-сладкими ощущениями, с которыми она больше не могла сражаться.

С каждой минутой прикосновения становились резче, быстрее; горячее, громкое дыхание говорило Дэни о том, что он хочет её и пока сдерживается; Рич дал ей вздохнуть, переместившись ниже, осторожно сжал зубами кожу на её шее, затем поцеловал. И снова, и снова. Укус и поцелуй, и опять... Его пальцы тем временем ласкали её плоть, искусно и властно, так, словно Ричард уже знал каждый её чувствительный нерв, и любую точку, от прикосновений к которой Дэни сошла бы с ума.

Очень медленно он ввёл указательный палец в неё, и девушка вскрикнула, отчаянно дёрнувшись вверх и потянув в руках простынь. Сейчас она чувствовала его в себе, и это было иначе, чем в прошлый раз, когда всё казалось просто эротическим сном. Рич неглубоко ввёл два пальца в её лоно, выпрямился и, прижавшись губами к её уху, прошептал что-то о том, как она готова и открыта для него.

Дэни и сама это знала, ощущая влагу на своём лоне и его пальцы, медленно скользящие в ней. Казалось, вся кровь прилила к низу живота, мышцы напряглись, и наслаждение нашло её, прибывая, будто волны, ещё и ещё, пока это не заставило Дэни громко застонать, пока короткая судорога не свела её тело. Девушка инстинктивно обхватила Ричарда ногами, каблуки её туфель впились в его ягодицы, и он хрипло засмеялся, уткнувшись носом в её влажную уже шею.

Его пальцы мгновенно покинули её и тут же дотронулись до вершинок грудей, ставших чувствительными, затем пальцы заменили губы, и его влажный язык ласкал её, пока она не метнулась в сторону от резкой смены ощущений. Сильные руки удержали её на месте, Дэни выгнула спину, но её короткое сопротивление было подавлено, когда Ричард резко прижал её к поверхности кровати своими бёдрами. Ощувив его эрекцию сквозь ткань брюк, Дэни заставила себя заговорить, хотя это было сложно, пока он поочерёдно ласкал ртом каждый её сосок.

— Раздёнсья... пожалуйста, раздёнсья.

Не заставляя себя долго ждать, он тихо засмеялся, лизнул её правый сосок и отстранился. Дэни ждала увидеть, как он будет раздаваться перед ней, однако, Ричард просто выключил ночник, и в комнате стало совсем темно. Дэни могла лишь разглядеть его силуэт рядом с постелью.

— Зачем ты выключил свет? — спросила она с тревогой, которую он просто не мог не уловить.

— Не хочу, чтобы ты меня видела... Я уже говорил об этом.

Судя по шороху одежды в темноте, он снял брюки и бельё, затем разорвал пакетик с презервативом, и Дэни вся сжалась при мысли о его следующих действиях.

— Я хочу тебя видеть, слышишь? Пожалуйста, тебе вовсе не нужно меня стесняться.

Вместо ответа, он положил ладони на её колени, развёл её ноги шире и опустил на неё, тут же прижавшись влажными губами к её груди.

— Рич... пожалуйста, — простонала Дэни отчаянно, обняв его широкие плечи. — Включи свет! Я должна тебя видеть... знать, что это ты, потому что... а-а-ах!

Она снова вскрикнула, когда его пальцы коснулись её лона, медленно стимулируя и расширяя её для первого проникновения. Его сбитое дыхание было единственным, что Дэни слышала, сама же едва дышала, потому что почувствовала, как его твёрдый член скользит между её складок плоти. Дэни всхлипнула от мысли, что он слишком большой, и обязательно порвёт её. Но даже не успела испугаться или возразить, когда Ричард сделал первый толчок и вошёл в неё, но не сразу, не глубоко, позволяя ей таким образом привыкнуть к его размеру и успокоиться.

Осторожно двигая бёдрами и прижимаясь к Дэни всё сильнее, он поцеловал её во влажный висок и нежно прошептал:

— Вот так, так... Моя девочка, всё в порядке. Я здесь, слышишь? Это я, и никто другой.

Как странно было ощущать его плоть в себе, и как странно он сам реагировал на это. Рич всё ещё медлил, но его пальцы играли с её сосками, тёплые ладони то и дело накрывали груди, и Дэни понимала, что ему нужно двигаться, он должен был сделать это сейчас. Она призывно приподняла бёдра, пусть и испытывала дискомфорт, но именно это движение сподвигло его к продолжению. Их близость напомнила Дэни о том, что он гораздо опытнее и старше, а значит, она должна довериться и хоть немного расслабиться.

И он прогнулся в спине, сделав резкое движение бёдрами, застонал так громко и протяжно, мучительно и с наслаждением, и его стон перекрыл звуки её крика. Крика боли, разрывающей её изнутри, внезапно сковавшей всё её тело. Дэни замерла, широко распахнув глаза, и буквально вцепилась в спину мужчины, словно боялась упасть.

Она вся дрожала, даже не замечая этого, а чувствовала лишь боль, тянущую её куда-то в пропасть... И его твёрдая плоть в ней, его нарастающий ритм, под который она никак не могла подстроиться, потому что ещё держалась за страх.

Его глаза были закрыты, дыхание стало хриплым, Дэни даже показалось, что он выругался несколько раз, причём, весьма откровенно. Боль отступила так же постепенно, как и наслаждение, которое он подарил ей своими пальцами; девушка вытянула руки над головой и попыталась прогнуться, чтобы его проникновения стали глубже, чтобы ему было легче. Сейчас ей было наплевать на собственное состояние, ведь боли больше не было. Только приторное ощущение слияния и его движений в ней.

Когда он выпрямился на руках, приподняв бёдра и резко дёрнувшись, с губ девушки сорвался непроизвольный крик.

— Сейчас я остановлюсь, хорошо? — прозвучал его хриплый голос над её ухом.

Она не поняла, зачем и ради чего, но он замер над ней, и вдруг крепко ухватил её правой рукой под ягодицами и быстро передвинулся выше; теперь она оказалась на подушках, а её голова откинута назад. Когда Рич снова начал двигаться, это было иначе, и он полностью выходил из неё и опять врезался в её лона, и повторял каждое движение, тяжело дыша. Он наклонился и отыскал её мягкие губы в темноте. Целовал слишком долго, не в силах насытиться её вкусом, не останавливаясь при этом ни на секунду.

Сейчас его толчки ощущались острее, и Дэни вновь почувствовала, как сводит мышцы живота, как пустота заполняется сладостным предвкушением оргазма. Она застонала прямо в его губы, которые практически не покидали её, обвила его шею руками, ощущая под пальцами все его шрамы. Это напомнило ей о том, как он уязвим, напомнило ей о его собственной боли и перенесённых страданиях, муках. Что такое её боль в сравнении с его болью?

Она просунула левую руку между их соприкасающимися животами и дотронулась до его торса, легко, почти неощутимо. В то же мгновение Дэни услышала, как он всхлипнул, почти удивился, и этот отчаянный звук, сошедший с его губ, свидетельствовал о том, что он чувствовал. Рич выгнулся, издав глухой, долгий стон, и рванулся вперёд в последнем толчке, так резко и неожиданно, что невольно причинил Дэни боль, и её нарастающее наслаждение сошло на нет. Испарилось, исчезло, оставив её опустошённую, побеждённую.

Ричард долго не мог восстановить дыхание, поэтому просто лежал на ней, обняв и прижав к себе. Его горячее дыхание щекотало Дэни кожу на плече, девушка понемногу приходила в себя.

Вот и всё. Произошло, случилось. С этих пор она никогда не будет той, какой была раньше. Раньше, до него.

Иначе, я бы никогда не встретил... самую удивительную и потрясающую девушку.

— Ты что-то сказал? — спросила Дэни несколько минут спустя.

— Да... Как ты себя чувствуешь?

Обессиленная, не ощущая собственного тела, она ответила, глядя в темноту:

— Я вся мокрая, потная и грязная... Вот как я чувствую.

— Мне нравится, что ты потная и грязная! — Рич засмеялся и, приподнявшись, лёг на бок, не выпуская Дэни из объятий. — Я грязный тоже, между прочим.

Несколько секунд он молчал, целуя её щёки, нос и сомкнутые веки, затем вдруг виновато признался:

— Прости, что ты не кончила во второй раз. Я хотел, чтобы мы с тобой вместе... хм... Но так бывает, просто в следующий раз я буду более внимательным, обещаю. Тебе было очень больно?

Она хотела ответить, но вдруг вспомнила о его бесцеремонной выходке с ночником, и уже собиралась затронуть эту тему, когда Ричард вдруг отстранился, поднявшись с постели, и Дэни задрожала, оставшись одна, без его разгорячённого тела над своим.

— Ты не мог бы дать мне салфетку? — попросила она, угадывая, что он делал там, в другом углу комнаты.

Он быстро вернулся к ней и без лишних слов поднял на руки. Оказывается, он был уже одет в свои пижамные штаны и футболку. Дэни крепко обняла его за шею и положила голову ему на плечо.

В темноте он без труда нашёл дверь ванной комнаты, будто хорошо видел, ногой подцепил её и вошёл, держа девушку на руках, затем так же осторожно закрыл дверь за собой.

Кто-то настойчиво позвонил в дверной звонок, причём, настойчиво несколько раз, и Дэни пришлось выбежать из ванной в рубашке Ричарда, так и не почистив зубы. Кое-как пригладив рукой волосы, она застегнула рубашку на все пуговицы перед тем, как открыть дверь.

— Салим? — спросила девушка, увидев на пороге своего приятеля. — Ого! Обалдеть, ты как тут? Что ты... Блин, что мы стоим-то? Иди сюда!

Высокий худощавый парень дружелюбно заулыбался, сделал шаг в коридор и крепко обнял её, приподняв над полом.

— С Рождеством, Дэни!

— Спасибо, и тебя... Ох, Салим! — девушка посмотрела на него и хихикнула, уже совершенно забыв, что под рубашкой у неё ничего нет. — Сколько же мы не виделись? Месяца два, три?

— Около того.

Родители Салима были выходцами из западной Индии, и приехали в Англию много лет назад. Дэни знала парня с детства, они не раз вместе попадали в разные переделки, вместе же из них выбирались. И он был едва ли не единственным мальчишкой, с кем она чувствовала себя комфортно, в безопасности, даже когда они оба подросли.

Салим был единственным из всех её знакомых парней, кто не предлагал Дэни встречаться. Перейти, так сказать, на новый уровень отношений. Видимо, именно поэтому девушка обожала его, как лучшего друга, как старшего брата, которого у неё никогда не было.

— Вот это... да-а-а, — молодой человек присвистнул, оглядевшись и заглянув в гостиную. — Так Кендра не шутила? Это не рождественский розыгрыш?

— Так это она взболтнула, где я.

— Да. Я искал тебя дома, но твоя мать сказала, что ты, скорее всего, с сестрой. А потом Кендра сообщила мне этот адрес... Вау! Когда ты переехала в эти апартаменты?

Дэни пожала плечами и замаялась, переминаясь с ноги на ногу.

— Вообще-то, квартира не моя. Она принадлежит моему... другу.

Салим заговорчески улыбнулся, шутливо дёрнул девушку за рукав, а та только смущённо отстранилась.

— А-а-а, так вот, в чём всё дело! Слушай, я рад за тебя, честно.

Парень вдруг посерьёзnel, Дэни тоже перестала улыбаться и пристально посмотрела на друга детства.

— Жаль, что им стал не я. Ты же знаешь, я хотел.

— Знаю, но и меня ты знаешь, — она ласково погладила его по руке. — Со мной слишком трудно. Ты мне всегда был как брат. Прости.

— Брось! Если твой друг справляется пока, значит, всё в порядке. Но, Дэни, ты всегда можешь положиться на меня. Если он обидит тебя, если хоть даст повод...

Она кивнула и усмехнулась, когда Салим потрепал её по голове и поправил ворот рубашки Филча.

— Кстати, зачем же я пришёл, — он достал из кармана какую-то вещь с

прикреплённым к ней красным бантиком. — По части подарков я не эксперт...

— Как и я, — заметила Дэни.

— ... но это всё, на что у меня хватило фантазии. С Рождеством, Мартин.

Девушка открепила бантик и тут же узнала потёртый жетон из парка развлечений, где они с Салимом когда-то любили гулять. Этот самый жетон парень стащил, чтобы прокатить Дэни на аттракционах, и едва не попался.

— Боже мой! Ты его сохранил... Поверить не могу. С ним связано столько воспоминаний! Спасибо!

Она крепко обняла Салима, прижавшись горячей щекой к его ещё холодной после утреннего мороза коже, а выпрямившись, виновато сказала:

— Мне жутко стыдно, что я без подарка тебя оставила. Но при следующей встрече ты его обязательно получишь!

— Ну, раз тебя смущает только это, а не тонкая рубашка, в которой ты расхаживаешь, — он окинул её беглым взглядом и засмеялся, — то я абсолютно спокоен!

— Ха, не подкальвай! Прости, что не могу пригласить тебя на завтрак и вообще, раз квартира не моя. Моему другу вряд ли бы это понравилось...

— Ты чертовски права, милая!

Дэни обернулась на резкий и отчего-то злой голос Ричарда, который стремительно спускался по лестнице и направлялся к ним. Судя по нездоровому цвету кожи и хмурому выражению лица, он либо очень плохо спал, либо так сильно разозлился из-за раннего гостя.

— Рич, ты чего вскочил так...

Не успела девушка закончить мысль, как Филч подскочил к Салиму, заслонив собой Дэни, и, глядя парню в глаза, произнёс охрипшим голосом:

— Думаю, тебе лучше уйти.

Тот заметно растерялся, видимо, никак не ожидая увидеть перед собой «нечто» подобное. Салим с опаской перевёл взгляд на подругу, но Ричард снова и с большей настойчивостью сказал:

— Второй раз просить не буду. И дорогу сюда забудь.

Подобное хамство просто лишило Дэни дара речи. Она в недоумении смотрела, как Салим кивает, оставаясь абсолютно спокойным, затем просто разворачивается и уходит, бросая напоследок: «увидимся, Дэни».

Дверь за ним закрылась, Ричард обернулся к девушке, и его взгляд слегка смягчился. Её саму, однако, это ничуть не задобрило. Никто и никогда так не обращался с её друзьями, тем более с Салимом. На её районе за подобную хамскую речь Филча давно бы прибили.

Когда он протянул руку, намереваясь коснуться её лица, Дэни отступила и прошипела:

— Не трогай меня! Ты не с той ноги встал?!

— А какого хрена, скажи мне, ты выбежала к нему полуголая?

Девушка взглянула на себя и демонстративно пожалала плечами. Мол, слепой ты что ли? Сейчас ей казалось, что он действительно ослеп.

— Во-первых, я не голая! Во-вторых, Салим — мой лучший друг, он отлично меня знает, понятно? Ты бы не истерил так, если бы не прогнал его, а для начала спросил меня!

— Истеришь сейчас ты, — спокойно констатировал он, как факт, глядя то на её босые ноги, то в глаза. — Как ты любезно заметила, эта квартира — моя. Я его сюда не приглашал. И потом, я не собираюсь терпеть и ждать, пока он наглядится на тебя вдоволь.

— Ты бредишь.

Филч театрально закатил глаза и сбросил с головы капюшон своей ветровки. Сейчас он выглядел иначе, подумала Дэни вдруг. Совсем не так, как несколько часов назад. А его грубый тон по отношению к Салиму она ничем оправдать не могла: ни его внешностью, ни ранними часами рождественского утра.

— Что? Не такой я красавчик, как прошлой ночью? — рявкнул он, заметив, как пристально она разглядывает его. — Вот поэтому я хотел заниматься любовью в темноте. Чтобы ты как можно меньше видела это!

Он указал на своё лицо и криво усмехнулся. Дэни просто не могла поверить в то, что слышала.

— Я видела тебя и раньше, — прошептала она, ощущая ком в горле.

— Но ты больше не моя сиделка, Дэни. Так что ситуация совсем другая. И твой приятель...

Девушка отчаянно застонала, и уже было намеревалась развернуться и уйти, но Филч схватил её за руку и потянул к себе.

— Нет уж, дослушай. Не веди себя, как ребёнок! Нельзя расхаживать, в чём мать родила, перед левыми парнями, Дэни. А тем более обниматься с ними, виснуть у них на шее и обсуждать, какой я твой «друг». Друг, значит? После того, что произошло ночью?

— Это ты ведёшь себя, как ребёнок, Филч! — закричала она ему в лицо, пытаясь вырваться из его хватки. — Я знала, что ты не изменишься! Такой же эгоист, аж тошно!

— Собственник, и не отрицаю.

— Да похрен! Салим — мой друг, как старший брат, ясно? Никто, слышишь, никто не смеет так с ним разговаривать! Ох, если бы я действительно хотела, я бы тебе всыпала.

Выражение его лица стало вдруг тоскливым, надменность куда-то испарилась, и он, наконец, отпустил её. Брезгливо взглянув на него, перед тем как уйти, Дэни покачала головой.

— И куда ты идёшь?

— Курить. Отстань от меня.

Она взяла из своего рюкзака пачку сигарет и зажигалку и поспешила наверх, так ни разу не обернувшись.

Записи в дневнике Ричарда Филча

26 декабря, 2010

Что-то происходит с ней, и я не знаю, что конкретно. Я старался, клянусь. Сначала старался не обращать внимания на то, как она влияет на меня, как она крутит мной. Но в моём сердце оказалось больше похоти, чем я ожидал. Я столкнулся с этой привязанностью, и теперь боюсь отпускать.

Мысли как раз для моего психотерапевта. Надо будет прихватить дневник с собой на сеанс, когда-нибудь.

Чудесный рождественский вечер завершился ночью, которую я никогда не забуду. Чёрт возьми, я это чувствую! Всё было прекрасно, несмотря на то, как я старался сдерживаться и медлить ради неё. С Энни всегда было иначе, это бесспорно.

Но мне было очень хорошо, слишком хорошо, чтобы это игнорировать. И, как бы там Дэни ни отрицала, ей стоит признать, что это была не самая жуткая ночь в её жизни. Довести её до оргазма, до края и прямо к наслаждению, зная, как ей страшно — именно этого я добивался. Я заставил её мне открыться и забыть про свои фобии.

Единственное, что беспокоило меня — её реакция на темноту. Как же она не понимает, что ещё слишком рано для меня мириться с тем, как я выгляжу? Если я не в силах перебороть отвращение к самому себе, почему она не поддерживает меня?

Её слова о том, что ей наплевать на моё изувеченное тело, меня ничуть не успокаивают. Наивная, такая боль сразу не проходит.

С Энни мы никогда не занимались сексом где-то, кроме постели. Мне бы стоило раньше обратить на это внимание, но я был слишком занят, меня будто всё устраивало. За несколько часов с Дэни я понял, сколько был лишён. Она позволила коснуться её в ванной, куда я отнёс её потом. Она позволила позаботиться о ней, доверилась мне, и мы снова занимались любовью.

Я видел, как она кончает, как кричит в этот момент... Я ничего прекраснее в жизни не видел. И разве после такого она может злиться? Это поразительно!

Да, я прогнал парня, потому что он припёрся утром и увидел мою девушку в рубашке, ещё и посмел коснуться её! Посмел намекать на то, что она может прибежать к нему, если я её обижу! Дерзкий, мать его, мудака!

Будь то ревность или нечто иное, наплевать! Дэни должна научиться расставлять приоритеты. Пока она не научится, ничего действительно не изменится.

27 декабря, 2010

Это были сумасшедшие три часа. Всего лишь три часа, но кажется, будто прошла вечность.

Теперь я знаю, что она меня любит, пусть и молчит. Но это пока!

И я хочу её, я не собираюсь отпускать её. Со временем, мы справимся со всеми трудностями, и она признается мне.

С балкона второго этажа Дэни видела пустую заснеженную улицу. Ни одного прохожего за семь минут. Было даже слишком тихо, и тишина эта давила, не позволяла успокоиться. И мысли, словно прочные нити, сплетались в один большой клубок — сосредоточение всего, о чём девушка думать не хотела.

Минус две сигареты и восемь минут на холоде. Дэни поёжилась и вернулась в комнату, где было жарко и пахло апельсинами. Ричарда она нигде не увидела, видимо, он верно воспринял её просьбу «отстать». Девушка наскоро прибралась: поправила постель, кое-какую одежду сложила в шкаф. В ванной комнате протёрла зеркало и убрала полотенца в корзину для грязного белья.

Её руки сами всё делали, мысленно же она почти не понимала: что, зачем, ради чего... Эта пустота внутри, которую она сама для себя открыла, липкая, как смола, заставляла Дэни жалеть обо всём, что она сказала Ричарду. В какой-то мере, она тоже была неправа. Но то была слабая, уже угасающая тень её совести, укоризненно кричащей о том, что она ведёт себя глупо.

Вот, что происходит, когда ты остаёшься наедине с самим собой, тебе совестно, и бесполезно как-то сопротивляться!

Неожиданно она поймала себя на мысли, что без него она не знает, как себя занять. Уже скучает? С ума можно сойти. Нагрубил Салиму, наплёл что-то про её детские замашки, а она уже готова расстать? Дэни покачала головой, села на край кровати и попыталась сосредоточиться на том, что на самом деле было важно.

Не получилось.

Самокопание, в конце концов, ей надоело, и она отправилась на кухню, решив, что парочка кусков пирога с вишней её отвлекут. Но не успела она толком прибрать со стола, как тёплые руки сжали её талию, и Дэни почувствовала, как Ричард прижался к ней сзади. Сквозь ткань рубашки она ощутила его голую грудь и невольно выгнула спину навстречу его прикосновениям.

Длинные пальцы ловко пробрались под одежду и нежно сжали её грудь. Дэни застонала, упираясь руками в край стола; хотела что-то сказать, даже возразить, но не успела. Рич быстро поцеловал её в волосы, пока его ладони скользнули ниже и легли на её мягкий живот. Что-то тихо прошептав, он стал стягивать с неё трусики, не прекращая целовать её шею, настойчиво и горячо.

— Так я — всего лишь друг? Друг... значит... друг... — он делал короткие паузы между обжигающими поцелуями, и его голос звучал глухо и тихо.

Дэни судорожно стряхнула с щиколоток трусики, глубоко вздохнула и снова начала извиваться, желая как можно скорее ощутить его пальцы в себе. Она поняла вдруг, что он нарочно медлил, наверное, стремясь её таким образом наказать.

Мысль о том, что он манипулирует её состоянием и страстью мелькнула молнией в голове и исчезла сразу, когда Ричард резко развернул девушку лицом к себе и впился губами в её рот, пока она отчаянно пыталась как-то перебороть дрожь в руках и прижаться к нему сильнее. Поцелуи не были нежными, их порождали ярость и голод, неожиданные и затуманивающие разум.

Как-то он ухитрился остановиться и, сделав глубокий вдох, отпустил её, но лишь для того, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке, которую сейчас носила Дэни, а затем уже спустил свои пижамные штаны. А она наблюдала за ним, задержав дыхание и ощущая только бешено бьющееся в груди сердце.

Дэни больше не могла ждать, и инстинкты, которые раньше спали, и которые пробудить было почти невозможно, вдруг взяли верх: девушка прижала ладони к его обнажённому торсу, к неровной стеклянистой коже, покрытой шрамами, и казалось, что она их просто не видит. На мгновение она отвлеклась и взглянула на Ричарда: его лицо было влажным, и сам он лишь сильнее напрягся, стоило ей едва прикоснуться к его шрамам. Он страдал? Если да, то была это боль или страсть?

Последовал жаркий, короткий поцелуй, после которого Дэни сама потянулась к Ричарду, но он оказался быстрее: прижал её к себе, крепко ухватив под ягодицами, и поднял над полом. Когда он отнёс девушку в гостиную и поставил рядом с диваном, она поняла, что он хочет сделать это именно здесь. Шторы всё ещё были задёрнуты, так что свет с улицы в помещение почти не проникал.

Она посмотрела на Ричарда и сняла, наконец, рубашку, бросив её куда-то в сторону. Его взгляд был таким пристальным, почти строгим, и она ощущала себя настоящей женщиной, раздеваясь перед ним. В её скромном понимании подобная сцена была слишком интимной. Несколько мгновений Рич ещё наблюдал за ней, затем подошёл вплотную и властно поцеловал. Дальше действовал уже резче, ни о чём не задумываясь. Толкнул Дэни на диван, не давая ей опомниться, опустился между её разведённых ног и прижался горячим ртом к её груди.

— Ты вкусно пахнешь... очень вкусно, Дэни.

От его жаркого шёпота и ощущения дыхания, касающегося её кожи, она теряла голову, и стало ещё труднее не потеряться в этой близости. Рич настойчиво ласкал её, затем, выпрямившись, поцеловал в губы, и, когда она застонала, он поймал её стоны ртом.

Его взгляд был прикован к её лицу, покрытому испариной, а её веки были прикрыты, поэтому она почти не видела его, зато ощущала каждое его движение.

— Когда я увидел вас вместе... там, перед дверью... почувствовал такую ревность, словно ты уже сотню лет принадлежала мне, — произнёс он, будто задыхаясь. — Дэни, будь моей. Я позабочусь о тебе, я дам тебе всё, чего захочешь!

Его руки с силой сжали Дэни, он прижался бёдрами к ней, сдавил её груди и, уткнувшись лицом в её шею, в ту же секунду вошёл в неё, отчего она отчаянно вскрикнула, словно он намеренно ранил её. Но боль продлилась не более, чем секунду; тогда девушка осознала, что это такое — принадлежать мужчине. Он попросил её быть с ним, выбрал мгновение наивысшего наслаждения, когда они оба находились на краю сознания. Его просьба оставила сладкий, приторный след в её мыслях перед тем, как она почувствовала, что разделяет с Ричардом его момент экстаза, и на её глазах появились слёзы.

Потому что никто ещё не был так близок с ней. Потому что никто не видел её такой: доверчивой и слабой. Никто не дарил ей подобные ощущения, она и близко не подводила себя к такому. В этой близости она почувствовала его любовь. Но не знала, когда сможет ответить ему со всей искренностью. Да и сможет ли. Единственное, в чём она была уверена точно: она этого не достойна.

И когда его глаза — две прозрачные бездны, прикованные к ней — распахнулись в момент экстаза, а горячее тело, прижавшееся к ней, напряглось, натянулось, как струна, и

резко расслабилось, Дэни показалось, что она сама умирает, ведь такого огромного физического наслаждения она прежде не испытывала.

Когда проснулась, обнаружила себя всё на том же диване, укрытой одеялом из спальни. Ричард, уже полностью одетый, сидел напротив, подвинув поближе кресло; он склонился над гитарой, которую Дэни увидела впервые, и что-то тихо напевал. Заметив, что она проснулась и села прямо, парень улыбнулся и перестал перебирать гитарные струны.

— Прости, что утомил тебя, — сказал он нежно, а у Дэни и вовсе сжалось сердце. — Ты очень быстро уснула. Знаешь, наблюдать за тобой, спящей, весьма продуктивно.

Он криво улыбнулся и набрал несколько аккордов — незнакомая Дэни до этого момента мелодия. Он придумал это сейчас? От мысли, что она вдруг стала его музой, Дэни ничуть не обрадовалась. Наоборот, стало только тяжелее и горестнее.

Рич отложил гитару, подошёл и сел рядом с девушкой, поцеловав её обнажённое плечо. Он говорил, прерываясь только, чтобы коснуться губами её шеи или волос:

— Если я сделал тебе больно, прости меня.

— Я в порядке...

Боже! Как же он близко, как влияет на неё! Заставляет её тело пылать, а мысли — путаться, так она не может сосредоточиться. Наверное, это неправильно. Совсем неправильно...

— Ты голодна? — выговорил он хрипло. — Знаешь, кто-то должен доесть тот рождественский ужин. У нас там ещё много чего осталось.

— Только если ты мне поможешь, — ответила Дэни, с трудом улыбнувшись.

— Договорились.

Ещё один поцелуй, долгий и влажный, теперь в губы. А его длинные тёплые пальцы умело ласкали её кожу. Будто бережно настраивали музыкальный инструмент, стремясь заставить его издать прекрасные звуки. И по законам жанра девушка должна бы расстать и, расслабившись, со всей страстью ответить на поцелуй.

Дэни так не могла. Подняла руку, чтобы коснуться его лица, но тут же её опустила. А Рич никогда не узнает, как тяжело ей было не ответить.

Потом они пили чай и доедали слегка зачерствевший пирог. Вот так, просто и по-домашнему, только вдвоём, без лишних фраз и пристальных взглядов. Дэни вспомнила, что Ричард так и не извинился за Салима. А его внезапный порыв на кухне она расценила, как отвлекающий манёвр.

Неужели так будет продолжаться всегда? Он будет выходить из себя, ревновать её к друзьям, а потом просто тащить в постель? С Энни он тоже так поступал? Вот уж с кем подобное срабатывало, наверное.

Свой завтрак Дэни доедала уже совершенно расстроеной.

... и так прошли часы, и день, и целая ночь. Долгие минуты, когда она с тоской понимала, что делит свой воздух, свой покой и саму жизнь с другим человеком. А он будто не замечал, насколько всё изменилось вокруг. Для Дэни даже запахи стали другими, вот как перевернулся её мир!

Ричард был рядом, всё время рядом: она видела его изуродованное лицо напротив, когда лежала с ним в постели; следила за ним, каждым его движением — резковатым и немного зажатым — и понимала, что находиться так близко и впитывать его присутствие для неё становится всё тяжелее. И ей не нравилось это. Ей не нравилось быть такой холодной к

переменам и к Ричарду тоже.

Девушка лежала на боку, лицом к двери спальни, а Рич обнимал её, прижимаясь сзади и нежно целуя обнажённое плечо. С первого этажа доносилась мелодия «Mr. Sandman»: тихая, но слышимая песня, а Ричард ленивым шёпотом повторял слова:

— ... дай мне увидеть сон, где она будет самой милой из всех, кого я видел...

Его голос казался Дэни холодным текучим металлом, прикосновение к которому откликалось вибрацией всего тела, а пульс и вовсе замедлялся.

— Хочешь, я увезу тебя? — спросил он неожиданно, и девушка вздрогнула и легла на спину, чтобы посмотреть ему в лицо. — Куда-нибудь на запад, где тепло, где мы останемся наедине. Только ты и я.

И его очередной поцелуй должен был по сути отогнать страх, так внезапно сковавший Дэни, но этого не случилось. Она вдруг вспомнила детство, когда отчим сходил с ума от алкоголя, запирал сестёр в кладовке и стучал кулаками по двери, пугая их. Странные ассоциации, однако, девушка тут же нашла им объяснение: внезапно пойманная в ловушку этих отношений, она боялась быть запертой и ограниченной в них.

— Мы уедем после того, как я разберусь с группой... Мы оставим всё, а затем...

— Нет! — перебила она его, резко вскочив с постели. — Нет, стой! Я так не могу... Просто не могу. Я даже не знаю, хочу ли этого.

— Что ж, хорошо. Можем остаться здесь на какое-то время.

Он медленно поднялся и сел, разглядывая Дэни, одетую в его футболку серого цвета с эмблемой «Heartless». Парень потянулся к ней, желая коснуться её руки, но Дэни отступила к двери и строго произнесла:

— Я говорила о другом. Это всё... так быстро происходит. Ты, я, это Рождество, подарки, которые стоят кучу денег, и из-за этого я чувствую себя дешёвкой...

— Что за чушь, Дэни?

Но она лишь вскинула руку, останавливая его, и продолжила говорить, глядя ему в глаза. Это было трудно, следить за тем, как меняется выражение его лица: становится суровее, мрачнее.

— Мы совсем недавно встретились. Я никогда не была так близка с парнями, поэтому понятия не имею, как себя вести. И отчим здесь ни при чём. Рич, ты должен меня понять... Я не та, кто строит серьёзные отношения. Я вообще не гожусь для этого...

О, лучше бы она не видела, как он отреагирует! Филч закатил глаза, сжал голову руками и согнулся, бормоча что-то, а девушка смотрела на него и чувствовала, как горло сжимает тугой ком. Меньше всего она хотела плакать сейчас. Нет, никаких слёз, только не перед мужчиной, который и так подавляет её волю.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! — повторяла она снова и снова, и даже подошла к нему, положив руки ему на плечи. — Выслушай меня! Всё это не связано с твоей внешностью, но я всегда была одна, никто не управлял моей жизнью уже долгое время... Ричард, ты разочаруешься во мне, я не смогу... Я не сделаю тебя счастливым!

— Да плевать я хотел на свою чёртову внешность! — воскликнул он с отчаянием.

Его кожа стала невероятно горячей, лицо покраснелось, а глаза налились кровью. Он схватил Дэни за запястья, сжал их и потянул её на себя. Их лица теперь разделяли несколько дюймов.

— Всё, чего я хотел эти недели — чтобы ты открылась мне! Помнишь о своём холодном сердце? Я запомнил, я хотел его растопить. Разве мне не удалось? А как же эти три дня? А?

Только не говори, что я ещё и к близости тебя принудил.

— Секс здесь ни при чём, — сказала она, пытаясь утереть слёзы, но Филч всё ещё крепко держал её руки своими. — Ты не можешь заставить меня чувствовать то, что я не могу... Ты ведёшь себя так, словно мы уже пара!

— Ты и есть моя девушка, — произнёс Рич, смягчившись. — Ты стала ею там, под омельой, когда я тебя поцеловал.

Видимо, он решил, что самое время было повторить поцелуй, но Дэни успела вырваться. Она брезгливо поморщилась и выругалась, повысив голос:

— Снова ты за своё! Никто ничего тебе не должен, Филч! Никто не обязан сидеть с тобой в Рождественскую ночь. Никто не обязан быть твоей новой девушкой. Никто и не соглашался!

— Я пропущу твой выпад мимо ушей, Дэни, и сделаю вид, что ты просто в плохом настроении...

— Не говори со мной, как с ребёнком! Может быть, я вовсе не хотела быть с тобой? Может быть, я хотела просто потрахаться!

Она словно ударила его, настолько поразительной была его реакция: Рич побледнел, поднялся и весь напрягся, а затем произнёс с ледяной вежливостью:

— Вот значит, какая хитрая маленькая леди попалась. Использовала несчастного калеку, а он и понятия не имел.

Глядя ему в глаза, Дэни понимала, что частичка её, та, которая не боится, кричит и молит всё это прекратить. Возможно, та самая маленькая толика надежды на то, что всё будет хорошо, что Дэни сумеет справиться и признаться самой себе и ему... в чём же?

— Я же говорила, что сделаю тебе больно... — прошептала она, едва сдерживая слёзы. — Ты лучше меня, во всём лучше. К тому же я ещё большая эгоистка, чем ты, Рич. А двум эгоистам никогда не ужиться...

— Дэни, ты моя...

Если он прикоснётся ко мне, я закричу, подумала она до того, как его пальцы легли на её щёку. Но его рука застыла в на месте, потому что с первого этажа донёлся глухой шум, будто кто-то уже открывал входную дверь.

Сурово сверкнув глазами, Ричард быстро вышел из комнаты, оставив Дэни одну. Она слышала, как он тяжело спускается по лестнице в гостиную. А через несколько секунд она поняла, что всё действительно пропало, потому что Филч громко выругался и удивлённо воскликнул:

— Мама?! Какого чёрта ты здесь делаешь?

Это было странное, иллюзорное ощущение провала и конца чего-то масштабного, чего-то, что началось спонтанно и продолжалось недолго, зато оставило неизгладимое впечатление в ней. Дэни поняла, что хочет сбежать, уже когда мисс Филч заговорила.

— Я приехала, как только закончила все дела. В конце концов, я торопилась вернуться в Бристоль, к тебе...

— Вот как? — пробубнил Ричард раздражённо. — Когда я просил тебя остаться, ты была весьма категорична.

— Ты сам знаешь, что моя работа требует долгих поездок. Так было и раньше. Не будь брюзгой, — её голос прозвучал глухо, и Дэни показалось, что она была оскорблена.

Пару минут мать и сын ещё перебрасывались взаимными фразами, полными неприязни и обиды, пока Дэни стояла на лестнице, в тени; она видела только спину Ричарда и никак не решалась спуститься и посмотреть в глаза его матери.

Вот тогда-то и случилось неизбежное. Возможно, совпадение, не больше. Но кто-то верит в судьбу, а кому-то достаточно подобных случайностей, приводящих к естественному заключению.

— Я бы хотела, чтобы ты собрался, мы поедem... — а потом мисс Филч запнулась посреди фразы, и Дэни в отчаянии сжала губу между зубов. — Подожди-ка. Я знаю этот рюкзак... Ричард, ты не один?

— Нет.

Судя по голосу, парень убеждал скорее не мать, а самого себя. Будто бы сам предчувствовал, как вот-вот ускользнёт от него реальность, которая и так уже дала трещину.

Дэни медленно спустилась, глядя притом на удивлённую женщину, но уверенной себя всё равно не чувствовала, ни капли. А лицо той побелело буквально на глазах. Мисс Филч тут же выпрямилась, упрямо и сдержанно оглядела девушку с ног до головы, и лишь потом посмотрела на сына:

— Не знала, что у тебя были проблемы. Ты мог бы позвонить мне.

— В каком смысле, проблемы?

— Тебе было плохо? Нужны были лекарства? Зачем ты вызвал её?

— Мама... она здесь не в качестве сиделки, ясно?

Но даже настойчивый, почти грубый тон его голоса женщину не остановил. Она подошла к Дэни, в очередной раз смерив её презрительным взглядом, и фальшиво улыбнулась.

— Кажется, я дала тебе отгул на время каникул. Или последних денег тебе не хватило?

— Мама!

— Я знаю, что вы подумали, — поспешила оправдаться Дэни, стараясь говорить как можно мягче. — Но мне не нужны никакие деньги, клянусь вам! Ричард позвал меня на рождественский ужин, и всё случилось быстро... я просто...

— И ужин затянулся, видимо. Я была о тебе лучшего мнения, — жёстко произнесла женщина и повернулась к сыну, чьё лицо уже покраснелось то ли от стыда, то ли от духоты. — А ты... Не устоял, да? Ты всегда только одним местом думал. Совсем, как отец!

— Мама, чёрт возьми, сейчас же замолчи. Не заставляй меня говорить вещи, о которых

ты пожалеешь!

— Ты хоть знаешь, кто она? Что-нибудь о её семье? Ты знаешь, что они имели дела с полицией чаще, чем любой в этом городе? Господи, Ричард! А как же Энни?

— Я всё знаю о семье Дэни, и, да, с Энни покончено! — процедил Рич сквозь зубы.

— Ради этого? Боже мой, я нанимала её не для твоих забав! О чём ты думал? И как вообще собирался планировать будущее?

Парень глядел на неё исподлобья, и взгляд его был жёстким, мрачным.

— Какое будущее с таким лицом, мама?

И снова разговоры, споры, и опять ругань да споры. Дэни стала для них невидимкой с застывшим выражением лица, просто маской безразличия: она никогда не думала, что мелочи кажущиеся незначительными, могут приобрести важность. Раньше ей было наплевать на то, что люди говорили о ней, её семье. Раньше всё было проще: улица, ночные прогулки с приятелями, незатейливая работа, и свобода, свобода...

И вот, она стоит посреди гостиной квартиры, в которой она не должна находиться, с людьми, с которыми никогда не должна была встречаться, тратит время, которое когда-то принадлежало только ей одной.

Мисс Филч говорила обидные вещи, жестокие вещи, в каком-то смысле, бывшие правдой. А Дэни даже возражать не хотелось. Хотелось только одного — бежать! Бежать быстрее назад, повернуть время вспять, где была только серость знакомых улиц, одни и те же лица каждый день. Когда не было страшно, когда она знала, что ничего не изменится, и до конца своих дней она будет в безопасности. Сама по себе, без призрачной надежды на любовь или семью.

Дэни посмотрела на Ричарда, и её сердце забилось чаще. Словно предупреждая с главной причине разлома её вселенной, её мирка, где было так сладко и уютно.

«И зачем я вообще полезла искать объявления? Зачем я вообще согласилась? Пожалуйста, не смотри на меня так... Пожалуйста, не заставляй меня сомневаться в том, кто я такая! Не смотри так, словно я на самом деле твоя, и так будет всегда... Насколько ты сильный, настолько я слабая, потому что этот страх мне никогда не прогнать. Не смотри так, нет...»

— Я всё ещё здесь, — прервала Дэни их разговор.

Она встала перед женщиной, посмотрела ей прямо в глаза и произнесла твёрдо и уверенно:

— Знаете, я бы прожила сотни таких жизней, как моя, но никогда бы я не хотела быть похожей на вас. Никогда.

Затем она развернулась и быстро взобралась по лестнице наверх. Рич догнал её у двери в спальню, схватив за руку и заставив посмотреть ему в лицо.

Лицо со шрамами, которые не имели уже никакого значения. Как и грусть в его прозрачных глазах.

— Я поговорю с ней, поговорю, — повторял он отчаянно, глядя её руки. — Прости её. Прости меня!

— Замолчи...

Она освободилась от его рук, проклиная свою память, ибо помнила, какими горячими могут быть его пальцы, и его руки — сильные, нежные — как они обнимали её!

— Тебе страшно, я знаю, — упрямо сказал он, — но если ты дашь мне шанс, я всё исправлю. Подожди здесь.

Он ушёл, а Дэни закрылась в комнате, зная, что если услышит ещё хоть слово от его матери, то сбежит отсюда. Её трясло и бросало в жар, а мысли были заняты столькими вещами, что голова раскалывалась от давящей боли.

Но она сидела и ждала, когда всё это закончится, и придёт тот самый долгожданный покой, скучный и привычный настолько, что он казался ей вроде наркотика, губительно влияющего только на окружающих её людей.

Дэни заходила по комнате, судорожно растирая ладонями плечи, будто ощущала холод. Это было странно, и тем более страшно; она боялась возвращения Ричарда и того разговора, который должен был вот-вот продолжиться.

Её взгляд случайно упал на заваленный одеждой стул рядом с постелью. Дэни попыталась вытянуть свой свитер, но в итоге повалила всю кучу на пол, а вместе с ней и чёрную сумку Рича, которую он, видимо, привёз с собой. Из раскрывшегося кармана выпала тонкая тетрадь и маленькая коробочка, предназначенная для ювелирных украшений.

Опустившись на колени, девушка дрожащими пальцами пролистала тетрадь, поняв, наконец, что это был дневник, а главное, чей именно.

«В этой сраной комнате так мало света! Я ощущаю себя, как в могиле, но мать не хочет ничего знать: меньше яркого света, больше работающего кондиционера, и так далее».

«Моя почта пуста.

Или для всех я — сгоревший труп? Вы забыли меня?!»

«Моим единственным другом теперь навсегда останется боль? Больше не будет толпы, кричащей моё имя, моей музыки на дисках... не будет Энни и её нежных объятий по ночам. И я в который раз спрашиваю себя: за что?»

Дэни прижала ладонь ко рту, раз за разом прочитывая написанные кривым почерком строчки. Как много боли и отчаяния, слишком много!

«Ничего не меняется, только боль притупляется под действием антибиотиков, и снова, и снова я чувствую себя живым мертвецом. Зачем так жить?»

«И вот с той минуты всё и началось... Мне кажется, что это «всё» стало для меня отправной точкой. Мы сидели в моей комнате, она — на правой половине койки, я — на левой, и несколько часов только и говорили, что о музыке».

«И я хочу её, я не собираюсь отпускать её. Со временем, мы справимся со всеми трудностями, и она признается мне».

Девушка отложила дневник, несколько минут просто стояла на коленях и глядела в одну точку, не в силах пошевелиться, затем взяла коробочку, выпавшую из сумки, и открыла.

И почему она сразу не подумала о том, что это был футляр для кольца? Но так оно и было: простенькое, но элегантное кольцо находилось здесь. Ричард носил его с собой всё это время. Зачем? Что он собирался с ним делать? А Дэни вдруг поняла, поняла всё и испугалась этого. В голове не укладывалось, как быстро развивались события, и как быстро она оказалась втянута в них!

«Дэни, будь моей. Я позабочусь о тебе, я дам тебе всё, чего захочешь!»

Вот, что он имел в виду! В эту же секунду ей показалось, что она начинает задыхаться, кто-то забирал у неё силы и воздух, какая-то иная мощь, которая так действовала на неё: сводила с ума.

Девушка так и оставила вещи на полу — тетрадь и кольцо — поднялась и поспешила одеться. Из-за дрожи во всём теле, из-за рук и пальцев, которые будто не слушались её, Дэни казалось, что она собирает целую вечность. И уже как в тумане она спустилась по

лестнице, бросив мимолётный взгляд в сторону гостиной, где Рич разговаривал с матерью, схватила рюкзак и куртку и выбежала за дверь.

Лестничная площадка, пара пролётов — и она уже на улице. В лицо ей ударил холодный ветер, даря спасительную свежесть, но не спокойствие, нет. До него было ещё слишком далеко, или это она была близка к тому, чтобы остаться... И правда: будто в подтверждение этой мысли она вдруг остановилась напротив соседнего подъезда, подумав, а что если... А если? Если она вернётся, то насовсем. Если останется, то обретёт эту ненавистную зависимость, человеческий порок, который она не может терпеть. Если она вернётся, то придётся, словно клещами, вырывать из себя любовь. Хотя она даже не знает, что это за чувство такое, и как его распознать.

Она боится, что любовь уничтожит её, как сделала это её семья. И этот страх не исчезнет.

Дэни двинулась в сторону автобусной остановки, но прошла всего несколько футов, когда услышала знакомый, хриплый голос, зовущий её по имени. Обернулась и увидела Ричарда, стоявшего на крыльце дома. Слишком далеко, чтобы разглядеть его лицо, оно расплывалось из-за расстояния. То ли слёзы мешали Дэни смотреть, то ли его шрамы вдруг разгладились, и лицо это превратилось в маску, непроницаемую и неясную?

Маска, как у Призрака Оперы. Снаружи существует злой, жестокий гений, а под ней, под маской — только боль и отчаянное желание быть любимым...

А что она? Дэни свою собственную маску имеет и, что хуже всего, снять её не может. Не хочет.

Краешком рукава она смахнула слёзы и увидела, как Рич стал спускаться с крыльца. Но она лишь покачала головой, и он увидел этот жест протеста, этот отказ от того, что он собирался ей предложить... и застыл на месте.

Дэни повернулась и зашагала к остановке. А он снова позвал её. И ещё раз, в последний раз, и его голос сорвался до хрипа. А после затих, как эхо, только мёртвое.

Через минуту вдруг пошёл мокрый снег, и ветер усилился. И без того пустые, серые улицы стали ещё более унылыми, чем обычно. Дэни дождалась нужного автобуса, заплатила и уселась в самом конце, где было меньше пассажиров.

Почему-то долгожданного освобождения она не почувствовала. Да и почему же невидимый груз на сердце никак не пропадает? До сих пор давит и сжимает его.

Дэни только сейчас заметила, что подаренные Ричардом часы до сих пор на её левом запястье. Правда вот, стрелки отчего-то не двигаются.

Два месяца спустя

— Дэни! Выходи давай! Я не собираюсь ждать тебя здесь целый день.

Звонкий голос сестры заставил девушку очнуться от забытия, эдакого ступора, в который она впала прямо здесь, в примерочной кабинке независимого магазина одежды, перед зеркалом. Нехотя поправив короткий рукав-колокольчик, Дэни вздохнула и вышла в просторный, хорошо освещённый зал салона, где, обложившись многочисленными сумками с покупками, сидела Кендра.

— О, Бог мой! Милая, ты просто... Просто великолепно выглядишь!

Пока Кендра на пару с консультантом салона крутилась вокруг неё и восхваляла платье нежного, персикового цвета, Дэни улыбалась и кивала головой. Всё, на что она была способна последнее время — это неискренне улыбаться и бросать нелепые, неважные фразы по мере надобности. Даже факт того, что всего через несколько дней её сестра выйдет замуж, Дэни не приободрял.

Она старалась, действительно старалась быть не такой угрюмой и печальной при Кендре. Всё остальное время проводила одна. Больше никаких прогулок по ночному Бристолу, никаких встреч с приятелями. Она чувствовала, что всё так же зависима и вовсе не свободна.

Первые несколько дней действительно были спокойными, даже мелочи вроде привычек, что она приобрела за период общения с Ричардом Филчем, ничуть её не задевали. Но время шло, настроение портилось, мысли то и дело возвращались к нему, к тому, что она оставила. Постепенно это превращалось в хандру, тяжёлую форму меланхолии и неспособность думать о чём-либо, кроме него...

Она прекрасно понимала, что так существовать нельзя: невозможно существовать в цветущем обществе одной. Всё это, в конце концов, давит и сводит с ума. И вот именно тогда Дэни начала задумываться — а не поторопилась ли она? Не променяла ли клетку золотую на ту, что уже давно заржавела и развалилась?

Может быть, она просто стала взрослой, наконец...

Кендра усадила сестру рядом с собой, нежно обнимая за плечи и молча разглядывая её грустное лицо. За стёклами витрин барабанил по крышам машин дождь, особенно шумный в этот день.

— Дэни, солнышко, посмотри на меня, — просила девушку сестра, но та только кусала губы. — Поверь мне, я знаю, каково это. Порой расставание — это не просто дело пары минут. А уж если ты что-то чувствовала к нему... Мне правда очень жаль. Но вот, что я хочу сказать: если ты ощущаешь вину за какие-то слова или поступки, и ты не имеешь возможности просто это отпустить — эта вина... это сожаление ещё долго тебя не покинет.

— И что же мне делать?

Кендра посмотрела на неё очень внимательно, затем беззаботно улыбнулась и нежно сжала в руке пальцы младшей сестры.

— Для тебя любовь была чем-то сверхъестественным, неподконтрольным действием. Наверно, поэтому ты испугалась ответственности. Но, Дэни, любовь — это не только постоянная зависимость от другого или ответственность. Это ещё и радость, и счастье от

того, что ты видишь его, слышишь, касаешься и понимаешь, что это взаимно. Ну разве это не весомые аргументы?

Дэни пожалала плечами, но, немного подумав, вдруг поняла, что раньше никогда о таком не задумывалась. Скорее всего, просто боялась. Она вспомнила, как они с Филчем проводили время вместе, смотрели фильмы или ели её любимый десерт...

— А я ведь позволила ему разглядеть себя, — сказала она и посмотрела, наконец, сестре в глаза: осознанно и облегчённо. — В смысле, он знает мои самые тёмные страхи, видел мою самую тёмную сторону... А если я тоже любила его, уже тогда? Если я просто этого не поняла? Кендра, почему я позволила себе так с ним обращаться?

Старшая Мартин крепко обняла сестру, не боясь помять её новое платье подружки невесты, и стала шептать ей слова утешения.

— А когда ты будешь готова, мы вместе навестим твоего Ричарда, и вы поговорите, идёт?

Дэни улыбнулась и поспешила ударить по рукам, пока слёзы ещё не навернулись на глаза. И, как и раньше, Кендра умела её утешить, обращая ситуацию так, что она разрешалась самым элементарным способом.

Сёстры разобрались с покупками, и Дэни даже дала уговорить себя на платье, в котором она была похожа на выпускницу дорогого колледжа. Приближался день свадьбы Кендры Мартин, и теперь Дэни ждала его с нетерпением, потому что после, когда утихнут страсти, она позвонит Филчу и попросит у него прощения за свой эгоизм и грубость.

Она докажет ему, что её сердце оттаяло и, если потребуется, принесёт его, как жертву, на ступени стеклянного храма, олицетворяющего её гордыню.

Церемония была скромная, проходила она в закрытом зале, утопающем в свечах и красных розах повсюду; арендованное помещение являлось частью большого особняка у озера на Хартелифф Вэй. Вечером планировался фейерверк, танцы и фотосессия молодожёнов и гостей на фоне развалин, до сих пор покрытых снегом.

Бессовестно весёлые подружки Кендры подшучивали над Дэни, делая ставки, в какой именно момент маленькая сестрёнка невесты пустит слезу. Но та только только отмахивалась от подвыпивших девиц. На душе у неё было беспокойно, и дело вовсе не в Кендре и её будущем муже. Было в этом вечере что-то другое, Дэни никак не могла понять причину своего нервного поведения. Ей странным образом хотелось, чтобы этот день поскорее закончился, и, возможно, именно утро подарило бы ей долгожданное спокойствие.

Кендра была прекрасна в своём прямом свадебном платье, в белых кружевах накидки и туфлях на низком каблуке. И никто бы из чужих людей не догадался о её протезе: жених умело поддерживал любимую под руку, а, проходя между рядов с гостями, взглянул на Дэни и подмигнул ей. Тогда девушка ответила ему искренней улыбкой. Мол, всё понимаю, но ты и дальше береги её!

Их клятвы друг другу были до слёз трогательными, но Дэни только улыбалась, теребя от волнения юбку. Отныне её сестра официально замужем, Кендра получила то, что заслужила за все свои страдания и муки в юности — любовь, поддержку и крепкое мужское плечо рядом.

И вдруг Дэни вспомнила, что отключила свой мобильный на весь день, дабы никто её не беспокоил. И именно сейчас что-то подсказало ей включить его; незаметно она достала телефон, а, дождавшись, пока он заработает, обнаружила не меньше пяти пропущенных

звонков с двух неизвестных номеров и шесть эсэмэс от них же.

Чувствуя неминуемую беду, она стала читать сообщения, дрожащими пальцами нажимая на кнопки.

«Дэни! Ну где же ты?! Сколько можно молчать???»

«Это Сэм! Прошу тебя, перезвони! Ричарду так хреново, его увозят в больницу!»

«Дэни? Дэни? Позвони! Он зовёт тебя! Не знаю, что у вас произошло, но сделай над собой усилие и позвони...»

Слёзы уже обжигали глаза, а грудь сдавило, будто, тисками, и она перестала слышать музыку, сопровождавшую поцелуй жениха и невесты.

«Не будь сучкой, я же знаю, ты не такая! Позвони мне или Джимми».

«Дэни!!! Где ты там?»

«Они везут его в местный госпиталь! Чёрт подери, он же звал именно тебя!»

Трясаясь от ужаса прочитанного, она громко всхлипнула, так что кто-то из гостей обратил на неё внимание. Но она уже ничего не замечала. Дэни вскочила, сжимая в руке мобильный, и помчалась по коридору, между рядами гостей. Лишь краем уха она уловила, как мелодия скрипки достигла своего прекрасного крещендо...

... в этот момент Дэни толкнула массивные двери зала, совершенно не ощущая их тяжести, и выбежала наружу, в холодный, февральский вечер. Кендра, её муж и все немногочисленные гости с недоумением смотрели ей вслед, возмущённо перешёптываясь.

Сначала десять минут бегом до ближайшей остановки, по рыхлому снегу, смешанному с грязью, затем сорок долгих минут до города на горомыхающем автобусе. Девушка почти не чувствовала холода, отогревалась в полупустом салоне, растирая плечи руками и всё время поглядывая в окно. Местность менялась быстро, но Дэни этого было недостаточно. Она беззвучно плакала, от волнения ли, или из-за страха за жизнь Ричарда.

Перечитав уже десяток раз сообщения от Сэма, она успела надумать столько ужасных вещей, столько горестных исходов случившегося, что её уязвлённое сознание было не в состоянии с этим справиться.

На этот раз Сэм не отвечал ни на её звонки, ни на эсэмэс. Ей пришлось самостоятельно размышлять о том, куда могли бы увезти Филча, и она знала ближайшую к его дому больницу. Туда-то она и направлялась.

«Чёрт подери, он же звал именно тебя!»

Эти слова сводили её с ума и заставляли ненавидеть себя всё сильнее с каждой секундой! Неужели он так и не забыл? Как он мог, в такой тяжёлый для него момент, звать именно её? Она-то считала все эти недели, что он возненавидел её, окончательно и бесповоротно!

А этот его взгляд... его последний взгляд, обращённый к ней, когда она уходила... О, если бы Дэни могла, она бы жизнь отдала за то, чтобы он никогда больше так не страдал.

«Боже, пожалуйста! Пожалуйста, помоги ему! Я сделаю, что захочешь, только не забирай его у меня...»

Она поняла, что давно так отчаянно и искренне не молилась, но теперь это казалось ей естественным. К тому же, ей больше не нужно было врать Ричарду о своих чувствах; стоит ему посмотреть на неё, один единственный раз — и она скажет ему то, что он так отчаянно хотел услышать два месяца назад, потому что...

В этот момент из радиоприёмника водителя до неё донеслось знакомое имя. Дэни

прислушалась к женскому голосу, подавшись вперёд:

«... и по информации от инсайдера музыкант находится в критическом, но стабильном состоянии. Напоминаем, что лидера бристольской группы «Heartless», Ричарда Филча несколько минут назад доставили в больницу. Сейчас с ним находятся родственники и коллеги...»

Всю дорогу до самой больницы Дэни молилась, чтобы для Ричарда всё обошлось. Она не испугалась ни многочисленных машин у служебного входа, ни людей с фотоаппаратами, дежуривших тут же. Кто бы мог подумать, но несчастье, произошедшее с местной знаменитостью, не осталось незамеченным. И Дэни пришлось едва ли не пробивать себе дорогу к служебному входу: секьюрити не пропустили бы её, если бы она не попала на глаза Сэму.

Он стоял за стеклянными дверьми, разговаривая с сотрудником полиции, и выглядел очень озабоченно. Заметив Дэни, он подал знак здоровяку из охраны, и тот пропустил её внутрь.

— Точно знаю, что у него был обморок, но его мать не называет настоящей причины! — объяснял парень, пока они вместе шли по коридору. — Видимо, ей просто совестно, потому что в последнее время она вообще никого не пускала к нему, так что вся ответственность за состояние Рича лежит на ней. Книголюб.нет

— Прости, что не отвечала... У моей сестры была свадьба.

Сэм отмахнулся, и Дэни прикусила язык. Они поговорят после того, как Ричарду станет лучше.

У закрытой двери одной из палат стояли доктор и мать Филча. По первому впечатлению она выглядела довольно жалко, что, в общем-то, и не удивительно. Ещё не дойдя до палаты, Дэни смогла расслышать обрывок их разговора:

— Поверьте мне, сердечный приступ у юношей не всегда кончается смертельным исходом. Но главная опасность была в том, что вы вовремя не обратили внимание на его боль.

— В последнее время он не жаловался... а просто терпел! Я не знала...

— Скорее всего, боль и головокружение стали последствием его депрессии, отказа от пищи и просто желания проводить время вне дома...

Дэни уже готова была подскочить к бывшей нанимательнице да хорошенько отчитать её за всё, что она допустила в отношении сына. Девушка едва сдерживала эмоции, злость и обида клокотали в ней, однако, благоразумие взяло верх.

Но не успела она предстать перед мисс Филч, как откуда-то из-за спины доктора к несчастной матери подошло то самое «божественное видение», с которым Дэни «посчастливилось» познакомиться зимой. Видение то звали Энни. Прекрасное, правда, с чуть расстрёпанными локонами волос, видение это обнимало женщину и внимательно слушало доктора.

И вдруг Дэни остановилась, будто ударилась о невидимую стену, и так и не смогла больше сделать и шагу. Она смотрела на бывшую любовь Ричарда и ощущала стыд куда острее, чем раньше.

Энни повела мисс Филч в палату, и, когда дверь за ними закрылась, Дэни осторожно подошла к зашторенному стеклу, за которым на широкой койке лежал Ричард. Его мать стояла спиной к Дэни, а вот Энни держала парня за руку, наклонившись вперёд, и длинные волосы скрывали её милое лицо.

Несколько минут Дэни стояла так, прижав ладонь к стеклу, затем медленно развернулась и вздохнула с невыносимой печалью.

— Я не знал, что она придёт, — сказал Сэм, но почему-то именно сейчас эти слова показались ей бессмысленными.

— Ты просто не позволяй ему сдаваться, — ответила Дэни.

Она не нашла в себе силы даже на тень улыбки, так что её уход оставил двойственное впечатление. Сэм ничего не мог сделать. Он смотрел на неё, пока её фигурка не скрылась за поворотом коридора: мешковатая синяя куртка, из под которой виднелось забрызганное грязью светлое платье.

Она и не думала, что после стольких недель снова посетит психотерапевта. Она, наверное, и не пришла бы на сеанс, если бы не парочка вопросов, которые не давали ей покоя. Ещё и беременная сестра стала настаивать на том, чтобы увидеться с Джоном Маршаллом. Кендра и её пузо были уже как две персоны, а не просто одна беременная, упрямая женщина; её действительно было сложно переубедить или переспорить. Дэни не раз замечала, с каким отчаянным видом её муж уступает супруге в той или иной ситуации.

Чтобы пресечь непрекращающиеся разговоры на деликатные темы, Дэни согласилась вернуться в Бристоль. Пока они ехали по знакомым узким улочкам, мимо любимых кафе и домов, где жили очередные их приятели или подруги, девушка вспоминала всё самое лучшее, что пережила здесь. Было и веселье, и пьяные прогулки до утра, и оставленные её рукой граффити под автомагистралью, и много чего ещё...

Где-то здесь был единственный человек, который до сих пор не покидал её мыслей. Всё плохое забывалось, всё самое лучшее — навсегда останется в памяти, а он?

В знакомом кабинете психотерапевта пахло лимоном и чистотой. Маршалл смотрел на свою постоянную клиентку и думал о том, что она хорошо выглядит, что она заметно изменилась: она больше не стриглась коротко, её густые волосы были собраны в высокий хвостик; она стала пользоваться косметикой, совсем немного подкрашивала ресницы и губы; одевалась теперь не в вышедшие из моды старые толстовки, джинсы с дырками и потёртые ботинки. Сегодня на ней была длинная голубая рубашка с тонким пояском из чёрной кожи, узкие брюки и чёрные босоножки.

Держалась Дэни прямо, говорила открыто и уверенно, так что у такого профессионала, как мистер Маршалл, в голове сразу выстроилась единственная возможная теория. К тому же, он был уверен, что этот сеанс станет последним для этой девушки.

— И что же ты планируешь делать дальше? — спросил он уже в самом конце, отложив блокнот в сторону.

— Ну, моя сестра беременна, я приглядываю за ней и за тем ужасным мопсом, которого они с мужем приобрели, якобы для меня, — ответила Дэни и искренне улыбнулась. — Я в поисках, но пока подрабатываю в одном учреждении, специализирующемся на воспитании детей-инвалидов.

— И что ты об этом думаешь?

— О, это очень ответственное дело. Зато благодарная работа — лучше любых денег, — она вдруг замолчала, и какое-то время просто разглядывала свои руки, сложенные на коленях. — Знаете, как долго мне пришлось убеждать себя в том, что всё хорошо? Что я счастлива лишь потому, что рядом были близкие мне люди, которые поддерживали меня. Так долго я убеждала себя, что мне ничего не нужно. Никто не нужен... Но потом вдруг кто-то показал мне, как хорошо бывает, как здорово, когда ты не одна, когда ты просто открываешь глаза и видишь то, чего не видела раньше.

Её голос звучал уже не так уверенно, и в какой-то момент Маршалл узнал маленькую Дэни, которая никому не доверяла и боялась открыться. Но когда сидящая перед ним девушка подняла глаза, он увидел в её взгляде только решимость и уверенное желание жить.

— Мне кажется, что это было прозрение, — предположил Джон и сам же

утвердительно кивнул. — Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Ты ещё ничего не потеряла, Дэни. Поверь мне, у тебя всё впереди.

— Боюсь, что потеряла. Я не настолько хороша.

Она улыбнулась, но это была печальная, неискренняя улыбка, и Маршалл вспомнил о солисте из местной рок-группы. Вроде как тот попал в больницу полгода назад, потом и газеты писали, и новости передавали, что он поправился и тут же исчез. Никто так и не выяснил, куда он подевался. Ходили слухи, что молодой человек уехал, чтобы лечиться подальше от городской суеты.

— Скажи мне честно, что беспокоит тебя больше всего? Что вы не вместе? Что ты оттолкнула его и пожалела?

— Что я заставила его думать, будто он мне безразличен.

Дэни поднялась, взяла свою сумку и протянула психотерапевту руку.

— Спасибо, что выслушали. Стало легче.

— У каждого есть ещё один шанс, — сказал Маршалл, осторожно пожимая её пальцы. — Кто знает... Возможно, ты свой ещё получишь, а?

Его слова явно заставили Дэни оттаять; её щёки слегка зарумянились, но больше она ничего не сказала, только неопределённо пожала плечами. Поверила она или нет, можно будет понять лишь со временем. И всё-таки, судя по всему, в душе она сумела примириться с самой собой.

Джон уловил лёгкий запах сигарет, когда девушка ушла. Нет, подумал он с улыбкой, кое-кто никогда не меняется.

Первый раз она услышала его голос одним июльским утром, как раз по дороге в живописную деревушку на берегу Эйвон, куда поехала вместе с сестрой и её мужем. Дэни настаивала, что ей не нужен отдых на природе, но Кендра была непреклонна.

И вот, сидя позади и разглядывая красоты местной резервации, Дэни вдруг прислушалась к голосу, доносящемуся из радиоприёмника.

— Не переключай! — попросила она сестру. — Оставь!

Это была малоизвестная, местная станция, где крутили в основном кантри и непопулярный поп-рок. После очередной песни заговорили двое, и одного из них Дэни узнала. Это был он, Ричард Филч.

И последующие несколько минут в машине звучало лишь радио. Кендра с беспокойством поглядывала в зеркало заднего вида на свою взволнованную сестру.

Диджей:... а через пару дней нас посетит американская группа «Dishwalla». Ребята обещают радостные новости и отличную новую музыку. А пока я хочу поприветствовать одного из самых талантливых молодых английских музыкантов, который пришёл ко мне сегодня, несмотря на запреты врачей. Привет Ричард, как дела?

Гость: Привет, Окли. Довольно неплохо, а у тебя?

Диджей: Отлично! Ты слышал о ребятах из «Dishwalla»?

Гость: Да, конечно, но не думаю, что это взаимно.

Диджей: [смеётся] Не говори гоп, друг. Ну, они ещё в пути, а ты уже здесь. Расскажи мне и слушателям, что же произошло с тобой за последний год.

Гость: [долгий вздох] Я даже не знаю, с чего начать...

Диджей: Не торопись, Ричард. Мы тебя выслушаем.

Гость: Ну... Я доволен жизнью, Окли. Да, год назад случился пожар в офисе моей

бывшей группы, и я с трудом тогда выбрался. Было больно. Было тяжело. Но я здесь. [смеётся] Никогда бы не подумал, что буду вспоминать об этом с такой лёгкостью.

Диджей: Ты молодец, что не унываешь. Извини, если я спрошу что-то личное, но это правда, что пожар произошёл из-за девушки?

Гость: [кашляет в кулак] В каком-то смысле, правда. Я бы не хотел затрагивать эту тему.

Диджей: Ты прав, ты прав! Забыли!.. Итак, Ричард, поклонники услышали тебя впервые за много месяцев, теперь они знают, где ты и что ты в порядке. Расскажи им о своих планах... Кстати, ты неплохо выглядишь.

Гость: [тихо смеётся] Спасибо, да, были две операции. Теперь я почти не похож на сморщенный сухофрукт.

Диджей: [смеётся] О Боже, брось!

Гость: Нет, нет, я в полном порядке. На самом деле, я в порядке. Я хотел бы сказать спасибо своим друзьям из группы «Heartless», которые поддержали меня и согласились оставить соавтором. Я обязательно напишу для них ещё парочку хитов.

Диджей: М-м-м, думаю, это именно то, чего так ждали твои поклонники.

Гость: Надеюсь. И спасибо всем моим поклонникам, чьи сообщения доходили до меня... Я был невероятно тронут... Спасибо моей матери, что нашла для меня этот замечательный, уединённый уголок вдали от Бристоля.

Диджей: Рад, что тебе тут нравится! Здесь почти не водятся дикие звери.

Гость: Я видел медведя вчера вечером из окна своего дома, так что не ври!

Диджей: [смеётся] Ладно, ладно!.. Ну, так что же теперь, Ричард? Есть планы? Расскажи нам.

Гость: Планы, планы... [долгая пауза] Я просто рад, что жив. Рад быть тут, в этой резервации, где я могу спокойно писать музыку. Я счастлив осознавать, что я изменился. Вокруг меня больше нет рамок, а значит, что я не ограничен ничем. Я благодарен за то, что во мне разглядели меня самого, когда было слишком поздно. Я был... сломлен. Но мне дали понять, что даже несовместимые красота и ярость могут создать нечто прекрасное... Меня разбудили яркой вспышкой, вернули к жизни. Теперь я снова счастлив.

Эфир был окончен, и машина как раз остановилась напротив симпатичного мотеля. Кендра повернулась к сестре, взяла её за руку и спросила:

— Милая, как ты?

— Ничего, ничего, — ответила девушка; она выглядела расстроенной, но спокойной. — Это точно был он. Точно.

— Да, я знаю. Дэни, если он где-то здесь, то...

— Стоп! Дай мне время подумать, — резко бросила она и как можно скорее вышла из машины.

Но времени, как оказалось, оставалось мало, потому что уже через несколько часов, когда Дэни вышла покурить на плохоосвещённую стоянку напротив мотеля, она снова услышала эфир той же станции по радио из чьего-то чужого автомобиля.

Диджей:... ну, после такой музыки тебе будет тяжело не признаться нам, приятель. Давай, не таи. Кто является твоей музой? У любого поэта есть муза.

Гость: Раньше моей музой была моя бывшая невеста... Но раньше я всегда переоценивал свою музыку!

Диджей: [смеётся] Как самокритично! И всё-таки, кто та таинственная дама, о которой ты тоскуешь?

Гость: Не стану отвечать на этот вопрос. Лучше давай послушаем хорошую музыку.

Диджей: Ох, этот парень делает за меня всю работу! Что ж, друзья мои, желание гостя

— закон...

Джип медленно притормозил у поворота направо; здесь была протоптана узкая дорожка, она вела на северо-восток, через широкое, жёлтое поле. Дэни боялась выйти, и всё сидела на месте и смотрела на тропинку, удаляющуюся в линию горизонта. Кендра нежно коснулась рукой плеча сестры и сказала:

— Дэни, ты уверена? Если есть хоть какие-то сомнения, то лучше не заставляй себя.

— Я боюсь не за себя, а за него, понимаешь? — девушка тяжело вздохнула и снова посмотрела на дорогу. — Даже если он простит меня, где же гарантия, что он опять во мне не разочаруется? Смогу ли я оправдать его ожидания?

— Глупая ты, если считаешь, что он потребует от тебя что-то. А он будет глупцом, если не позволит тебе остаться! Иди давай...

Дэни покачала головой, и они обнялись. Девушке даже показалось, что, прижавшись к сестре, она почувствовала, как толкнулся в животе малыш. Показалось, возможно.

Выйдя из машины, Дэни ощутила на себе всю силу дневного палящего солнца; на небе не было ни облачка, ветер тоже стих, и от высокой травы в поле поднималось в воздух марево. Дэни пошла прямо по узкой дорожке, стараясь не думать о том, что скажет при встрече с Ричардом, что подумает о ней он, как отреагирует. Несколько минут она шла через поле, и сухая трава то и дело щекотала ей ноги. Даже в такой день Кендра вынудила её надеть летнее платье, так что Дэни считала, что была похожа на огромную фиалку.

Чем ближе она подходила к заветной цели, тем быстрее гасла её решимость. Боязнь отказа, его отказа, всё ещё беспокоила её, но она не собиралась отступать. Дэни научилась идти до конца и принимать всё, чем бы не наградила её жизнь. Одиночество и гордыня научили её, больше ей не хотелось коротать с ними время.

Небольшой одноэтажный дом стоял на широкой площадке высокого холма, на который вели деревянные ступени. У подножья Дэни даже обнаружила указатель: «Stone Peak».

Поднявшись наверх и встав перед домом, Дэни прошептала себе в помощь короткое напутствие и, войдя под навес через деревянное крыльцо, решительно постучала. Снова и снова. Никто ей не ответил. Девушка обошла дом слева и, только когда попала на задний двор, увидела Ричарда.

Он был один, стоял спиной к ней, одетый в белую майку и серые джинсы; босыми ногами он стоял на зелёном газоне перед грубосколотым столом и вколачивал молотком гвоздь в какую-то деревяшку. Увидев его, Дэни растерялась. Её руки задрожали, даже ладони вспотели, и вдруг захотелось плакать, и не просто плакать, а разреветься. Она так соскучилась по нему! Так сильно обрадовалась, что он жив и находится здесь, очень близко, что совершенно раскисла. А ведь она настраивалась на серьёзный разговор.

— Ричард? Ричи-Рич? — позвала она, но тот ей не ответил.

Лишь сделав пару шагов вперёд она поняла, что Ричард слушал музыку, провод наушников торчал из его заднего кармана. Но Дэни не пришлось ждать дольше, потому что парень вдруг опустил руку, отложив инструмент, снял наушники и медленно, будто боясь чего-то, повернулся.

Он действительно выглядел хорошо, Дэни не знала, какие тяжёлые операции он перенёс, но его лицо было ровнее, волосы заметно отрасли, и он напомнил ей того Ричарда,

которого она видела на старых фотографиях. Он же смотрел на неё немного удивлённо, но и это прошло. Он лизнул пересохшие губы, оперся о стол рукой и стал ждать, что скажет девушка.

— Рич, пожалуйста, выслушай меня. Я знаю, ты обижен, что я так поступила с тобой, — заговорила Дэни, выставив руки перед собой, будто защищаясь. — Ты говорил мне тогда столько приятных вещей, ты был очень нежен со мной, а я просто... Я не знаю, как просить прощения, меня ничто не может оправдать! Но всё происходило так стремительно быстро, так неожиданно... И то кольцо, которое я нашла... Чёрт, я подумала, что оно было для меня! И я испугалась, Рич, слышишь? Ну что же ты молчишь?

— И чего ты теперь хочешь?

О, как же хорошо, подумала она. Как это здорово снова слышать его голос, не по радио, не из колонок в салоне автомобиля или наушников плеера, а рядом с собой!

— Я не знаю, чего хочу, правда, — сказала Дэни просто. — Может быть, чтобы ты сказал, что тоже любишь меня. Может быть, что ты меня прощаешь. Или чтобы ты прогнал меня прямо сейчас и не заставлял думать, будто у меня ещё будет шанс.

Она вспомнила, как он назвал её когда-то бессердечной. Теперь ей было страшно, что её сердце действительно разобьётся, и только он мог бы сделать это. Первый раз за долгое время она заплакала вот так, у кого-то на глазах.

Ричард смотрел на неё очень пристально, но нельзя было точно сказать, о чём он думал. И лишь когда он медленно, будто бы неохотно, подошёл к ней, Дэни сжалась и сцепила руки за спиной, чтобы хоть как-то держаться прямо.

Его губы коснулись её рта так неожиданно, что она едва успела сделать вдох. Сильные руки сжали её плечи, и поцелуй стал настойчивей, глубже. Всё ещё трясась и путаясь с мыслями, Дэни покорно принимала этот поцелуй, в котором скрывалось всё, чего она могла бы желать: прощение, страсть и любовь.

Руками она обхватила его широкие плечи, ощутив под пальцами всё те же шрамы, и снова заплакала. Её лицо стало влажным, а поцелуй принял солоноватый вкус. Ричард оторвался от неё, а когда попытался посмотреть ей в лицо, она опустила глаза.

— Ну что ты, а? Чего ты теперь плачешь? — спросил он, улыбнувшись нагло и смело, и нежно провёл пальцами по влажным щекам девушки.

— Я думала, ты меня ненавидишь. Ты заставил меня себя ненавидеть!

Она отчаянно пихнула его в бок, а он на это засмеялся ещё громче:

— Так тебе и надо! Теперь ты будешь рассказывать обо всём, что у тебя на душе, а не убегать от меня без причины. Согласна?

— Согласна, Ричи-Рич. Но лучше поцелуй меня ещё раз, пока я тебя снова не ударила!

И он охотно выполнил её просьбу, потому что голос её прозвучал грозно.

Ричард уже забыл, что на вечер у него намечался очередной эфир на местном радио, так что бедный диджей ставил всё больше и больше старых хитов, лишь бы чем-то скрасить оставшийся час. А Дэни не вернулась в мотель, сославшись на позднее время. Ричард обещал показать ей дом, а после сыграть на гитаре парочку новых песен. Он даже предположил, что они смогут увидеть из окна того самого медведя.

Кто знает, а вдруг?

Больше книг на сайте - Knigolub.net